

**Сказание о житии преосвященного
Феофана и его «затворе»
протоиерей Михаил Хитров**

Глава I

Тихая скорбь витает в русском православном мире...

Еще так недавно скончался великий Оптинский старец иеросхимонах «Батюшка» Амвросий и вот новая тяжкая утрата: 6 января преставился преосвященный Феофан, великий молитвенник и затворник.

Все, кто только знал о почившем святителе, – для кого он был незаменимым руководителем, кто обязан был ему сокровищами ума и сердца, кто находил у него утешение в скорбях, ободрение и помощь в подвиге жизни – а таковых много, много на св. Руси... все они глубоко чувствуют теперь свое сиротство, свою незаменимую потерю. Но это – не обычная скорбь, которая бывает у людей при утрате дорогого человека, которого всегда видели и не увидят более, к которому так привыкли. Огромное большинство тех, кто знал и глубоко чтит почившего святителя, никогда не видали его при жизни. Поэтому и скорбь их особого рода. Она не выражается воплями о разлуке, а глубоко ложится на душе, затрагивая самые сокровенные движения сердца, проникая до тайников духовной жизни, до той области духа, для которой почивший именно и был необходим, как великий наставник, как яркий светоч, горевший ярким, всеозаряющим светом среди возникавших внутренних смут, среди мглы колебаний и сомнений, как мощный помощник в борьбе с внешними, а главное – внутренними невзгодами. Да растворится эта скорбь у всех, кто живо чувствует свою утрату, великим утешением, что почивший отошел туда, куда давно уже всецело устремлена была его душа, достиг того, чего так пламенно желал при жизни. Давно уже он в своем «затворе» скрылся от очей мира, хотя и горячо любил людей, давно уже стоял над той таинственной гранью, что разделяет видимое от невидимого, земное от небесного.

Не только те, кто непосредственно от самого почившего святителя получали духовную помощь, – но и весь православный мир и все истинно русские люди глубоко почувствовали значение события: Вышенская обитель, где

подвизался святитель, благодаря ему, сделалась источником яркого духовного света, – того истинного просвещения, которое бесконечно выше всех знаний, приобретаемых в высших школах науки, потому что оно возвышает самые знания, могущественно действует на все стороны духа, укрепляя силы, потому что всходит не от одного ума, но и от глубоко чувствующего сердца. Да, угас великий светильник, ярко озаривший своими богомудрыми писаниями ту область ведения, которая составляет единое на потребу, в котором «воистину воплотился весь дух православия и еще раз давно сказалась его вечно юная жизненная сила».

И не для православного мира жизнь почившего святителя составляет глубоко знаменательное и поучительное явление. Давно мы слышим толки об упадке христианства в современном мире, об оскудении идеалов, об измельчании жизни. Слышатся уже и другие горделивые речи: время-де веры прошло, настало время науки, настало время вооруженной работой на благо человечества, на устройство его материальной жизни, без всякой мысли о будущей. Уже виднеются нам и горькие плоды такого пренебрежения высшими, духовными стремлениями: погрузившись в материю, заблудшие в этой пресловутой борьбе за существование, за материальные блага, объявляют войну всему современному строю общества, не стесняясь никакими нравственными требованиями, руководясь исключительно материальными, зверскими инстинктами... И вот среди нас, в конце пресловутого девятнадцатого века, является «богатырь духа», ополченный высшими нравственными силами, который и своим сильным словом и поразительным подвигом целой жизни свидетельствует о непобедимой силе христианства, абсолютном достоинстве его требований, ярко раскрывающий перед нами дивную красоту и неистощимые богатства этого единственно ценного сокровища – истинно христианской жизни. Благодарение Всевышнему, воздвигающему великих наставников во время благопотребное!.. И невольно теснится в голову сравнение настоящего с давно минувшим: так же, как теперь, в конце прошедшего века, когда проповедь

материализма, заразив лучшие головы в Европе, проникла и в наше отечество, – отрекшись от мира, в тиши уединения, великий святитель Христов св. Тихон писал свои вдохновенные сочинения «о духовной мудрости», о «слепоте человеческой», о «суетном и прелестном украшении», о «презрении и отрицании мира», «о любви Божией!..» Счастлива, благословенна Богом страна, произращающая столь дивные плоды, воистину божественно духовное семя, так мощно раскрывающее в них свои силы!!...

Однако, в настоящее время, когда едва минуло только 40 дней со времени кончины почившего Святителя, было бы преждевременно распространяться о значении жизни и трудов его. Всестороннее изучение их и возможно полная оценка – впереди. Зато тем сильнее сказывается сердечная потребность поближе познакомиться с ним самим, начертать насколько возможно полнее его лучезарный образ. К величайшему прискорбию, у нас имеется пока слишком мало данных для выполнения этой задачи. В высшей степени желательно было бы увидеть в печати, подобно «Сказанию о житии Оптинского старца отца иеросхимонаха АМВРОСИЯ, архимандрита Григория (Борисоглебского)», Письмам Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия» и «Сборнику его статей и писем» (см. Душеполезное Чтение за 1891, 1892, 1893 и текущий годы), – все воспоминания лиц, знавших в Бозе почившего святителя-затворника, которые пролили бы побольше света на его ранние годы, на домашнюю обстановку, среди которой он рос, на его семейные отношения и особенно на внутреннюю его жизнь в «затворе». В настоящее же время, не смотря уже на имеющиеся некоторые «сказания» о почившем и доставляемые нам письма и заметки, почти единственным источником наших сведений о святителе служат его сочинения, которые, конечно, останутся и навсегда главным пособием при составлении его полной биографии: настолько ярко и жизненно отразился в них его образ! Все, что ни писал он, носит на себе неизгладимый след его личности, все в высокой степени оригинально, самобытно, наконец все навлечено из глубоко пережитого внутреннего опыта.

Покойный – в мире Георгий Васильевич Говоров – был сын священника Владимирской церкви села Чернавска Елецкого уезда Орловской губернии, родился 8 января 1815 года. Первоначальное обучение дано ему было в родительском доме.

За неимением сведений о домашней обстановке детства почившего, обратимся к его сочинениям и, полагая, не сделаем ошибки, если скажем, что родители его старались дать ему воспитание в духе церкви. «Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце, писал впоследствии владыка, есть церковность, в которой неисходно должны быть содержимы воспитываемые дети. Сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди его, ради тишины и теплоты, отречение от блестящего и привлекательного в мирской суете, не могут лучше напечатлеться в сердце. Церковь, духовное пение, иконы – первые изящнейшие предметы по содержанию и по силе...»

Пройдя курс духовного училища в г. Ливнах, он поступил в Орловскую духовную семинарию, где и обучался 6 лет от 1831–1837 года. Нам слишком хорошо известны условия училищного и семинарского образования тридцатых и сороковых годов – так много было писано о темных сторонах его, но нельзя отказать старой духовной школе в одном великом преимуществе: в цельности направления и в серьезном закале мысли, которые давались ею, разумеется, лучшим ее питомцам.

Свое образование закончил покойный в Киевской духовной академии в составе десятого курса (в 1837–1841 годах). Товарищем его по академии был покойный Московский митрополит Макарий. За это время мы не можем его представить себе иначе, как светлым, скромным и благоговейным юношей. «Будьте со всеми приветливы, благодушны и веселы, как и всегда. Только от смеха, смехотворства и всякого пусторечия воздерживайтесь. И без этого можно быть и приветливою, и веселою, и приятною. Никогда и ни под каким видом не угрюмничайте», писал святитель одной юной своей корреспондентке. «Река жизни нашей пресекается волнистой полосой юности. Это время воскипания телесно-духовной жизни. Тихо живет дитя и отрок,

мало быстрых порывов у мужа, почтенные седины склоняются к покою; одна юность кипит жизнью. Надобно иметь очень твердую опору, чтобы устоять в это время от напора волн... Что сказать о том, кто не только не любил христианской жизни и истины, но даже никогда и не слышал о них?.. Он – дом без ограды, преданный разграблению или сухой хворост, преданный горению в огне... Юноша живет сам по себе, и кто исследует все движения и отклонения его сердца? Это тоже, что исследовать путь птицы в воздухе или бега корабля в море!! Что брожение вскипающей жидкости, что движение стихий при разнородной их смеси, то сердце юности. Все потребности так называемой природы в живом возбуждении, каждая подает голос, ищет удовлетворения. Как в природе нашей чувствуется расстройство, так и совокупность этих голосов то же, что беспорядочные крики шумной толпы. Что ж будет с юношей, если он наперед не приучен влагать в некоторый строй свои движения и не наложил на себя обязательства хранить их в строгом подчинении некоторым высшим требованиям? Если, сии начала глубоко запечатлены в сердце в первоначальном воспитании и потом сознательно приняты в правило, то все волнения будут происходить как бы на поверхности, переходно, не сдвигая основания, не колебля души». С полным основанием мы можем приложить эти слова к пережитому опыту самого писавшего их...

Киевские пещеры и памятники свящ. старины, безмолвные, но красноречивые свидетели великих подвигов русского иночества, без сомнения, не раз были посещаемы молодым студентом, и, может быть, в тиши молитвенного уединения среди них созрела мысль об отречении от мира.

За несколько месяцев до окончания курса, Георгий Васильевич Говоров действительно был пострижен в монашество ректором академии Иеремиею (Соловьевым), впоследствии епископом Нижегородским. Рано, как видно, почувствовал покойный свое истинное призвание: его душевные качества, – именно бесконечная доброта сердца, голубиная кротость, снисходительность к людям, доверчивость и некоторая застенчивость в обращении, сказывавшиеся уже и тогда, указывали ему не на поприще житейской борьбы и

суеты... 7 апреля того же года юный инок был рукоположен во иеродиакона, а 7 июня – в иеромонаха.

Глубоко залегли в душу юного инока пережитые тогда ощущения. «В Киевской академии, так вспоминал впоследствии Владыка-подвижник про это время, постригли нас четверых в монахи. После пострижения мы отправились в Лавру к благочестивому старцу иеросхимонаху Парфению, духовнику Митрополита и Лавры, умному молитвеннику.

«Вот вы ученые монахи, говорил старец, набравши себе правил, помните, что одно нужнее всего: «молиться и молиться непрестанно умом в сердце Богу, вот чего добивайтесь», и я с молодых дней этого искал и просил, чтобы никто не мешал мне пребывать непрестанно с Богом.»

Мы можем отчасти судить о том, как будущий великий подвижник готовил себя к новой жизни, «Надобно вам, пишет он впоследствии, – все вещи, какие бывают у вас на глазах, перетолковывать в духовном смысле, и это перетолкование так набить в ум, чтобы, когда смотрите на какую вещь, глав видел вещь чувственную, а ум созерцал вещь духовную. Например, видите вы пятна на белом платье, и чувствуете, как неприятно и жалко это встретить. Перетолкуйте это на то, как жалко и неприятно должно быть Господу, Ангелам и Святым видеть пятна греховные на душе нашей, убеленной созданием по образу Божию, возрождением в купели крещения или омытием в слезах покаяния. Слышите вы, что малые дети, оставшись одни, поднимают беготню, шум и гам. Перетолкуйте это на то, какой поднимается шум и гам в душе нашей, когда отходит от ней внимание к Богу со страхом Божиим. Обоняете вы запах розы или другой какой, и вам приятно, но, попав на течение дурного запаха, вы отвращаетесь и зажимаете нос. Перетолкуйте это так: всякая душа издает свой запах (Апостол говорит: мы благоухание Христово. 2Кор.2:15), добрая – хороший, страстная – дурной... Это я говорю вам только для примера, а всякая вещь может порождать духовные мысли, у одного – одни, у другого – другие. Как найдете более для себя пригожим, так и перетолкуйте все, вас окружающее и могущее встретиться кроме того. Начинайте с дома и перетолкуйте все в

нем, – самый дом, стены, кровлю, фундамент, окна, печи, столы, зеркала, стулья и прочие вещи. Перейдите к жильцам и перетолкуйте – родителей, детей, братьев и сестер, родных, слуг, приезжих и проч. Перетолкуйте и обычное течение жизни – вставание, здорованье, обед, работы, отлучки, возвращения, чаепитие, угощения, пение, день, ночь и проч. и проч. и проч... Когда это сделаете, то всякая вещь будет для вас, что книга святая или что статья в книге. Тогда и всякая вещь будет приводить вас к мысли о Боге, как и всякое занятие и дело. И будете вы ходить среди чувственного мира, как в области духовной. Все вам будет говорить о Боге и поддерживать ваше внимание к Нему.» Таким же путем, без сомнения, и мысль молодого монаха рано научилась отрешаться от всего видимого, от суеты житейской и возноситься в мир вышний, невидимый...

По окончании курса иеромонах Феофан, магистр Богословия, назначен был исправляющим должность ректора Киево-Софийских духовных училищ и преподавателем латинского языка. Около пяти лет Феофан без перерыва подвизался на духовно-учебном поприще – до 21 августа 1847 года. «Воспитатель, писал впоследствии преосвященный, должен пройти все степени христианского совершенства, чтобы впоследствии в деятельности уметь держать себя, быть способным замечать направления воспитываемых, и потом действовать на них с терпением, успешно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых. Воспитание из всех святых дел самое святое... Надобно так расположить дух учеников, чтобы у них не погасло убеждение, что главное у нас дело есть Богоугождение, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никак не должно ставить ее так высоко, и в таком блестящем виде, чтобы она занимала все внимание и поглощала всю заботу. Нет ничего ядовитее и гибельнее для духа христианской жизни, как эта научность и исключительная об ней забота. Она прямо ввергает в охлаждение, и потом может навсегда удержать в нем... Должно быть поставлено непреложным законом, чтобы всякая,

преподаваемая христианину, наука была пропитана началами христианскими, и притом православными... У нас самое опасное заблуждение то, что преподают науки без всякого внимания к истинной вере, позволяя себе вольность или ложь, в том предположении, что вера и наука – две области, решительно разъединенные. Дух у нас один. Он же принимает науки и напитывается их началами, как принимает веру и проникается ею. Как же можно, чтобы они не приходили в благоприятное или неблагоприятное соприкосновение здесь?.. Если в таком порядке будет ведено обучение, чтобы вера и жизнь в духе веры высились над всем во внимании обучаемых, и по образу занятия и по духу преподавания, то нет сомнения, что положенные в детстве начала не только будут сохранены, но и возвысятся, укрепятся и придут в соразмерную зрелость. А как это благодетельно!» Без сомнения, столь же возвышенными взглядами руководился молодой наставник при прохождении педагогического поприща. За ревностное исполнение своих обязанностей он удостоился благословения св. Синода.

В течение указанных выше пяти лет Феофан проходил следующие должности: 7 декабря 1842 г. он был назначен инспектором и преподавателем логики и психологии и Новгородскую духовную семинарию, а чрез два года, именно 13 декабря 1844 г, переведен в С.-Петербургскую духовную академию на должность бакалавра нравственного богословия. Его жизнь постепенно усложнялась: вместе с чтением лекций на него 22 марта 1845 г. возложена должность помощника инспектора академии, а с 3 июля того же года он был сделан членом комитета для рассмотрения конспектов преподаваемых в семинарии учебных предметов, но уже 25 мая 1846 г., будучи причислен к соборным иеромонахам Александро-Невской лавры, 21 августа подал прошение об увольнении от должности бакалавра и помощника инспектора академии. Душа его стремилась в более сродную ей область строго иноческого служения... Скоро Промысл Божий указал ему иное призвание: иеромонах Феофан был назначен членом нашей миссии в Иерусалим, откуда возвратился в 1853 г. Вид Палестины, ее холмов и долин, светлых озер и источников удивительно ярко

воскрешают в нашем воображении библейские события. Можно себе представить, как богато питалась душа Феофана священными воспоминаниями. Его влекло в древние обители Палестины, в знаменитую Лавру св. Саввы Освященного... Там он мог и слышать рассказы и сам наблюдать уединенную жизнь подвижников. Так, – хорошо познакомившись в юности со святынями русского Иерусалима – Киева, Феофан имел возможность изучить на месте и древние рассадники восточного подвижничества. Писания великих аскетов восточной церкви, духом которых он так глубоко проникся, получали для него особенную жизненность при созерцании священных памятников древности. За труды и заслуги в качестве члена духовной миссии в Иерусалиме он возведен был в 1855 году в сан архимандрита. Будучи, по возвращении в Россию, назначен ректором Олонецкой духовной семинарии, он и года не пробыл на этом посту: в мае 1856 года ему пришлось отправиться в Константинополь на должность настоятеля посольской церкви. Итак опять Восток... За это время он мог хорошо узнать об Афоне и тамошних подвижниках. Отправляясь к месту своего назначения, Феофан пожертвовал Олонецкой духовной семинарии все книги и рукописи своей библиотеки, за что ему преподано было благословение Святейшего Синода. По возвращении из Константинополя, архимандрит Феофан 13 июня 1857 года был назначен ректором С.-Петербургской духовной академии и профессором богословских наук, но от последней должности был уволен, по его просьбе, в самом начале учебного года, а вместо того ему поручено было наблюдение за преподаванием Закона Божия во всех светских учебных заведениях столицы и ее окрестностей. В 1859 году 9 мая архимандрит Феофан был посвящен в епископа, с назначением управлять Тамбовской епархией. Хиротония была совершена 1 июня в Александро-Невской лавре высокопреосвященным митрополитом С.-Петербургским Григорием. Пребывание епископа Феофана на Тамбовской кафедре было ознаменовано устройством женского духовного училища. Он нашел дом и средства его купить и устроить сообразно назначению, нашел и средства для обеспечения

училища. Все необходимое для жизни заведения было сделано преосвященным, но ему не привелось участвовать к торжестве его открытия: 22 июля 1863 года он переведен был на епископскую кафедру в город Владимир, как епископ «настоящим своим служением снискавший потребную опытность для управления столь обширною епархией». (Слова указа Св. Синода). В бытность свою на Тамбовской кафедре святитель заметил «и излюбленную смиренную пустынь Вышенскую, которой нет ничего на свете лучше...» Три года преосвященный управлял Владимирской епархией и ознаменовал это время открытием также и здесь женского епархиального училища. Им же основаны в Тамбове Тамбовские Епархиальные Ведомости и во Владимире – Владимирские. К сожалению, у нас нет под руками более полных сведений о деятельности преосвященного за период его управления тамбовской и владимирской паствой. Но судя по внутреннему строю души его, мы можем полагать, как тяготила его административная деятельность и самая власть епископская. По свидетельству лиц его знавших, его кротость и снисходительность к людям, его доверие к ним были безграничны... А когда ему приходилось сделать кому-либо выговор или порицание, он поручал своему ключарю исполнить за него эту тяжелую для его любвеобильного сердца обязанность...

Святитель обратился в Святейший Синод с просьбою уволить его на покой. Просьба была исполнена, и 17 июня 1866 года епископ Феофан был уволен «от управления Владимирской епархией и определен настоятелем в Шацкую общежительную Вышенскую пустынь, с поручением ему управления оною и предоставлением ему права пользоваться всем по званию настоятеля пустыни». Но его душа жаждала уже возможно полного уединения, и настоятельство, сопряженное с хозяйством и со всеми его мелочами, было бременем для Феофана. В сентябре 1866 года преосвященный послал в Св. Синод два прошения, в которых писал, что «скудость содержания и хлопотливые способы добывать его не дадут ему покоя при управлении обителью». Поэтому он просил уволить

его от управления обителью и исходатайствовать ему пенсию. Тут же он просил: 1) «предоставить ему право служить, когда пожелает, 2) оставить за ним какое-либо влияние на монастырские власти, без вмешательства в дела монастырского управления и 3) оставить за ним занимаемый им флигель с тем, чтобы обитель как приспособила этот флигель к помещению его, поправляла что ежегодно потребуется и отопляла, так и помогала ему, преосвященному, в добывании нужного к трапезе или даже и доставляла всю трапезу». Св. Синод своим определением, от 19/28 сентября 1866 года, постановил: 1) «уволить преосвященного епископа Феофана от управления Вышенской пустынью, 2) предоставить ему право служения, когда пожелает, 3) подчинить ему по церковно-служебной части братию Вышенской пустыни так, чтоб они совершали с ним церковные службы по его назначению, 4) предоставить в его распоряжение занимаемый им флигель, обязав пустынь приспособить, ремонтировать, отоплять оный и исполнять желание епископа относительно трапезы и 5) назначить ему пенсию в 1.000 рублей со дня увольнения на покой от управления Владимирской епархией», то есть с 17 июня 1866 года. С тех пор началась его подвижническая жизнь, продолжавшаяся 27 лет, с тех пор в течение долгих лет «горел он, как свеча или неугасимая лампада пред ликами Христа, Богоматери Заступницы и святых Божиих».

«Около шести лет, говорит свидетель-очевидец, горение это было явное, ибо святитель ходил ко всем службам Божиим, наравне с иноками, и к ранней литургии; слушая службы Божии, стоял он благоговейно, тихо, не озираясь никуда, бодренно, как воин пред царем, так и он пред Христом Царем небесным, очи свои закрывал, ради собранности ума и сердца в молитве; случалось, после литургии подносящий владыке антидор стоял пред ним минуты две, и погруженный в молитву богомолец открывал очи и брал поднесенное.

«В великие праздники и воскресные дни наш святитель служил соборне, с о. архимандритом и братией, божественную литургию. Своим благоговейным священнослужением святитель Феофан и в сослужащих с ним вселял благоговение и страх

Божий. Едва ли кто из нас, иноков вышенских, когда-либо слышал во св. алтаре какое стороннее слово из уст святителя Феофана, кроме последования богослужебного. И поучений он не говорил, но самое служение его пред престолом Божиим было живым поучением для всех. Бывало среди верующего простого народа только и слышны сердечные вздохи умиления и возгласы: Господи помилуй». Тамб. Епарх. Вед. № 6. «Воспоминания Вышенского инока».

С 1872 года святитель сам устроил в своих келлиях малую церквцу, во имя Богоявления Господня. Тогда он заключился в своей келлии, прекратив все сношения с людьми, за исключением своего духовника и настоятеля пустыни. Со всеми, кто жаждал его духовного руководства, он сносился только письменно...

Что склонило святителя к такому полному отрешению от общества, от мира, наконец даже от общения с братией? Кто может вполне разъяснить нам это? «Есть, например, посвящающие себя науке, искусству... от чего? Такой талант, писал святитель, – почему же не благоволить к тем, кои посвящают себя Богу? Ибо и это дар Божий, – настроение духа таково...» Настроение духа, конечно, дар Божий, но оно окрепло, бесспорно, благодаря сознательному подвигу. И, думается нам, на святителя Феофана имел могущественное воздействие пример другого святителя, подобно ему удалившегося на покой и проведшего всю остальную жизнь в молитве, богомыслии и великих подвигах, именно Св. Тихона Задонского. Недаром так часто упоминает он его в своих сочинениях, настойчиво советует читать его сочинения. Недаром в своем затворе, сам, своей святительской рукой, он писал его образ во весь рост – и оставил его еще не вполне оконченным... Недаром еще юношей ходил он за 100 верст на поклонение гробнице святочтимого им угодника Божия; недаром Промысл Божий привел его быть и свидетелем великого торжества православной церкви – открытия мощей святителя Тихона...

«Даруй вам, Господи, увидеть монашескую жизнь в монастыре, писал Владыка. Извольте знать, что во всяком

монастыре текут две жизни: одна обычная, житейская, – ходят, говорят, едят, пьют, спят и проч.; а другая – собственно монашеская, в молитве, посте, богомыслии и борьбе со страстями проходящая. На виду только первая, – а вторая не видна и намеренно скрывается, даже от своих, а не только от пришлых...»

«Хотелось бы, говоришь, в затвор. Раненько, да и нужды нет. Один же живешь. Когда-когда кто зайдет. А что в церкви бываешь, это не разбивает твоего одиночества, а утверждает, или дает тебе силу и дома проводить время молитвенно. По временам можно – день, другой не выходить, все с Богом стараясь быть. Но это у тебя и само собою бывает. Так нечего загадывать о затворе. Когда молитва твоя до того укрепитя, что все будет держать тебя в сердце пред Богом, тогда у тебя и без затвора будет затвор. Ибо затвор что есть? То, когда ум, заключившись в сердце, стоит пред Богом в благоговеинстве и выходить из сердца или чем-нибудь заняться другим не хочет. Этого затвора ищи, а о том не хлопочи. Можно и при затворенных дверях по миру шататься или целый мир напустить в свою комнату.»

Можно быть затворником и живя в мире.

«Ищущему Господа надобно удалиться от мира. Под миром разумеется все страстное, суетное, греховное, вошедшее в жизнь частную, семейную и общественную и ставшее там обычаем и правилом. Потому удалиться от мира не то значит, чтобы бежать от семейства или от общества, а оставить нравы, обычаи, правила, привычки, требования, совершенно противоположные духу Христову, принятому и зреющему в нас. Гражданство и семейство – благословенны у Бога; потому не должно отрешаться от них или презирать, равно как и все, принадлежащее к их существенному благоустроению. Но все пришлое к ним, прихотное, похотное и страстное, как нарост вредящий и искажающий их, должно презреть и отвергнуть. Убежать от мира значит установить себя в истинной семейственности и гражданственности; все же другое сделать так, чтобы оно было как бы не наше, не нас касалось. Требуемые мира сего, яко не требующе (1Кор. 7:81). Почему так

должно делать, очевидно само собою. Суетное, страстями пропитанное, неминуемо передает в душу нашу то же, возбуждает или прививает страсть. Как ходящий около сажи или касающийся огня опалается, так и участвующий в мирском пропитывается страстным, богопротивным. Потому, попавши в мир, покаявшийся снова падает, а невинный развращается. Это неизбежно. Тотчас омрачается ум, рождается забвение, ослаба, плен и расхищение, а там и уязвление сердца, за ним страсть и дело, – и человек пал... А что именно оставить и как, тому учит более опыт, нежели наше писание. Закон такой: оставить должно все, что опасно для новой жизни, что возгревает страсть, наносит суету и погашает дух; а во всем этом сколько разнообразия!.. Меров тому пусть будет собственное сердце каждого, искренно ищущего спасения без лукавства, не на показ только... Отсюда следует, что оставить мир есть не что иное, как перечистить всю свою внешнюю жизнь, устранить из нее все страстное, заменить чистым, не мешающим духовной жизни, а помогающим ей – в жизни семейной, частной, общественной; установить вообще образ внешнего своего поведения дома и вне, с другими и по должности.»

«Страшно, однакоже; как же быть, оставя мир? Это страшно только снаружи, внутри же оставление мира есть вступление в рай. Совне – тотчас озлобление, скорби, потери: что же? – Скрепи себя терпением. Чтó дороже: мир или душа, время или вечность? Отдай малое – и возьми неизмеримое по всем измерениям. Бывает, впрочем, и так, что сильный натиск от мира бывает только в начале, потом стихает, стихает, и оставивший мир оставляется в покое, ибо в мире редко кем дорожат, – поговорят, поговорят, а там и забудут. С оставляющими мир – то же, что и с мертвыми. Потому можно и не так страшиться неприязни мира, ради его суетливости и гордости, – ради того, что он любит наличное, а другое забывает. Он – зрелище: занят только или держит в себе тех, кои в нем, до других же ему мало дела.»

«Таким образом, то занятиями, обращенными на созидание души, то стеснением плоти во всех ее частях, особенно тех, кои суть ближайшие органы души, то перечищением внешнего

порядка, человек ищущий хорошим и прочным оплотом обезопасит свое внутреннее. Укрепившись внутри духовными и душевными занятиями в уединении, при стеснении плоти, исходит он к делам семейным, или гражданским, или общежительным, к делам чистым и спасительным, по воле Божией, и всем тем создается в духе или, по крайней мере, не расхищается»,

«Одно еще может его развлекать – это непрестанное видение и слышание вещей – то мирских, то простых, кои только потому, что действуют на душу, извлекают ее чрез внимание к себе вон и расхищают. Если бы заградить и эти отверстия, то покой внутри был бы ненарушим. Очевидно, надежнейшее и решительнейшее к тому средство есть заграждение чувств; но это не всякому можно и должно.

Потому св. отцами изобретено спасительное средство: и подлежать впечатлению внешних вещей, и не развлекать, а созидать дух. Оно состоит в том, чтобы всякой вещи, всему видимому и слышимому дать духовное знаменование и до того укрепиться в помышлении о сем духовном знаменовании, чтобы при взгляде на вещь не она касалась сознания, а ее знаменование. Кто сделает это для всего встреченного, тот постоянно будет ходить как в училище... И свет и тьма, и человек и зверь, и камень и растение, и дом и поле, и все – все до малейшего будет уроком ему; надлежит только истолковать себе и укрепиться в том. И как это спасительно!.. «Что ты плачешь?» – спрашивали ученики у старца, увидевшего красивую, разряженную женщину. – «Плачу, отвечал он, о гибели твари Божией разумной и о том, что не имею такого радения о душе во спасение, как она о теле на пагубу...» Другой, услышав плач жены на могиле, сказал: «так христианин должен плакать о грехах своих.»

«Без дела как быть? Будет грешная праздность. И работать что-нибудь надо и кое-какие хлопоты исполнять. Это долг ваш. Всякое дело, сознанное достодолжным, надо делать со всем усердием, это есть долг, огражденный страшным прещением: проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением. И внешних отношений пресечь нельзя. Надо держать их и держать

достодолжно. Это долг общежития человеческого... Есть у нас поверье, и чуть ли не всеобщее, что коль скоро займешься чем-либо по дому или вне его, то уже выступаешь из области дел божеских и Богу угодных. Оттого, когда породится желание – жить богоугодно или зайдет речь о том, то обыкновенно с этим сопрягают мысль, что уж коли так, то беги из общества, беги из дома, – в пустыню, в лес. Между тем и то и другое не так. Дела житейские и общественные, от которых зависит стояние домов и обществ, суть Богом определенные дела, и исполнение их не есть отбегание в область небогоугодную, а есть хождение в делах Божиих... Но забота или многозаботливость, точащая сердце и покоя ему не дающая, есть болезнь падшего, который взялся сам устроить свою судьбу и мечется во все стороны. Она разбивает мысли и даже на том деле, о котором хлопочет, не дает им сосредоточиться...»

Так понимал святитель затвор. Затвор внешний лишь помогает внутреннему.

«Монашество есть, с отрешением от всего, непрестанное умом и сердцем пребывание в Боге. Монах тот, у кого так устроено внутреннее, что только и есть Бог, да он исчезающий в Боге».

«Так как сему настроению много мешает семейная и гражданская жизнь, то ищущие его удаляются от общества разрывают или совсем не вступают в семейные связи...»

«Уж когда в монастырь, то на одиночество. Плохо жить в монастыре тому, кто в общении со многими хочет жить там, как бы в обществе. И там одного только знать надо, – настоятеля, или духовного отца и старца...»

В обитель вступают для того, «чтобы жить в послушании безропотном, в пощении строгом, в молитве трудолюбной и трезвении бодрственном. Тут ничего неимение, своей воли отсечение и себя нежаление вымолачивают из души все страстное. Затем водворяется мирное устроение сердца, и чистота сердца – последняя цель мироотречной жизни. Я не гоню вас из мира...»

Но если кто твердо решился – «как это сделать? – Как кто может, только сделай с совета и рассуждения, по руководству

отца духовного, или того, к кому есть доверие. Иные делают это вдруг и, кажется, лучше, а иные исподволь. Должно только с первой же минуты все мирское и греховное возненавидеть сердцем и быть для него чуждым... За этим внутренним оставлением мира оставление видимое может последовать и вдруг и исподволь. Человек слабый в духе не снесет продолжительного искуса, не устоит, расслабев и падает...»

Если всякая решимость на все доброе дается человеку не легко, тем более – решимость вполне умереть для мира, решимость расстаться со всеми пристрастиями, «стереть в порошок нашу каляную самость, наш упорный эгоизм...» Борьба настает жестокая, упорная, страшная... «В минуту возбуждения... грех молчит, как будто не до него касается то, что происходит у человека; но теперь, когда его хотят поправить, он, тысячеглавый, как называет его св. Лествичник, тысячи воплей испускает на человека, замышляющего сие, в это мгновение вся бездна зла, крившаяся в сердце, возмечается, как прах, и стремится опять покрыть всю его душу. Подобно тому как пробудившийся, пока думает еще только встать, – все в теле у него спокойно. Но лишь только положит он встать самым делом и мало напряжет мышцы, – все боли в теле, которые дотоле не беспокоили, теперь дают о себе знать и поднимают жалобы. Так и у склонившегося на благодатный зов, греховные боли молчат, пока он доходит до сего склонения, но как только положит он приступить к делу, все эти немощи поднимают тревогу – сильную и смутительную. Помысел за помыслом, движение за движением поражают бедного человека и влекут назад; нападая без всякого порядка со всех сторон, охватывают душу и погружают ее в волнении своем. Все доброе у человека держится как бы на волоске и сам он поминутно готов оторваться от того, чем держится, и снова погрузиться в ту же среду, из которой восхотел выйти. Одно спасает его – та сладость, льгота и отрада, которых вкусить удостоился он в момент возбуждения, и та крепость, которую ощутил он, когда изрек в сердце: «итак, сейчас начну». Кто видел, как малая искра туда и сюда носится в дыме, но все еще как бы стоит за себя или как малая частица дерева бросается волнующеюся

струею то вверх, то вниз, то вправо, то влево, – тот имеет в этом образ того, что бывает в сию минуту с благим желанием человека. Не в душе только смятения, но и кровь вся волнуется, бывает даже шум в ушах и туман в глазах...»

Как проходила жизнь святителя в глубине его затвора? Кто может поведать нам тайны его глубокого уединения? Кто может знать о нас, кроме всевидящего Сердцеведца Бога? Даже иноки Вышенской обители мало знали о нем, даже слуга покойного, ближайший к нему человек, и тот не был посвящен в эту таинственную жизнь, являясь в келлии только по зову и на короткое время... До 1872 года можно было видеть святителя за богослужением, на редких прогулках и выездах. Иногда он принимал посетителей и беседовал с ними, но с этого года, казалось, все отношения его к внешнему миру прекратились, с этого периода он, можно сказать, только телом принадлежал земле, духом же обитал в горнем мире... Один из иноков Вышенской обители пишет, что за последний период полного затвора они, иноки, могли только судить о жизни владыки, «и то по малым ее проявлениям». «Известно нам, что в течение 21 года богомолец наш уединенник совершал в своей малой церкви келейной, в первые десять лет каждый воскресный и праздничный день, а в последние одиннадцать лет ежедневно божественную литургию, а также и другие положенные св. церковью богомоления и свои личные. Келейный служитель приготавливал богомольцу святителю в определенное время только самое необходимое для литургии: облачение, вино церковное и просфоры. Совершал свои богомоления уединенник один пред Господом, в сослужении свв. ангелов... На вопрос ближайшего своего почитателя-ученика, как он служит литургию, покойный святитель говорил: «служу по служебнику молча, а иногда и запою...» Другой инок, больной и не могущий бывать в храме Божиим, спрашивал у святителя, как ему исправлять в келлии правило свое молитвенное и за службы церковные что исполнять, и получил ответ: «заменяй читаемое и поемое за службами церковными молитвой умной Иисусовой, по четкам, как положено в конце псалтири и служебника, за каждую службу... И я так делаю... когда не могу

вычитывать по книгам церковным все службы, выполняя положенное в уставе церковном известное число молитв Иисусовых...» На желание того же инока – нельзя ли ему, хотя изредка, когда в силах будет, приходить на литургию, совершаемую им в келлии, чтобы приобщиться из святительских его рук, богомолец отвечал: «приобщаться тебе неудобно у меня, имей запасные дары Тела и Крови Христовых, и приобщайся келейно, по должном приготовлении...»

Один священник просил чрез инока Вышенского наставления себе у святителя, как ему поучать своих прихожан. «Ну кто я такой, чтобы давать другим наставления, отвечал смиренный учитель, пусть берет св. Тихона творения и читает в церкви, и довольно с него.» Получая лично св. книжки от святителя, тот же инок говорил ему: «Владыко святой! Как и читать ваши св. творения и святоотеческие; ничего не вижу я в себе похожего на то, что творили Божии угодники... Ничего у меня нет доброго...» «Что же делать? я вот и книги составляю и пишу, отвечал Владика, а и у меня ничего нет!.. Все от милости Божией! Надо смиряться.»

Удостоенный особенной милости от святителя – входить к нему лично, инок вышенский, изредка входивший, свидетельствует перед Богом: «кротость и незлобие святитель Феофан проявлял истинно ангельские, чисто младенческие...» Наш святитель никого никогда не осуждал, не любил разбирать дел человеческих и говорить о чем-либо мирском, суетном, тленном. Однажды этот же инок, по духовной нужде своей, придя к нему, увидав его ласковость и веселость, осмелился сообщить ему одну новость невинную из жизни монашеской... Святитель вдруг закрыл глаза свои, сидел, как бы погруженный в молитву, и ни слова не промолвил на эту новость. Прошло несколько минут, опомнился принесший новость, что погрешил, и владыка, открыв очи, начал разговор, но по обычаю о едином на потребу, спасении души, о немощах и неисправлениях, о том, как жить и благоугождать Господу...

Когда надо было прекратить беседу, то святитель давал о сем знак погружением внутрь себя молитвенным. Воздохнув из глубины души, скажет: Господи помилуй! Боже наш, помилуй

нас! И уйдет как бы весь внутрь себя пред лице Сердцеведца Господа... закроет очи и сидит молча... Тогда посетитель вставал, просил прощения и благословения, и уходил.

«Постничество, умерщвление плоти было у святителя нашего совершенное. Он был как бы проникнут весь духовностью, и тело свое питал для того только, чтобы оно помогало духу его жить свободно, легко... Иначе, подчиняясь хоть в малой мере плоти и крови, он не мог бы вместить в своем духе такой высокой премудрости Божией, какая обитала в нем и выразилась в столь многочисленных богомудрых его творениях».

Милостив почивший святитель ко всем бедным был, кажется, без границ. «Редкая почта проходит, говорил сердобольный святитель одному иноку, чтобы бедные не писали и не просили. Рад помогать и по возможности помогаю». Бывало, пред праздниками Рождества Христова и Пасхи получит милостивый святитель свою пенсию и разошлет ее всю, себе оставив только на выписку любимых ему книжек... Конвертов по 10-ти и более денежных приходилось сдавать по почте тому же иноку, по поручению св. владыки, и с суммою немалою, вдовам и сиротам и разным горемыкам в мире. И так проходило из года в год во всю его уединенную жизнь на Выше, не говоря о разных других его делах милости и помощи, в другие времена. И книжки свои он всегда дарил и рассылал безмездно. «У меня нет продажных... скажет, бывало, святитель, вот вам книжка». (Воспоминания Вышенского инок.)

Вот почти все, что можно услышать о святителе на месте его пребывания, в Вышенской обители.

Впрочем о внутреннем распорядке затворнической жизни святителя мы можем кое-что узнать и по его сочинениям. Утром, как сказано выше, он служил литургию в своей домашней церкви, находившейся рядом с его рабочим кабинетом. «В свою комнату прямо из церкви спешите, и привет ей делайте несколькими поклонами, прося Господа благоговейно, с пользой душевной провести предлежащее время уединенного дома пребывания, писал святитель одной юной особе, жаждавшей духовной жизни. Мыслям же все-таки блуждать не давайте, а

говорите в себе, ни о чем не думавши, одно: Господи, помилуй! Господи, помилуй! – Отдохнувши, какое-либо дело надо делать: или молиться или рукодельничать.» (Святитель был сам превосходным резчиком, слесарем и хорошим художником. Пишущему эти строки довелось увидеть у племянника святителя А. Г. Говорова три превосходных иконы его работы: Спасителя, несущего крест, Казанской Божией Матери и св. великомученицы Варвары, ангела супруги А. Г. Говорова. Дивно неземное выражение в св. ликах.) «Нельзя все духовным заниматься: надо какое-либо нехлопотливое рукоделие иметь. Только браться за него надо, когда душа утомлена, и ни читать, ни думать, ни Богу молиться неспособна. А если те духовные занятия идут хорошо, то рукоделия можно не касаться. Оно назначается для наполнения времени, которое без него придется проводить в праздности... Как дома молиться? Вы хорошо сказали, что надо немного надбавить против обыкновенного правила молитвенного... (Писавшая святителю в то время говела). Но лучше, если вы прибавите не лишние чтения молитв, а подольше будете молиться без молитвенника, сами своим словом изъявляя пред Господом свои кровные нужды духовные. Читайте и утром и вечером не более того, как и в обыкновенные дни; но пред началом молитвословия вашего и после него, сами своею молитвою молитесь, и в промежутки читаемых молитв вставляйте свою молитву, кладя поклоны, – поясные и земные, – и на колена становясь... Но слишком длинным и долгим правилом себя не вяжите. Лучше почаще вставать на молитву и класть поклоны в продолжение дня понемногу, но часто, чтобы весь день перетростить поклонами. Умом же совсем не отступайте от Господа, на молитве ли стоите или другое что делаете. После молитвы – чтение с размышлением. Читать надо не затем, чтобы память набивать разными сведениями и понятиями, а затем, чтобы получить назидание... Для того читать надо немного, но всякое вычитанное положение доводить до чувства, посредством долгого к нему внимания».

Далее святитель рекомендует читать особенно творения св. Тихона, замечая: «лучшего для вас чтения не нахожу».

«Отчего бывает спешность в молитве? Непонятно. За другими делами часы проводим и не кажется долго; а на молитву лишь станем, как уж думаем, что не знать как долго простояли. И ну погонять себя, чтобы скорее кончить. Никакого толку от молитвы и не бывает. Как же быть? Иные вот как делают: назначают себе на молитву четверть часа, или полчаса, или час, как им удобнее, и так подгоняют свое стояние на молитве, чтобы удар на часах – получасовой, или часовой, – давал им знать о конце стояния. Затем, становясь на молитву, уже не заботятся о прочтении стольких и стольких молитв, а лишь о том, чтобы ко Господу вознестись в молитве достодолжно во все время положенное. Другие так: определив себе время для молитвы, узнают, сколько в это время раз можно пройти четки, неспешно их передвигая. Затем, становясь на молитву, передвигают четки неспешно определенное число раз, а умом в ту пору Господу предстоят, или своим словом беседуя к нему, или прочитывая какие-либо молитвы, или без того и другого благоговейно поклоняясь Его беспредельному величию. Те и другие так навикают молиться, что минуты стояния на молитве бывают для них сладостными минутами. И уж редко бывает, чтобы они стояли на молитве лишь положенное время, но удвояют и утраивают его... Спешить чтением молитв не для чего. Пусть один псалом прочитаете во все это время. Некто рассказывал, что ему нередко случается во все положенное у него время для молитвы прочитать одно – Отче наш, потому что всякое слово у него обращается в целую молитву».

«Молитва – для самонаблюдения барометр духовный. Барометр определяет, как тяжел или легок воздух, и молитва показывает, насколько высокоходен или низкоходен дух наш в его обращении к Богу... Почаще становитесь пред своими иконами в продолжении дня и кладите всякий раз по несколько поклонов, – поясных и земных. Пасть на колена и класть поклоны еще лучше. Никто ведь не видит, кроме Господа. Молитва утром и вечером – своим чередом, а в эти частые припадания к Господу – понемногу; не так однакож, как обычно

знакомым при встрече, – кивнут головою, и довольно. Усердие впрочем всему научит.»

Мы не входим здесь в святая святых духовной жизни святителя, не изображаем его молитвенного подвига во всей полноте. Об этом речь будет еще впереди. Наша цель в настоящее время дать хотя приблизительное понятие о том, что недоступно было взорам человеческим – о затворнической жизни почившего святителя.

Во время, свободное от молитвы, святитель предавался Богомыслию, и плодом его вдохновенных созерцаний явились его многочисленные труды неизмеримо важной ценности. Нам еще придется подробнее говорить об них. Здесь же скажем только, что его ученые творения составят эпоху в развитии православной богословской мысли... Можно быть уверенным, что почивший оставил столь великое и богатое духовное наследие, что его имя не угаснет с его кончиной, а напротив с поднятием духовного самосознания в нашем обществе будет приобретать все более и более известности, как великого духовного светила православия... С.-Петербургская Духовная Академия еще в 1882 году «в выражение глубокого уважения к неутомимой и многоплодной литературной деятельности преосв. Феофана в области православного нравственного богословия и истолкования св. писания» избрала его своим почетным членом, а в 1890 году «за его многочисленные и замечательные богословские сочинения» возвела в степень доктора богословия. Святитель, без сомнения, не искал такой оценки... Главной чертой его творений, как и творений св. Тихона, следует признать их самобытную свежесть, глубокую жизненность. Все, что писал преосвященный, извлечено было из глубоко пережитого духовного подвига. Святитель обладал громадными познаниями не только в области богословской науки, но и в других отраслях знания. Он владел, кроме классических и новейшими языками, по видимому, знал и еврейский. Но основой для его богомудрых созерцаний служили почти исключительно творения восточных великих учителей и аскетов. На этой родной нам почве воспитался наш православный учитель, привнеся все разнообразие своих

духовных дарований, а главное – всю искренность и сердечность русского человека.

Немало времени у почившего отнимала и его громадная переписка. Со всех концов России летели письма в Вышенскую пустынь – с выражением духовных и телесных скорбей, с горькими сетованиями на неправды, на суету мирскую, на душевное томление. Ежедневно получалось от 20–40 писем, и на каждое письмо святитель спешил ответить. И его ответы были истинным целительным бальзамом для скорбных душ. Он чутко старался угадать духовную потребность писавшего и не жалел своих сил, обстоятельно и сердечно разъяснял все вопросы и недоумения. Письма преосвященного Феофана – это истинное сокровище. Начавши читать его переписку, нескоро оторвешься от вдохновенных страниц. Какая свежесть и изящество слога, какое изумительное богатство всевозможных сравнений, какая простота и сердечность сказывается всюду, в каждом письме!

«Как вы обрадовали меня ответом!» – часто читаем в его письмах.

«А я растерялся в догадках, что бы такое было! – А вот что! Бабушка немножко болела. Ну – бабушка победоносное слово. Для внушек нет теплее места, как у бабушек. Нет и для бабушек дороже лиц, как хорошие внуки. И за это надо Бога благодарить. – А вы чаще утешайте бабушку и повнимательнее слушайте, что она говорит. У стариц – мудрость, опытами и трудами жизни приобретенная. И они часто невзначай, в простых фразах, высказывают такие мудрые уроки, которых и в книгах поискать – не найдешь».

«Хоть вы представили очень удовлетворительное объяснение, почему не писали так долго; но все же следовало бы на вас наложить, хоть небольшую, епитимию, в видах исправления. Думаю, однакож, что, может быть, вы лучше расположитесь к исправности, если поблагодарю вас, что писали, и за то, что писали».

«Обещаете быть откровенною. Добре! Уж откровенность – первое дело в переписке: иначе нечего было ее и затевать. И пишите всегда сплеча – все, что есть на душе, и особенно

пополнее излагайте вопросы, которые зашевелиятся в голове и станут настойчиво требовать решения. Тогда и решения будут приниматься, как земля жаждущая принимает воду»,

«Пишите обо всем. Скрытность в житейском быту – не худая вещь; в духовной же жизни – самая опасная. Непременно надо иметь кого-нибудь, с кем бы можно было совещаться о всем, бывающем и вне, и паче внутри».

В другой раз владыка писал молодой особе, спрашивавшей относительно чтения:

«Так как же – можно читать иное что кроме духовного? Сквозь зубы говорю вам, чуть слышно: пожалуй, можно, – только немного и не без разбора. Положить такую примету: когда, находясь в добром духовном настроении, станете читать с человеческими мудростями книгу, и то доброе настроение начнет отходить, бросайте ту книгу. Это всеобщий для вас закон».

«Но и книги с человеческими мудростями могут питать дух. Это те, которые в природе и в истории указывают нам следы премудрости, благодати, правды и многопопечительного о нас промысла Божия. Такие книги читайте. Бог открывает Себя в природе и истории так же, как и в слове Своем. И они суть книги Божии для тех, кто умеет в них читать».

«Сказать: читайте такие книги – легко; но где их взять? Этого я вам указать не могу. Ныне более выходит книг по предметам естествознания. Но почти все они с дурным направлением, – именно, покушаются объяснить происхождение мира без Бога, и все нравственно-религиозные, и другие проявления в нас жизни – без духа и души. И в руки их не берите. Есть книги по предметам естествознания без таких мудрований. Те можно читать. Хорошо уяснить себе строение растений, животных, особенно человека, и законы жизни, в них проявляющейся, великая во всем этом премудрость Божия! Неисследимая...»

«А повести и романы!? Есть и между ними хорошие. Но чтобы узнать, хороши ли они, надо их прочитать, а прочитавши, наберетесь таких историй и образов, что – Боже упаси! Занавозите свою чистенькую головку. После, поди – вычищай...

Когда кто из прочитавших благонамеренных людей порекомендует какую повесть, можете прочитать...»

Так говорить может только отец или любящий родственник...

Той же особе, собравшейся к преподобному Сергию на богомолье: «Вы напрасно полагаете, что это будет приятная прогулка. Верст пять-десять, может быть, пройдете не без приятности, а потом начнете чувствовать не то, что ожидаете. В два дня дойдете. На первом ночлеге узнаете, что значит пешеходство, если не знали его прежде. Не забудьте взять пузырек водки с солью, на ночь натрете ею ноги. К вечеру-то они будут уж не свои. Натрете, к утру они немного отойдут. Утром уж не так пойдете, как из Москвы, но разойдетесь. Обратно можно и по чугунке, а то едва ли сдюжаете еще два дня пройти...»

И затем в самом конце большого письма: «не упустите главного – слезку сокрушения. Одна слезка, – и будете как выкупавшись или в бане помывшись. О такой слезке я и прежде хотел вам нечто написать, да забыл. Пропишу теперь. Вы берете книги из библиотеки для чтения. Возьмите Жуковского и прочитайте статью: Пери и ангел. Она, кажется, в пятом томе. Преназидательная. Она большая. Расскажу вам коротенько ее содержание! Пери – дух, один из увлеченных в отпадении от Бога, опомнился и воротился в рай. Но, прилетев к дверям его, находит их закрытыми. Ангел – страж их говорит ему: есть надежда, что войдешь, но принеси достойный дар. Полетел Пери на землю. Видит воина. Умирает доблестный воин, и в слезах предсмертных молит Бога об отечестве. Эту слезу подхватил Пери и несет. Принес, но двери не отворились. Ангел говорит ему; хорош дар, но не силен отворить для тебя двери рая. Это выражает, что все добродетели гражданские хороши, но одни не ведут в рай. Летит Пери опять на землю. Видит мор. Умирает красавец. Его невеста ухаживает за ним с самоотвержением, но заражается и сама. И только что успела закрыть ему глаза, как и сама пала ему на грудь мертвою. Были слезы и тут. Пери подхватил одну и несет, но двери рая и за эту не отворились. Ангел говорит ему: хорош дар, но один не силен

отворить для тебя неба. Это значит, что семейные добродетели одни тоже не приводят в рай. Ищи! Есть надежда. Пери опять на землю. Нашел кого-то кающегося. Взял его слезу и несет. И прежде чем приблизился к раю, все двери его были уже отворены для него. Так вот какую слезку извольте принести Господу...»

Так святитель умел входить в духовные потребности каждого и быть всем для всех...

Он скрылся в своем затворе от очей людских, но любовь его обнимала всех. Затвор, кроме удовлетворения его духовных стремлений, давал ему досуг: этим досугом пользовались многие, многие тысячи... Не мудрено в переписке его встретить следующие знаменательные строки: «я знаю одного человека, который всегда один – сам никуда не выходит, и других к себе не принимает. Спрашивают его: как тебе не скучно? Он отвечает: мне некогда, так много дела, что, как открою глаза, делаю-делаю, и никак не успеваю переделать, пока закрою их...»

Глава II. Духовная борьба преосвященного Феофана «в затворе»¹

Глубоко поучительны и внешние проявления жизни замечательных людей, тем более людей высокого духовного совершенства, но может ли быть что-либо выше, ценнее, как возможность проникнуть в их внутренний мир, в глубину их души и познать, как веровал и молился, как размышлял и внутренне боролся сам с собою, как страдал и радовался человек, наделенный богатыми духовными силами и небесными стремлениями?! Но с другой стороны – кто дерзнет на подобную попытку? Кто настолько чист, чтобы войти во святилище? Чтобы понимать великого художника, надо самому хотя отчасти понимать и любить искусство, тем более – только человек, не чуждый духовного подвига, может понять душу подвижника... Признаемся, мы чувствуем трепет в душе, размышляя о попытке изобразить внутреннюю жизнь в Бозе почившего Святителя, и никогда бы не дерзнули на это, если бы он сам в своих дивных творениях не ввел нас во святая святых своей души. Всякий, кто только имеет чувство правды в душе, не может не почувствовать при чтении сочинений епископа Феофана непреодолимой силы искренности и правды. Все в них в высшей степени субъективно, в них высказано то, что, пережито, что выстрадано, что приобретено собственными усилиями. За каждый фразой вы невольно предполагаете внутренний опыт, духовный подвиг. Отсюда – красота, отсюда – непосредственное воздействие на душу другого, которыми отличаются произведения глубокоискренних писателей, и в числе их – творения почившего святителя. Его собственными словами мы и постараемся познакомить с его богатой внутренней жизнью, тем более что это даст возможность каждому прочесть или возобновить в памяти несколько страниц, изумительных по силе убеждения, по глубине и тонкости психологического анализа.

Сделаем небольшую оговорку. Совершенство духовное не то, что мирское, и духовная мудрость не то, что светская.

Изображая умственный склад какого-нибудь знаменитого деятеля, напр., в области науки, обыкновенно намечают различные стадии его развития, постепенной выработки его взглядов и убеждений и проч. Говорят о достигнутых им успехах, о сделанных им открытиях. Не совсем так в деле спасения, которое составляет задачу всей жизни человека, во всей ей целостности. «Коротко и легко дело самоисправления в описании, говорит святитель, но не так коротко, а тем менее легко, оно на самом деле.» Притом благодать Божия многоразличными путями ведет человека ко спасению: «одного приемлет она прямо в блаженный покой, изводит на пажить духа, пасет и услаждает; другого долгими обходами испытывает и после многообразных уже странствований проводит туда, как утружденного и изможденного путника.»

Мы, наприм. можем с уверенностью говорить, что, удаляясь на покой и затем в затвор, святитель достиг, уже высокой степени духовного совершенства. «На безмолвие не потянет того, кто не вкусил еще сладости Божией; сладости же сей не вкусит тот, кто не победил еще страстей.»

Между тем мы знаем, что брань со страстями, с греховными навыками продолжается в человеке до самой смерти. Подвижничество есть непрестанная победность... Труды добродетеля, подвиги самоисправления, скорби терпения противностей представляют период ношения во чреве и образования нового человека: смерть будет его рождением.» – «Самоугодие долго скрытно живет в нас и после того, как мы явно отвергли себя и Богу себя предали и не хотим ни на иоту нарушить сего решения.» Греховные помыслы самоугодия, по видимому, совершенно подавленные, могут вновь воскресать в душе и часто составляли камень «преткновения для оставляющих бдительность даже на высших ступенях духовного совершенства.» Поэтому, изображая внутреннюю жизнь святителя его же словами, мы в сущности говорим о подвиге всей его жизни. В «затворе» он совершался, конечно, только полнее, беспрепятственнее...

«В каком состоянии душа у вступающего в брань (со грехом) человека, образовавшего в себе твердую решимость

жить как должно, и в каком отношении ее новое настроение к другим расположениям души?» – спрашивает святитель.

«Потому ли, что дух, прежде так глубоко сокрытый под движениями души и даже тела, а теперь высвобожденный силою благодати из сей темницы, получив свободу действия..., передает сознанию свои высокие требования с такую силою, что и произволение неуклонно подвигается к выполнению их, или потому, что сила благодати соприкасалась душе и проникала сознание и произволение так внутренно и глубоко, что оставила в них неизгладимые следы особенного духовного настроения, только в окончательно решившемся начать новую жизнь душа ощущает совершенно новый порядок бытия и жизни и, полагая в нем все свое блаженство, пламенно желает войти в оный, чего бы это не стоило. Впрочем, на первый раз на ее стороне только и есть. Она жаждет нового порядка; не жалея себя, готова все сделать для водворения его с себе, но между тем сама все еще объята и как бы покрыта тем, что не только не способно соответствовать ее преднамерению, но даже положительно противоположно ему. Нет в ней ни одной силы, которая бы сочувствовала ей, нет ни одного движения, которое бы не восставало против нея: хотела бы мыслить по новому, но ум не умеет соответствовать ее желанию, хотела бы услаждаться духовным, но сердце еще не имеет к тому вкуса; а там все количество страстей и обычных наклонностей поминутно готовы вспыхнуть и своею адскою силою поглотить росток новой жизни. Вообще решившийся все еще таков же, каков был и прежде, только у него коренное начало ново. Это все то же, как если кто примет лекарство, и оно будет воспринято телом. Исцеление здесь начато в центре жизни, но ему остается еще проникнуть до последних оконечностей, кои все еще остаются зараженными болезнями...»

«Сознанием и произволением вы стоите на стороне Божией. Богу хотите служить и Ему единому угождать. Это – точка опоры для вашей деятельности в духе». Но страсти и злые навыки мешают духовной жизни. Необходимо вооружиться против страстей. Богу неуютно все страстное, потому что страсти

противны заповедям Божиим. Борьба со страстями неизбежна. Они не уступят сами собою своих владений, хотя и незаконных. «Страсти тоже, что сырость в дровах. Сырые дрова не горят. Надо со стороны принести сухих дровечек и зажечь. Они, горя, начнут просушивать сырость, и по мере просушивания зажигать сырые дрова. Так понемногу огонь, гоня сырость и распространяясь, объемлет пламенем и все дрова положенные. Дрова суть все силы души нашей и все отправления тела. Все они, пока не внимает человек себе, пропитаны сыростью – страстями, и пока страсти не изгнаны, упорно противятся огню духовному.»

Таким образом в духовном подвиге мы необходимо должны различать два течения или две стороны духовной жизни: с одной стороны, необходимо воспитывать в себе росток новой духовной жизни, успевать в послушании и любви к Богу, с другой – вести непрерывную брань со страстями и злыми навыками. «В непрерывной связи с прямым положительным занятием сил всегда стоит не прямое направление к прогнанию зла и страстности, иначе борьба со страстями и похотьми».

«Между обращением (к Богу) и освящением среднее место должно занимать исправление или очищение: ибо иначе – кое общение свету ко тьме? Сие очищение бывает более или менее продолжительно, более или менее трудно, смотря по нравственному состоянию приводимого в предначертанное христианское совершенство; но, во всяком случае, оно мучительно. Грех вошел в самую глубину существа человеческого, оттуда разветвился в разнообразных наклонностях, привычках, страстях, и, проникнув все существо его, распространился вновь и связал его с чувственными вещами узами, столь же почти крепкими, как узы бытия. Как ни осторожно будешь очищать от греха существо, зараженное им, не можешь не причинить боли, подобно тому, как нельзя не причинить боли, когда вынимаешь занозу из живого тела. Сердце, пристращенное к чему-нибудь, как бы входит само в предмет пристрастия; отрывая его от предмета или предмет от него, отрывают как бы часть его самого...»

«Грех, вселившись в самой глубине души, вместе с тем подчинил себе и все силы ее, – ум, волю и чувство, и разложился от сего на множество наклонностей, страстей и греховных помышлений; из души перешел в тело, отсюда в дела и поступки, – и таким образом проник все поведение и все отношения человека. Так, «грех приразился ко всему существу человека, – и к душе, и к мыслям, и к уму, – потряс все телесные члены; и ничто в душе и в теле не свободно и не удалено от злых влияний сего живущего в нас греха.» (Мак. Бел. Бесед. о повр. и обновл. сост. челов. § 4). «Весь человек облечен в сей грех, чтобы не мог уже смотреть так, как бы хотелось, но чтобы и виделось худо, и слышал худо, чтобы и ноги имел скорые к злодеянию, и руки, простертые к беззаконию, и сердце, занятое злыми помыслами.» (Там же, 1–2).

«Живущий в нас грех, с диаволом – отцем его, точно есть деспот, держащий душу у себя в плену и не дающий человеку делать то, что противно ему. Как инстинкт, влечет он грешника по обычному пути далее и далее, не давая ему времени одуматься и как-нибудь остановить цепь своих греховных желаний. Большей частью грешнику и на мысль не приходит изменить свою жизнь: грешник и не думает о том, что грешит «вверженный в море забвения и бездну пороков, и как бы во вратах ада поселившись.» (Мак. В. о тер. и разд. вещей, гл. 18). «Округ бо сердца завеса некая тьмы обложена лежит, дым, глаголю, исходящий от огня мирского духа, который ниже мысли допускает обращаться с Богом, ниже душе позволяет по соизволению молиться, или веровати, или любить Господа.» (Там же, гл. 5). Но если и увидит грешник, если и узнает, что того или другого не должно делать, что то или другое желание, та или другая наклонность, не законны, безнравственны: то и тогда что пользы! Ему не хочется поднять руку, подвинуть ногу в противность незаконному желанию или незаконной наклонности; потому что ему вообще не хочется не грешить, не хочется воспротивиться себе и покориться Божией правде. Он пленник, увидевший, что связан по рукам и по ногам, и беспечно предавшийся поносной судьбе рабства. Это – главный недуг,

коренное зло, поддерживающее все душевные недуги, питающее все греховные наклонности – нежелание восстать против греха, нежелание покориться воле Божией. Кто хочет освободиться от рабства греховного, очистить душу свою от всех скверн, тому необходимо прежде всего возненавидеть грех, возжечь желание противиться ему, истребить противление Божью закону и возжечь желание ходить в нем, – необходимо переломить волю. Без сего нельзя сделать никакого добра, нельзя победить ни одного греховного движения. Правда, «суть неции, как говорит св. Макарий, воздерживающиеся от всякого блуда, и татьбы и лихоимства, и подобных сим грехов, и посему в число святых вносят себя: но в самой истине весьма далеко отстоят от святости. Обитает бо в уме их злоба многажды, и живет, и пресмыкается, и не у оставила их.» (Сл. о возв. ум. гл. 20). «Не просто бо воздержание от злых, говорит он в другом слове, очищение есть: но истребление тех из совести совершенное есть очищение. Вниди ты, кто-либо еси, чрез возрастающие в тебе выну помышления, к военнопленной и рабе греха душе твоей, и рассмотри до дна мысли твои, и глубину помышлений исследуй: и узриши в недрах души твоея ползающего и гнездящегося змия, убивающего тебя отравой частей души твоей. Неизмеримая бо бездна есть сердце: но аще убиеш змия сего, похвалися пред Богом о чистоте твоей; аще же ни: смири себе, яко немощный и грешный.» (О хр. сердца, 1). Сия-то злоба, сей-то змий, кроющийся в сердце – хотение греха и нехотение правды – и должно быть убито первоначально. Без сего невозможен никакой успех: при каждом деле будут как бы отниматься руки.»

Но вот и решение работать Господу и отринуть грех созрело, но – «только это напряжет душа силы, чтобы приступить к делу, как вдруг поражает ее внимание жалостный вопль: еще день и – довольно; завтра преступишь сию границу. Вопль самый обольстительный! Грех стоит здесь за нас, умаливает, чтобы мы сжалились над собой: но склонись только мало на его внушение, как вся толпа злых помышлений, прогнанная только из сердца, во мгновение ока, как бы по мановению жезла, охватит тебя отовсюду и подавят своею

тяжестью: человек, прежде доходивший до воодушевления, снова не хочет приподнять руки, двинуть ногою. Потому воодушевшись мужеством, не почитай сего помышления происходящим от тебя, не давай ему надолго оставаться в душе, и особенно не допускай до сердца. Спешి изгнать его ясным представлением о безрассудстве и опасности отлагательства; будь уверен, что это малое требование есть сокращение всего, есть прелестное представление рабства в виде свободы, есть лстивое дружество, скрывающее непримиримого врага. Воодушевься: поразив сего врага, ты приобретешь решительную победу. Скажи: «готово сердце мое... восстав, иду...»

«Трудно!!.. Но что же бывает без труда? С тех пор как проклята для человека земля в делах своих, – человек в поте лица достает себе благо телесное, тем более – духовное. Зато сколько бывает наконец утешений в приобретении! Жена, егда раждает, скорбь имать, но за радость рожденного дитяти забывает все прежние скорби (Иоан. 16:21). Недостойны и страсти нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас – (Римл. 8:18) – явиться и здесь в духе, и там, во всем нашем существе. И что еще особенно может служить нам в утешение? То, что труд самоисправления не столько тягостен на деле, как нам кажется с первого раза. Он представляется необъятным только со стороны, только дотолѐ, пока мы не вступили в него. – И здесь, как в обыкновенных делах, все зависит от воодушевления, с каким кто приступает к делу. Спросите у всякого нелицемерно деятельного человека, спросите его о тяжести трудов: он тоже скажет вам, что труды его могут исчислять и взвешивать только другие, а для него их нет, он не замечает их. Воодушевление, приводя в быстрое движение все его силы, поглощает все беспокойства, возносит его над всеми препятствиями и среди неудобств – он идет, как по гладкому и пространному пути. – То же в деле спасения: тесен путь к царствию, тяжким представляется иго Христово: но только до тех пор, пока мы стоим еще вне, соображаем, обдумываем ход новой жизни. Но когда зародится и образуется в сердце спасительная решимость, – она приносит с собой и

воодушевление на благое делание. Воодушевленный последователь Христов идет в след Его, радуясь и благословляя иго, воспринятое от Него. Со стороны будут видеть его в труде, в язве и озлоблении, – а он как пред Сердцеведцем в слух всех исповедует, что он и все подобные ему, живут – неизвестны и познаваемы, яко скорбяще, присно же радующеся, яко нищи, и многие богатяще, яко ничтоже имуще а вся содержаще (2Кор. 6:9,10).»

«Возможность, основание, условие всех внутренних побед есть первая победа над собою – в переломе воли и в предании себя Богу, с неприязненным отвержением всего греховного. Тут зародилась нелюбовь к страстности, ненависть, неприязнь, которая и есть военная духовная сила и одна заменяет собою всю рать. Где нет ее, там без брани победа уже в руках врага; напротив того, где есть, там победа уступается нам нередко без брани... Сознание и произволение, переходя на сторону добра, с возлюблением его, поражает ненавистью всякое зло и всю страстность, и притом именно свою. В этом собственно и состоит переход, перелом. Потому сила, борющаяся со страстями, есть также ум или дух, в коем сознание и свобода, – дух, держимый и укрепляемый благодатию... Когда страсти восстают, то метят прямо на ум, или дух, то есть, на покорение сознания и свободы. Они – во святилище нашего внутреннего, куда враг чрез страсти пускает свои разжженные стрелы из душевно-телесности, как из засад. И пока целы сознание и свобода, т.е. стоят на стороне добра, то как бы ни было велико нападение, победа наша»...

«Этим однако же не утверждается, будто вся сила победы от нас, а показывается только исходище. Точка опоры для брани есть восстановленный дух; сила же победительная и разрушительная для страстей есть благодать. Она в нас одно созидает, а другое разоряет, – но опять чрез дух, или сознание и произволение. Борющийся с воплем повергает себя Богу, жалуясь на врагов и ненавидя их, и Бог в нем и чрез него прогоняет их и поражает. Дерзайте, говорит Господь, яко Аз победих мир (Иоан. 16:33). Вся могу о укрепляющем мя Христе, исповедует Апостол (Филип. 4:13), – точно так, как без Него мы

ничего не можем. Кто хочет победить сам, тот несомненно падет или в ту страсть, с коею борется, или в побочную. Предавши же себя Богу, словно из ничего стяжевает победу... Потому-то всевозможно противоборствуй и борись, но не оставляй возлагать всю печаль свою на Бога живаго, Который говорит: «с тобою есмь в день зол, – не бойся!»

«Надо так устроиться, чтобы враг ничем не поживился около вас, даже самомалейшим. А сего для бдеть, бодрствовать, трезвиться и блюсти.... смотреть, как бы не подкрался враг... Это первое в борьбе со страстями. Коль скоро просмотрен и пропущен враг, то уж тут жди или раны или совсем поражения. Враг же замеченный не страшен. Только пригрози и побежит. Такова уж уловка наших духовных врагов, что, как только увидят, что они открыты, сейчас утекают, хотя это, конечно, не всегда бывает. Есть и тут озорники такие, что, ни на что не смотря, все лезут и лезут...»

«Заметив приближение врага – начинающееся возбуждение или помысла, или страсти, или склонности, первее всего спешి сознать, что это враги. Великая ошибка, и ошибка всеобщая – почитать все, возникающее в нас, кровной собственностью, за которую должно стоять как за себя. Все греховное есть пришлое к нам; потому его всегда должно отделять от себя, иначе мы будем иметь изменника в себе самих. Кто хочет вести брань с собою, тот должен разделить себя на себя и на врага, кроющегося в нем. Отделив от себя известное порочное движение и сознав его врагом, передай потом это сознание и чувству, возроди в сердце неприязнь к нему. Это – самое спасительное средство к прогнанию греха... Как только заметите страстное, поскорее постарайтесь возбудить в себе серчание... Сие серчание есть решительное отвержение страстного... И вот где только позволителен и благопотребен гнев. У всех св. отцев нахожу, что гнев на то и дан, чтобы им вооружиться на страстные и грешные движения сердца, и прогонять их... Гнев на страсти у вас должен быть вкоренен с той минуты, как вы положили всеусердно работать Господу, творя благоугодное пред Ним. Тут у вас заключен союз с Богом на веки. Сущность же союза такова: твои друзья – мои

друзья, твои враги – мои враги! А что страсти Богу? Враги!.. С первого раза появление страстного всегда вызывает к нему сочувствие, ибо самоугодие еще долго скрытно живет в нас и после того, как мы явно отвергли себя, и Богу себя предали, и не хотим ни на иоту нарушать сего решения. Этим скрытным самоугодием всегда благосклонно встречаемо бывает страстное, – каковая благосклонность и выражается большим или меньшим сочувствием к нему. Так вот и надобно – сочувствие это отбить, а гнев возбудить.»

«Для сознания в страстном врага не требуется большая головоломная работа. Довольно восстановить убеждение, что ко всему страстному не благоволит Бог; не благоволит потому и ко всем, которые принимают и лелеют в себе страстное. Стало быть, страстное Бога против нас восставляет, и нас от Него отбивает. А в этом конечная пагуба наша. Помышления сии и убеждения в одно мгновение у внимательного воссиявают в сознании, и тотчас отзываются в сердце неприязнью к страстному, серчанием и гневом на него. А барахтаться со страстным, придумывая разные против него обвинительные пункты, – не барахтайтесь! Успех от этого очень сомнителен. Иные делали, а, может быть, и теперь делают, так: заметив страстное и вознегодовав на него, начинают изобличать его непотребство. Например, – пришел помысл гордости, – они начинают читать: гордость Богу противна, ты, земля и пепел, как не стыдишься возноситься помыслом, помяни грехи свои и подобное. Все подбирают мысли против гордости, полагая, что этим прогонят горделивый помысл. Бывает, что и прогоняют; но вообще этот прием не верен. Между тем пока вы переберете все обвинительные пункты, подсудимый – страсть – сидит тут же, хоть на скамье подсудимых, и все еще держится за своего адвоката – сочувствие. Обличая страстный помысл, все же держим его в уме, и он между тем шевелит чувство и пробуждает желание, то есть, продолжает сквернить душу. А это значит держать в себе произвольно нечистоту, – что опасно. Нет уж, – положите без всяких рассуждений, как только заметите в себе что страстное, тотчас сознать в нем врага, – и рассерчать на него! Впрочем это не всегда легко и не всегда возможно:

легко поражать гневом помыслы, труднее – желания, но еще труднее – страсти, ибо они и сами суть сердечные движения. Когда это не помогает и враг не уступает таким образом победы без сражения, – мужественно, но без самовозношения и самонадеянности, вступай в борьбу. Робость приводит душу в смятение, в некоторую подвижность и расслабление, а не утвержденная в себе, она легко может пасть. Самонадеянность и самомнение – сами враги, с которыми должно бороться: кто попустил их, тот уже пал, и еще предрасположил себя к новым падениям, потому что они поставляют человека в бездейственность и оплошность. Началась брань, – храни преимущественно сердце: не давай доходить возникающим движениям до чувства, встречай их у самого входа в душу и старайся поразить здесь; а для сего спеши восстановить в душе убеждения, противоположные тем, на коих держится смущающий помысел. Такие противоубеждения суть в мысленной брани не только щит, но и стрелы, – защищают сердце твое и поражают врага в самое сердце. С тех пор в том и будет состоять брань, что возникший грех будет постоянно ограждаться мыслями и представлениями противоположными. Время продолжения ее зависит от многообразных обстоятельств, кои определить совершенно невозможно. Не должно только ослабевать и сколько-нибудь, даже в мысли, склоняться на сторону врага, – и победа несомненна, ибо греховное движение не имеет в нас твердой опоры и потому, естественно, должно скоро прекратиться. Если и после сего, добросовестного впрочем, действия в защиту себя враг все еще стоит в душе, как привидение, и не хочет уступить места, то это явный знак, что он поддерживается сторонней силой; посему и тебе должно обратиться к сторонней, земной и небесной, помощи, – открыться своему наставнику и в усердной молитве призывать Господа, всех святых и особенно ангела-хранителя. Преданность Богу никогда не оставалась пристыженною... Удивительная сокрыта сила в таинстве покаяния. Сознание грехов умом только, без исповеди и разрешения, неудовлетворительно для кающегося и почти всегда остается бесплодным для жизни. Здесь точно

происходит запечатление христианина – благодатное... Своевольно ничего нельзя взять у Господа. Неудивительно после сего, что все мысли и желания спасающихся обращены ко Спасителю... В Нем отрада, в Нем все утешение. Оттого не умолкая вращается в устах и к сердцу... сладчайшее имя – Иисус...»

«Что делает подвергшийся нападению злого человека? Подавши его в грудь, кричит: караул. На зов его прибегает стража и избавляет его от беды. То же надо делать и в мысленной брани со страстями, – рассерчившись на страстное, надо взывать о помощи: Господи, помоги! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси меня! Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися! Обратясь так к Господу, уж не отходите от Него вниманием к тому, что в нас происходит, а все и стойте перед Господом, умоляя Его о помощи. От этого враг, как огнем палимый, убежит немедленно. Некто из святых сказал: именем Господа Иисуса бей ратников!.. Против Господа ничто устоять не может... И бывает так, что душа тотчас успокаивается от страстных приражений, как только обратится ко Господу и воззовет к Нему...»

«Была в одном месте красавица неисправного поведения. Правитель той страны сжалился над нею, – что такая красота гибнет, и, улучив время, сказал ей: брось шалости, я возьму тебя к себе в дом и будешь моею женою и госпожою многих сокровищ. Только смотри, будь верна, а то будет тебе такая беда, что и вообразить ты не можешь. Она согласилась и была взята в дом правителя. Прежние ее приятели, видя, что она пропала где-то, начали искать и разыскивать, – и дознали, что она у правителя. Правитель хоть и гроза, но они не отчаивались опять сманить к себе красавицу, зная ее слабость,

«Нам стоит только подойти сзади дома и свистнуть, она поймет, в чем дело, и тотчас выбежит к нам».

Так и сделали. Подошли сзади к дому и свистнули.

Красавица, услышав свист, встрепенулась. Зашевелилось было в ней нечто прежнее. Но она уже взялась за ум и вместо того, чтобы выбежать из дома, устремилась во внутреннейшие покои пред лице самого правителя, где тотчас и успокоилась;

новых свистков там уже не слышно было. Те приятели – посвистели-посвистели, и отошли прочь ни с чем. Смысл притчи сей ясен. Красавица эта изображает падшую душу, к Господу обратившуюся в покаянии и с Ним сочетававшуюся, чтобы Ему Единому принадлежать и Ему Единому служить. Прежние приятели – страсти. Свист их – это движение страстных помыслов, чувств и пожеланий. Убежание во внутренние покои есть укрытие вглубь сердца, чтобы стать там пред Господа. Когда это совершится внутри, обеспокоившее душу страстное, что бы оно ни было, – отходит само собою, и душа успокаивается».

«Брань кончена. Благодарим Господа за избавление от поражения, но не предавайся чрез меру радости спасения, не попускай беспечности, не ослабляй ревности, – враг часто притворяется только побежденным, чтобы, когда ты предашься чувству безопасности, нечаянным нападением тем легче поразить тебя. Потому не снимай бранных оружий и не забывай предохранительных правил. Будь всегда добрым и бдительным воином. Сядь лучше и расчисли добычу, осмотри весь ход брани – ее начало, продолжение и, наконец, что подало повод к ней, что особенно усиливало и что положило ей конец. Это будет своего рода дань с побежденных, которая чрезвычайно облегчит будущие победы над ними; так стяжевается, наконец, духовная мудрость и опытность подвижническая. Не говори никому о победе, – это сильно раздражит врага, а тебя обессилит. Тщеславие, которого при сем избежать нельзя, отворит двери душевного укрепления и после победы над одним врагом должно будет сражаться с целой толпой».

«Если же и поражен будешь, – сокрушайся, но не бегай от Бога, не упорствуй; спеши умягчить сердце и доведи его до раскаяния. Нельзя не падать; но можно и должно, упавши, вставать. Бегущий спешно, если и споткнется на что, спешно встает и опять устремляется по пути к цели, – подражай ему. Господь наш подобен матери, которая ведет дитя за руку и не покидает его, хотя бы он очень часто спотыкался и падал. Лучше, вместо бездейственного уныния, ободрись к новым подвигам, извлеки из настоящего падения урок смирения и

осмотрительности, чтобы не ходить там, где скользко и где нельзя не падать. Если не изгладишь греха искренним раскаянием, то, получив некоторую в тебе крепость, он неминуемо повлечет тебя вниз, на дно грешного моря. Грех возобладает над тобою и тебе опять нужно будет начинать с первой брани; но Бог знает, будет ли возможно это. Может быть, предавшись теперь греху, ты перейдешь черту обращения; может быть, после уже не найдется ни одной истины, которая могла бы поразить твое сердце; может быть, даже тебе не будет дарована и благодать. Тогда еще здесь ты будешь принадлежать к числу осужденных на вечное мучение...»

«Вообще о правилах брани надобно заметить, что они в существе своем суть не что иное, как приложение всеоружия к частным случаям, и что потому их всех изобразить нельзя. Дело внутренней брани непостижимо и сокровенно. Кто видел, как происходит брожение элементов в яйце? Кто скажет, в каком состоянии зародыш в согнивающем зерне?.. Случаи чрезвычайно разнообразны; лица воюющие слишком различны: что для одного соблазн, то для другого ничего не значит; что одного поражает, к тому другой совершенно равнодушен. Потому одного для всех установить невозможно. Лучший изобретатель брани – каждое лицо само для себя. Опыт всему научит, надобно только иметь ревностное желание побеждать себя. Первые подвижники не учились из книг, и однако же представляют из себя образцы добродетелей... То, что составляет существо дела, каждый узнает только из опыта, когда станет сражаться самым делом. И в этом деле руководителями ему остаются только собственное благоразумие и предание себя Богу. Внутренний ход христианской жизни в каждом лице приводит на мысль древние подземные ходы, чрезвычайно замысловатые и сокровенные. Вступая в них, испытываемый получает несколько наставлений в общих чертах – там сделать то, там – другое, здесь по такой-то примете, а здесь по такой-то, и потом оставляется один среди мрака, иногда со слабым светом лампы. Все дело у него зависит от присутствия духа, благоразумия и осмотрительности

и от невидимого руководства. Подобная же сокровенность и во внутренней христианской жизни.»

«Если будете действовать по прописанному с безжалостной к себе решительностью, скоро увидите плод: умиротворится сердце ваше и воссияет в нем радость о Господе. Отчего бывает немирно сердце? От того, что его гложут страсти. Побейте страсти, и оно восприимет покой. Один из отцев уподобляет сердце норе, полной змей. Змеи эти – страсти. Когда показывается что страстное из сердца, это то же, что змея голову высовывает из норы. Бей ее по голове именем Господа, и она спрячется. Другая покажется, бей и ее! И всякую бей!! Раз десяток придется так нанести, удар какой змее-страсти, забудет высовываться, а то и совсем околеет. Всяко, если завалить нору или не давать пищи змеям, они перемрут. Так и страсти замрут, если не давать им пищи сочувствием к их внушениям, а напротив с гневом отрывать их, если только появятся...»

«С первого раза брань обращена вообще против всего греховного в человеке; но с продолжением времени грех естественно слабеет и сокращается в объеме, а вместе (с тем) и сокращается поле брани. Вид греха в нас есть вид многоветвистого дерева. Чрез борьбу постепенно отсекается у него то та, то другая ветвь. Нельзя решительно сказать, какая ветвь прежде отпадет, какая после: ибо и здесь очень много значит естественное настроение и прежнее состояние борющегося во грехе. Можно впрочем думать, что это отпадение восходит от грубейшего и очевиднейшего к тончайшему и сокровеннейшему. Сначала теряет силу плоть, потом вообще привязанность к видимому, далее – склонности и страсти; долее всех держатся коренные возбуждения и чувства греховного сердца... Источники их – тончайшая мысль, что я значу нечто, и значу немалое... Ничтожный мнит о себе нечто. К этой-то тайнейшей гордыне прицепляется враг и опутывает человека. И они-то составляют камни преткновения для оставляющих бдительность даже на высших степенях духовного совершенства...»

«Кончится ли когда сия брань здесь? Вопрос этот всякий пусть решает своим опытом. Вообще – можно только положить:

борись в надежде, что сия брань соделается для тебя наконец очень легкою, что из непрерывной она сделается перемежающейся, и что промежутки сии все будут увеличиваться и увеличиваться; но настанет ли на земле для тебя время, когда ты будешь совершенно свободен от возмущений греха, это решишь, когда будешь свободен на самом деле. Макарий Великий советует мужественно вступать в брань с восстаниями греховными, в полной уверенности, что Господь, видя тщание наше, даст наконец благодать беспрепятственного желания добра и душевного мира; но, стяжав сей мир, никогда не должно думать, что мы уже свободны от нападений и падений. Душа, преданная греху, вся мрачна. Пусть чрез долгий труд она успела осветить две свои части: другие части остаются еще не освещенными. Надобно беречься: сия тьма легко может покрыть опять всю душу. Мутная вода отстоялась и кажется чистой: взволнуется вода, и оседшая на дно нечистота опять разойдется по всей воде. Греховные движения прогоняются напряжением в какую-то неведомую область души, и всегда готовы возникнуть и покрыть ее. «Лжет, говорит Макарий Великий, сказуяй сердце себе имети чисто, ибо никогда сего не бывает в самой вещи, дабы кто по приятии благодати абие чист стал; предается бо врагам и различным искушениям в наказание и научение. Самые первые и великие люди так суть пред совершенством, как слуга пред господином или как поток пред Евфратом рекою.» (Сл. I, гл. 12, 14). Вообще мысль о совершенном окончании брани психологически неверна, а нравственно столько вредна, что ежели бы даже и была справедливою, то со всем тщанием надлежало бы скрывать ее и от себя и от других, по причине опаснейших обольщений, неизбежных при ней.»

«Что же остается делать каждому христианину? Возмогать в Господе и в державе крепости его (Еф. 6:10); воспрять все оружия Божии, да возможет противиться в день лют (–13), мужаться, крепиться, стоять: ибо только претерпевый до конца спасен будет, и только побеждающему даст Господь сести с Собою на престоле Своем (Апок. 3:21).»

Глава III. «Хожждение пред Богом»

Земледелец не только очищает ниву от сорных трав, но в то же время сеет и доброе семя и зорко следит за его всходом и ростом. То же и в духовной жизни: сражаясь со страстями и злыми навыками, человек в то же время должен, при помощи благодати Божией, воспитывать в себе росток или начаток высшей духовной жизни. Положительные условия для созревания в духовной жизни суть следующие: 1) навикать постоянному памятованию и размышлению о Боге и Его совершенствах. 2) Все творить во славу Божию и 3) пребывать в послушании воле Божией.

«Внутри нестроение: это вы опытно знаете. Его надо уничтожить: этого вы хотите, на это решились. Беритесь же прямо за устранение причины сего нестроения. Причина нестроения та, что дух наш потерял сродную ему точку опоры. Опора его в Боге. Опять вступает на нее дух памятованием о Боге... Все с Господом будьте, что бы вы ни делали, и все к Нему обращайтесь умом, стараясь держать себя так, как кто держит себя пред царем. Скоро навикните, только не бросайте и не прерывайте. Если будете добросовестно исполнять это небольшое правило, то этим внутреннее смятение будет стеснено изнутри, и хоть будет прорываться то в виде помыслов пустых и недолжных, то в виде чувств и желаний неуместных, но вы тотчас будете замечать сию неправость и прогонять этих непрошенных гостей, спеша всякий раз восстанавливать единомыслие о Едином Господе... Установится благоговейное внимание в Едином Боге, а с Ним придет и мир внутренний... Возьмитесь поретивее и продолжайте не прерывая, – и скоро достигнете искомого. Говорю: скоро, однако ж не чрез день или два, потребуются, может быть, месяцы. О, когда бы и не годы!»

«Всякий раз как придется вам быть одной, восстанавливайте поскорее убеждение, что Господь с вами и ангел хранитель, и спешите воспользоваться выпавшими минутами уединения, для нерасчлененного пребывания с Господом и сладостной беседы с Ним. Уединение в этом духе сладостно. Желаю вам вкусить

когда-нибудь сей сладости, чтобы желать его, как рая на земле.»

«Внимательная к себе жизнь не такова, чтобы, лишая одних утешений, не давала взамен их ничего. Напротив, эта жизнь, с памятью о Боге и следованием своей совести, сама в себе есть неистощимый источник радостей духовных, сравнительно с которыми радости земные, что полынь пред медом.»

«Стремление к Богу – цель. Но сначала оно – лишь в намерении, искомое. Должно сделать его действительным, живым, как естественное тяготение, сладостное, охотное, неудержимое. Только такого рода тяготение и показывает, что мы – в своем чине, что Бог восприимлет нас, что мы идем к Нему. Когда железо тянется к магниту, это значит, что прикасается к нему сила магнитная; то же и в духовном отношении: тогда только и видно, что Бог касается нас, когда это есть живое стремление, – когда дух, минуя все, устремляется к Богу, восхищается. Сначала не бывает этого, – человек ревнующий весь обращен на себя, хоть и для Бога; но это воззрение на Бога есть только мысленное. Еще Господь не дает вкусить Себя да и человек неспособен, потому что нечист. Он служит Богу, как сказать, безвкусно. Потом, по мере очищения и исправления сердца, начинает ощущать сладости в богоугодной жизни, с любовью и охотою ходит в ней, – она становится его улаждающей стихией. Душа начинает отрываться от всего, как от холода, и тяготеет к Богу, согревающему ее. Полагаются начатки сего тяготения в духе, ревнующем божественною благодатию. Ее же наитиями и руководством и зреет оно среди указанного порядка, коим питается даже без ведома самого действующателя. Знамение сего рождения суть: охотное, тихое, не напряженное внутри-пребывание пред Богом, сопровождаемое чувством благоговения, страха, радости и т.п. Прежде внутри себя втеснял себя дух, а теперь сам устанавливается там и стоит неисходно. Ему радостно быть там одному с Богом в удалении от других, или без внимания ко всему внешнему. Он обретает внутри себя царство Божие, которое есть мир и радость о Духе Святе. Такое погружение внутрь, или погружение в Бога,

называется умным безмолвием или восхищением к Богу. Бывает оно преходящим, но должно сделать его постоянным, потому что в этом – цель. Бог в нас, когда дух наш в Боге истинно, ибо это есть не мысленное общение, а живое, безмолвное, отчужденное от всего, погружение в Бога. Как луч солнца уносит каплю росы, так и Господь восхищает дух, прикасаясь к нему. Взя ми дух – говорит пророк. Многие из святых бывали постоянно в восхищении к Богу, а на иных дух нападал временно, но часто. Так и зачинается, и зреет, и совершенствуется такое тяготение, или вступление в Бога, божественную благодать в том, кто ищет Бога искренно, добросовестно, усердно.»

«Существенное условие для сего есть очищение сердца для принятия влекущего Бога: чистии сердцем Бога узрят. Потому все подвиги, упражнения и дела суть необходимое, неминуемое к тому приготовление. Только все они должны быть проходимы должным образом, и именно с направлением к сему.»

«Решительный же шаг в восхождении к Богу, самое предверие богообщения есть совершенное предание Ему себя, после коего Он уже есть действующий, а не человек. В чем вся сила, или чего мы ищем? – Богообщения, того, то есть, чтобы Бог вселился в нас и начал ходить в нас, облекся как бы в наш дух, правил и его разумом, и волей, и чувством, чтобы и еже хотети и еже деяти в нас было бы Его делом, чтобы Он был действующий все во всем, а мы сделались бы орудиями Его, или деемыми от Него, и в помышлениях, и хотениях, и чувствах, и словах, и делах. Этого ищет Господь, Владыка всяческих, ибо Он один все в тварях делает чрез твари же. Того же должен искать и понявший себя дух».

«Предавший себя Богу, или удостоившийся сего дара, начинает быть действуемый от Бога и пребывать в Нем. Свобода не уничтожается, а существует, ибо самопредание не есть окончательный, утвержденный акт, а непрестанно повторяемый. Человек повергает себя Богу, и Бог возьмет его и действует к нем, или его силами. В этом – жизнь духа нашего истинная, божественная. Повергающий себя в руки Божии

приемлет об Бога и действует тем, что приемлет. Это живой союз, жизнь в Боге, утверждение в Нем всем существом: мыслию, сердцем, волею.»

В духовной жизни человека эта жизнь выражается в «хождении пред Богом» богомыслии, молитве и послушании Его воле.

Вот дивные наставления почившего святителя относительно «хождения пред Богом» – и в то же время – выразительное свидетельство о его внутренней, сокровенной в Боге жизни.

«Бог бесконечный непостижим в Своем бытии, в Своих совершенствах и действиях: изумляйся! То есть, поставляй себя и держи в таком состоянии, в коем, при живом сознании сокровеннейшей непостижимости Великого Бога, прекращается всякое движение духа и водворяется в нем глубокое некое молчание, как бы замирание жизни. Когда трезвая мысль минет все твари, перенесется за пределы мира и погрузится в созерцание Бога; тогда находит, что, как несомненно то, что Он есть, так несомненно и то, что Он не есть что-либо из известного в тварях: ни сила, ни свет, ни жизнь, ни ум, ни слово, ни мысль, и вообще ничто из представляемого умом нашим, и потом, когда обведет одним взором все сии отрицания, то вводится мгновенно в божественный некоторый мрак, в коем не может зреть ничего, кроме необъятной, преисполненной существностей беспредельности, поражающей глубоко и налагающей молчание на слово и мысль. Это состояние возвышеннейшее, до коего только может доходить земная тварь. Человек тогда восхищается до состояния серафимов. Это то же, как если бы кто входил в тронную величайшего из царей: первый взор на царя – и все поражает его до онемения. В такое состояние человек может восходить и из сознания вообще непостижимости божественного существа и каждого Его свойства, ибо и каждое Его свойство также непостижимо и изумительно, как Он Сам. Апостол Павел взывает: о глубина богатства премудрости и разума Божия! кто разуме ум Господень?.. (Рим, 11:33–37) (1Кор. 2:16). Это о разуме. Но так же непостижимо и всякое Его свойство, и всякое Его творение, и

всякое дело Его промышления. Дивны дела Твоя, Господи! Восходить к сему изумлению может всякий сам чрез отрешенное и покойное углубление; могут помочь в сем деле и изображения сего свойства у святых отцев, как, напр., у Дионисия Ареопагита о таинственном богословии, у св. Иоанна Златоустого – слово о непостижимом, и других. Но чтобы воспитать к тому способность, легче начать с созерцания дел, восходить до созерцания совершенств, а наконец востечь и на самый верх, к сознанию непостижимости существа божественного. Как кто возможет, только должно сие делать, ибо здесь совершается в духе самое истинное приличнейшее поклонение твари Творцу и Господу. Само собой разумеется, что чувство сие имеет разные степени; но каждое – свою, и каждый пусть совершает дело сие по силам своим. Моисей восходит на самый верх горы и скрывается в облаке, другие стоят на полугоре, а третьи у подножия. Это образ трех состояний людей, восходящих к постижению и сознанию непостижимости беспредельного Бога. Значит, никто не должен отказываться неумением или незнанием дела сего.»

«Бог бесконечно велик: падай в унижении, проникайся благоговейным страхом и трепетом, созерцая величие Божие. Первое у вошедшего в тронную, как замечено, есть молчаливое изумление, в коем нет ни одного представления раздельного. Вошедший не успел еще осмотреться, или различить себя и царя с его величием. Затем первая мысль после того, как он придет в себя, это – величие царя и своя малость. То же и в отношении к Богу. Когда мысль погрузится в Беспредельного и выйдет из себя, то исчезает в глубоком изумлении.»

«Но лишь только обратится к себе, то, принося с собою сознание беспредельного и в сей же акт, как бы налагая его на свое ничтожество, поражается, как ударом каким, сею несоизмеримостью и падает в благоговейном трепете в прах пред созерцаемым величием Бога, при сознании своего ничтожества. Но должно знать, что сей страх не имеет муки. Им поражаться сладостно, как и вообще всякое мысленное, но истинное прикосновение духа нашего к Богу, из Коего он, есть сладостно и блаженно. Сила сего благоговейного страха велика:

он проходит до разделения души и духа, членов же и мозгов, как бы истнивает и истончает духовным действием своим и душу и тело. Чувствующий его падает ниц, готов бы пройти в утробу земли, сквозь все твари, в бездну – туда, где нет ничего, от сознания своего ничтожества и величия Божия. Но при всем том ему приятно пребывать в сем состоянии: оно разливает отрадную прохладу в существе его, может быть, от того, что – есть истинное стояние твари в отношении к Творцу, или оттого, что здесь совершается истинное, а не мысленное проникновение ее существа силою и действием Божества. От того плодом благоговейного страха всегда бывает отрезвление, освежение, очищение духа. Как молния, проходя пространства воздушные, дожигает там всякую нечистоту и примесь и делает воздух чистым; так и огонь божества, при благоговейном страхе, поядает нечистоту духа и очищает его, как золото в горниле. Потому, все проходившие степени совершенства, существенным условием к тому, а вместе могущественнейшим средством, признают сей благоговейный страх. И во всем пространстве Слова Божия он поставляется и обязанностью существенной, и вместе отличительным свойством людей истинно благочестивых. Бойтесь Бога вси святии Его (Пс. 33:10]. Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом (Пс. 2:11). Надобно однако ж различать страх начальный от страха совершенных. Тот мучит и наводит ужас и трепет от ожидания казни за грех. И этот существенно необходим в первоначальном пробуждении грешника, но, как переходный акт, не может быть обращен в обязанность и даже, по существу дела, не может быть навсегда удержан в душе, хотя иногда находит и после и считается действительнейшим средством для обуздания ярых страстей. Истинный страх, свойственный совершенным, умиляет. Он раждается по вкушении любви и пребывает в неразрывном союзе с нею, то освежая, то согревая дух наш. Он должен быть поставлен целию. К нему взойти и его укоренить навсегда в духе есть обязанность, ибо в нем только и есть истина стояния твари пред лицом Творца. Способ возбуждения и воспитания его в себе определяется его составом. Напрягись сознать свое ничтожество и величие Бога в

одно время в углубленном и отрешеннейшем состоянии духа. Делай это чаще, особенно утром, вечером, в полночь!.. Когда сие действие превратится в обычай, в духе вкоренится действие страха Божия, или непрерывный страх. Напротив, рассеянность, самомнение, богозабвение суть враги страха Божия. От них он погасает, как огонь от воды, и свеча от дуновения ветра.»

«Бог всесовершен: восхваляй и славославь Его. Вошедший в тронную, продолжим сравнение, после страха опять обращается к тому, что навело его, и где прежде ничего не видал, теперь начинает различать одно за другим и лицо, и корону, и порфиру, и трон, и все украшение его и, находя все это совершенным, не может удержаться от чувств, а иногда и знаков одобрения. И вот он в состоянии воздавания разумной славы царю. То же бывает и в отношении к Богу. Когда возникший от страха и самоуничтожения дух возвращается во внутренний покой свой и смиренно предается святому Богомыслию, тогда открываются его внутреннему оку и в своей мере постигаются совершенства Божии, кои, различаясь во взаимном союзе и соприкосновении, раждают и впечатлевают в уме одну мысль, или один лик всесовершенства Божия. Это есть возвышеннейшее и изящнейшее, что только может породить конечный и тварный ум. Потому, когда сия мысль, или созерцание, посетит внутреннюю храмину вашего духа и исполнит его светом и величием своим, тогда кто изъяснит радость его и восхищение? Все кости его, то есть, все малейшие движущиеся части его существа начинают, во внутреннем, неудержимом некотором взыгрании, восклицать: коль славен Господь и Бог наш! Восхитительная радость духа, созерцающего в себе всесовершенство Бога, есть уже славословие, совершающееся внутри, или состояние славословия, в коем дух из себя и в себе возносит Богу жертву хвалы. Славословие Богу, выражаемое словом, есть плод ее, всегда впрочем низший, или несоответствующий не только Богу, но и тому, что ощущается в духе. Ни единое слово довольно будет к пению чудес Твоих, должен заключить и заключает всякий, составляющий Богу хвалебные песни. Богохваление в

духе есть отраднейшее состояние и восхищения, и радости, и веселия духовного, но все сие о едином Боге и о том, что Он есть таков, хвалимый и превозносимый. Сию хвалу возбудить может и всякое совершенство Божие, и всякое Его дело, даже к нам относящееся; но в самом действии хвалы все другое устраняется, видится един Бог и совершенство Его действий. Это – жертва бескорыстнейшая. Можно сказать, что в сем – жизнь нашего духа истинная, или истинное причащение жизни божественной. Как в страхе Бог проникает нас и как бы разжигает огнем Божества, так в сем богохвалении наш дух проникает или восприимлется в Бога и приобщается Его всеблаженства. Восходить в сие состояние, или желать и искать быть возводиму в него, сколько естественно духу и многоплодно для него, столько же и обязательно, ибо сим воздается должное Господу и Богу нашему. Потому в Слове Божиим во многих местах предписывается хвалить Господа и даются образцы сего хваления. Подобно им, и все святые, восходившие в сие состояние, изображали совершенства Божии в слове и оставили нам свои хвалебные песни. Прочитывать сии песни с углублением и напряжением – необходимо. Это начало или часть исполнения обязанности Богохваления. Не иначе, как через них, восходит человек и к духовному богохвалению мысленному. Они суть воспитатели его, которых не должно однакож оставлять и после уже того, как образуется свое внутреннее. Чтобы восходить на верх, надобно иметь лестницу Но и кто взошел однажды, не отбрасывает ее, потому что она и после будет нужна. Обыкновенно начинать должно славословие преданными нам песнями всякий раз, а там умолкай, когда начнет славословить дух. Самое производство славословия или останавливается на всем всесовершенстве, или на одном каком совершенстве, или переходит от одного к другому. Но это не есть холодное созерцание свойств Божиих, а живое ощущение их; с радостью и восхищением того ради, что таковы они в нашем Боге. Поставлять себя в сие состояние сколько можно чаще – спасительно. Нельзя лучше отрешить духа от всякой примеси земной и от всего чувственного, как так,

ибо в сем действии он удостоивается вкусить сладость, с которою сравниться ничто не может.»

«Бог везде есть, все видит и все исполняет: ходи пред Богом. Когда царь осматривается вокруг себя с высоты престола своего, то всякий из присутствующих держит себя так осторожно, как бы царь на него одного смотрел, – так, как бы тут были один только он и царь, забывая все прочее. Царь нравственного мира, Бог, не только все видит, но и все исполняет существом Своим, – есть везде весь и видит не внешнее только, но и внутреннейшее, и притом полнее и совершеннее, нежели как видит себя тот, кого Он видит. Всякая разумная тварь обязана, как помнить сие всеприсутствие и всеведение Божие, так и располагать дела свои и внутренние, и внешние с чувством его, стоя как бы пред очами Бога, под Его взором, до того, чтоб все другое выходило из мысли и внимания, а был только он – действующий – и Бог, видящий его и дело его, или, что тоже, ходить пред Богом, ибо настроение духа – действовать как пред очами Божиими есть хождение пред Богом. Оно обязательно для всех... Помни или не помни ты, но Бог все видит, и дела твои все открыты Ему, или совершаются пред лицом Его. Так зачем скрывать истину и превращать ее в ложь? Что к сей мысли должно прилагать и богоприличное расположение дел, сего требует почитание Бога. Когда сын пред лицом отца, или подданный пред лицом царя действуют, забывая о достоинстве их, то тем оскорбляют их. Потому любящие Бога и боящиеся Его предзрят Его пред собою выну (Пс. 15:8), то есть, обращают это себе в характер и, что ни делают, сознают, что око Божие обращено на них. В помощь при сем, или для воспитания сего чувства употребляют разные средства: иные зрят Бога одесную себя, как Св. Давид, иные око Божие, утвержденное над собою, созерцают; иные мысленно простирают свет Божий вокруг себя, как бы некоторую духовную атмосферу, в коей, как в скинии, укрываются и витают духом неисходно, или пребывают как в безопасном пристанище. Все сие впрочем средства. Бог же не имеет вида или образа, потому истинно любящие всеми мерами стараются возводить себя в состояние зреть Господа пред собою без образа, мыслию

простою, чистою. Это верх совершенства в хождении пред Богом. Плоды сего хождения бесчисленны; но, главное, от него естественно переходит в жизнь нашу чистота и непорочность слов, мыслей, желаний, дел. Благоугождай предо Мною и будь непорочен, говорит Бог Аврааму (Быт. 17:1). Св. Давид зрел Господа пред собою, да не подвижется, т.е., чтобы не допустить какого неправого движения (Пс, 15:8). Тут не нужно и прибавлять: «когда зришь Бога, бегай неправды», ибо само зрение отвратит от нее... Потому, можно сказать, заповедь о хождении пред Богом есть то же, что и заповедь о Богоугождении. Другой плод от сего есть некоторая теплота духа. Зрение Бога не может быть холодным, если оно есть истинное. По мере усовершенения в лицезрении Божиим возрастает и теплота. После же они сливаются, и как лицезрение, так и теплота превращаются в единое, непрерывное действие духа. Такое настроение духа есть самое лучшее приготовление к будущему, всеблаженному лицезрению Бога. Кто утвердился в нем, тот стоит уже в преддверии рая, созрел для него. Всякий же, кто не умеет зреть Бога или помысливши о Нем, отвращается от Него, чувствуя, что это неприятно и страшно и ко многому обязывает, пусть позаботится о себе; ибо от сего можно заключить и о будущем. Обыкновенный против сего грех есть Богозабвение, или непамятование Бога; в развратных – намеренное себя развлечение, чтоб ум не видал лица Божия, не тревожил их сна и не разгонял мрака греховного.»

«Изумление, благоговейный страх, радостное Богохваление и хождение пред Богом объемлют собою по преимуществу жизнь в Боге. Это потому, что во всех их и человек сам, и всякая тварь исчезают из мысли; а созерцается один Бог. Здесь представлено, что сии расположения рождают себя взаимно, или вырождаются одно из другого, как и вообще все в духе. У иных, может быть, возбуждение и развитие их совершается не тем путем, как здесь представлено, но обратно... Ходящий пред Богом посвящается в ведение совершенств Божиих и всего всесовершенства и навыкает Богохвалению. Восшедший до сего еще глубже входит в Божество и стяжевает благоговейный

страх. Кто же после сего возносится за все, различаемое в Боге, тот вкушает изумление. Это предел, за который уже и заходить нельзя. Кто прошел все сии степени, тот находится в блаженнейшем состоянии и прежде онго века живет в нем, переходя от изумления к благоговению, а от сего в Богохвалению, ходя, или духовно движась, как в доме каком, в Божественном лицезрении, исполненном света и чистоты пренебесной. Вот и жизнь в Боге!»

«Вот куда восходят чрез Господа Иисуса Христа, чего наконец сподобляются и каким образом! Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердиться духом Его во внутреннем человеце, вселится Христу верою в сердца ваша, да сможете разумети со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина, и высота... да исполните во всяко исполнение Божие (Еф. 3:16–19)!!...»

Глава IV. Безмолвие, бесстрастие и молитва

Богомыслие, да и вообще истинно-духовная жизнь невозможны без молитвы и неизбежно сопровождаются и, так сказать, проникаются ею. «Она есть вместилище или поприще всей духовной жизни, или самая духовная жизнь в движении и действии. Ибо что есть молитва? Есть возношение ума и сердца нашего к Богу... Посему, как скоро приходит в движение какое-либо благочестивое чувство, движется и молитва... Можно сказать, что молиться значит приводить в движение благочестивые чувства и расположения, каждое отдельно или все совместно, или одно за другим, или, что то же, возбуждать, оживлять и возгревать жизнь и дух благочестия. Кто не молится, у того нет благочестия, и у кого нет благочестия, тому как молиться?

«Если теперь благочестие есть жизнь нашего духа, то понятно, почему только умеющего молиться должно называть имеющим дух. Кто-то определяет молитву дыханием духа². Она и есть дыхание духа... Как в дыхании расширяются легкие и тем привлекают животворные стихии воздуха, так и в молитве разверзаются глубины нашего сердца и дух возносится к Богу, чтобы приобщением к Нему воспринять соответственный дар. И как там кислород, принятый в дыхании чрез кровь, расходится потом по всему телу и оживляет его, так и здесь принятое от Бога входит во внутренняя наша и оживотворяет там все... Молитва есть оживотворение духа, некоторое как бы его обожение. Кто бывает в мироварнице, напитывается миром, кто же возносится к Богу, исполняется Божеством...»

Само собой разумеется, к молитве нельзя приступать без особого приготовления.

Прежде всего «необходимо особое место, если можно, уединенное и к тому определенное, пред святою иконою, с возжжением свечи или лампады; необходимо особое время, утром и вечером, или в другие часы, применительно к часам

церковных служб; необходимо особое положение тела, стамое или коленопреклоненное, с благочинием и напряжением.»

«Приступающий к сему молитвованию прежде всего должен возратить ум свой из рассеяния и собраться в себя, отрясть все заботы, или, сколько можно, утишить их, и поставить себя в живейшее сознание присутствия Бога вездесущего, всеведущего и всевидящего. Это есть как бы создание внутренней молитвенной клетки, в которую удаляться повелел Господь (Мф. 6:6), то же, что временно поставляемая скиния.»

«Устроившись так, совершай самое молитвование: тихо, благоговейно, разумно читай избранные и установленные молитвы, перемеживая их поклонами с крестным знамением, поясными или земными, или коленопреклонением, всемерно напрягаясь внедрять в сердце читаемое и возбуждать в нем соответственные чувства. Когда согреется сердце или возбудится какое чувство, остановись и не продолжай читать и опять останавливайся, когда возродится чувство. В этом и все производство молитвословия...»

«Иным кажется, что такой образ молитвы имеет в себе много вещественного, стихийного; телесное же обучение в мале есть полезно, учит Апостол (1Тим. 4:8). А иные совсем хотят отнять у молитвы все внешнее, оставаясь при одном внутреннем. Это заблуждение древнее. Оно в самом начале было намечено и отвергнуто святыми отцами. Плоду предшествует цвет, листу почка и оживление ветвей. В вещественном необходима постепенность, – необходима она и в духовном. Внутренняя молитва есть плод: надобно много трудиться, пока он зародится. Можно назначить три степени молитвы. На первой она бывает преимущественно внешняя: чтения, поклоны, бдения и проч... С сего начинают, и иные довольно долго трудятся над собою, пока появятся начатки молитвы, или легкие движения молитвенного духа... Молитва, как высший дар, ниспосылается как бы по капле малой-малой, чтобы научить человека дорого ценить ее. На второй степени в ней телесное с духовным являются в равной силе. Здесь каждое слово молитвы сопровождается соответственным чувством, или внутренние молитвенные движения, внутренне

движимые, изъясняются и изъясняются своим словом... Это повсюднейшая молитва, общая всем почти. Она обыкновенна в том, в ком жив дух благочестия. На третьей степени в молитве преобладает внутреннее или духовное, – когда и без слов, и без поклонов, и даже без размышления, и без всякого образа, при некотором молчании или безмолвии, в глубине духа совершается действие молитвы. Эта молитва не ограничивается ни временем, ни местом, ни другим чем внешним и может никогда не прекращаться. Почему и называется действием молитвы, т.е., чем-то пребывающим неизменно. Вот собственно внутренняя молитва!.. Где во всей полноте, силе и красоте является жизнь в Боге? На высших степенях молитвы. Так велика сила молитвы и так высоко ее значение. Кто умеет молиться, тот уже спасается...»

«Поприще Богообщения, область, в коей оно образуется и действует, есть умная духовная молитва... Молящийся пребывает в Боге и, следовательно, очень готов и способен к тому, чтоб и Бог стал пребывать в нем.»

«У кого начали появляться эти невольные влечения внутрь и эти восхищения к Богу, и особенно у кого начали действовать совершенное предание себя Богу и непрестанная молитва, тот готов и способен вступить в безмолвие. Только он и силен вынести этот подвиг и проходить его с плодом. Удержать такого в общежитии и сожительстве с другими невозможно.»

«Что гнало Арсения Великого от людей? Это тяготение внутрь пред Богом. «Люблю вас», говорил он, «но не могу быть вместе с Богом и с людьми». – «Истинный безмолвник», говорит Иоанн Лествичник, «не желая лишиться сладости Божией, так удаляется от всех людей, без ненависти к ним, как усердно другие с ними сближаются».

«Выписываем нужное к понятию о безмолвии из 27 слова «Лествицы.»

«Есть безмолвие внешнее, когда кто, от всех отделившись, живет один; и есть безмолвие внутреннее, когда кто в духе один с Богом пребывает не напряженно, а свободно, как свободно грудь дышит, и глаз видит. Они совместны, но первому без последнего нельзя быть. Посему собственно безмолвник тот, кто

существо бестелесное – душу свою усиливается удерживать в пределах телесного дома. Пусть келлия безмолвника заключает в себе тело его, а сие последнее имеет в себе храмину разума!»

«Единственное и неизбежное условие к такой жизни есть отрешение от себя и от всего тварного, или бесстрастие. Дух выйти должен из мира сего в мир премирный и с собою не вносить туда ничего тленного. Како вшел еси семо, не имый одеяния брачна? скажут тому, кто вшел бы туда, если б сие было возможно, с каким-нибудь пристрастием, как бы в изорванном рубище. Но то несомненно, что, при каком бы то ни было пристрастии, не бывает восхождения к Богу. Бывает, правда, лесь в духе, когда ему чудится, что он живет в Боге. Но как привязанная птица и полетит, и опять падает на землю, хотя привязана за малейший член, – как запорошивший глаз и открывает его, но ничего не видит им: так и имеющий пристрастие думает, будто углубился в Бога, но тем только себя обманывает. В сем состоянии бывают ложные видения, обольщения фантазии, а вместе и обаяния сатаны, который любит и умеет пользоваться всякою нашею слабостью. Многие от сего навсегда погибли. Однакож это не должно служить укором истине, или останавливать усердие и желание ищущих. Следует только не забывать мудрых правил, оставленных Богомудрыми отцами, то есть, устремляясь к Богу, не забывать и отрешения от всего и строже начать с последнего, или преимущественно обратиться на него; потому что первое некоторым образом естественно духу, который, по отрешении от держащих его уз чувственности, не имеет куда войти, кроме области Божественной. В степенях сего Отрешения различают сначала болезненное отторгание сердца от вещей чувственных чрез гнев, потом безвкусие к ним, а далее созерцание их из Бога, не отводящее от Бога. Для отрешения от всего, а равно и для жизни в Боге, всего лучше избрать желающим, способным, призванным особый род жизни – монашеский, или отшельнический. При сем удобнее то и другое является во всей своей чистоте и зрелости. И в порядке обыкновенной жизни сие не невозможно, но сопряжено с большими трудностями и препятствиями. Лучше бывает, когда кто, утвердившись жить в

Боге в удалении от мира, исходит и вызывается потом в общую жизнь на делание. В том жизнь по Богу имеет особое действие, тот есть представитель Бога для людей, разносящий Его благословение на все... Но опять и к отшельничеству восходят по определенным правилам, отеческим образом, с долгим и опасным себя испытанием.»

«На безмолвие не потянет того, кто не вкусил еще сладости Божией; сладости же сей не вкусит тот, кто не победил еще страстей. Недугующий душевной страстью и покушающийся на безмолвие подобен тому, кто соскочил с корабля в пучину и думает безбедно достигнуть берега на доске.»

«Никто из тех, которые подвержены раздражительности и возношению, лицемерию и памятозлобию, да не дерзнет когда либо увидеть и след безмолвия без того, чтобы не впасть в исступление ума.»

«Вкусивший сладости Божией стремится на безмолвие, чтобы ненасытно насыщаться им, без всяких препон, и непрестанно порождать в себе огонь огнем, рачение рачением и вожделение вожделением. Посему безмолвник есть земной образ ангела; на хартии вожделения, рукописанием тщания, освободил он молитву свою от лености и нерадения... Безмолвник – тот, кто духодвижно вопиет: готово сердце мое, Боже! Безмолвник – тот, кто говорит: аз сплю, а сердце мое бдит.»

«Таким образом, все занятие безмолвника – быть с Единым Господом, с Коим и беседует он лицом к лицу, как любимцы царя говорят ему на ухо...»

«Возлюбившие блаженное безмолвие проходят делания умных сил и подражают образу их жизни. Не насытятся они во веки веков, восхваляя Творца: так и восшедший на небо безмолвия не насытится, воспевая Создателя.»

«Но ни молитвы безленостной, ни хранения сердца неокрадомого нельзя возыметь, если не утвердилось наперед в сердце совершенное безпопечение. Нельзя с разумом проходить первых двух, кто не приобрел последнего, подобно тому, как, не выучивши букв, нельзя читать. «Малый волос смущает око и малое попечение губит безмолвие.» Кто желает

представить Богу чистый ум и смущает себя попечениями, тот подобен крепко сковавшему свои ноги и покушавшемуся скоро идти. Посему истинное безмолвие и начинается по предании себя Богу и глубоком уверовании сердца в Его о нас попечение.»

«Только те, кои сочетались с безмолвием для наслаждения любовью Божией, для утоления жажды этой любви, будучи влекомы сладостью ее, суть настоящие безмолвники. Такие, если проходят безмолвие с разумом, споро начинают вкушать и плоды его, кои суть: ум неволнуемый, мысль очищенная, восхищение к Господу, молитва ненасытная, стража неокрадаемая, всегдашние слезы и проч.»

«Таким образом влечет на безмолвие влечение внутрь к сладостному стоянию пред Богом; путь по нему пролагает очищение от страстей всеми подвигами, коими укрепляется в нас добро и истощается зло, непосредственное преддверие его есть предание себя Богу в безпопечении; существо его, – ничем не возмутимое молитвенное стояние пред Богом умом в сердце, от коего огонь к огню прилагается.»

«Горение духа от Божия прикосновения окончательно очищает человека и возводит его в состояние бесстрастия. В этом огне переплавляется естество наше, как металл неочищенный в горниле, и является сияющим небесной чистотой, делающим его готовым Богу жилищем.»

«Так, на пути к живому богообщению, стоит неминуемо безмолвие, если не всегда как известный образ подвижнического жития, то всегда как состояние, в коем внутри собранный и углубленный дух, огнем духа божественного, возводится к серафимской чистоте и пламенению к Богу и в Боге.»

«Огонь этот внедряется в минуты обращения и начинает действовать, как только, по обете, вступит человек в труд; но это есть начальная теплота, то появляющаяся, то скрывающаяся. Она действует во все продолжение труда над очищением сердца; иначе не вынести человеку трудов сих. Но всей силы своей она в то время явить не может, по причине холода страстей, еще качествующих в человеке. Всю силу свою

являет она уже тогда, когда умолкнут страсти. Первая теплота похожа на горение дров сырых и намоченных, а вторая на горение тех же дров, когда огонь иссушит их и проникнет весь их состав. По другому сравнению, первая теплота похожа на ту, которая бывает в воде, содержащей льдину, еще нерастаянную: теплота есть, но вода не вскипает и не вскипит, пока не растает льдина. Когда же растает льдина, теплота, проникая всю массу воды, разгорячает ее все сильнее; от этого вода перекипает и перечищается. Вот на это похожа вторая теплота. Последние два образа действий огня изображают действия духовного горения в последних степенях совершенства христианского, возводящего к совершенной чистоте и бесстрастию.»

«Вещество страстей, будучи изнуряемо божественным огнем, потребляется; а по мере того, как вещество искореняется, и душа очищается, отходят и страсти.»

«Вот значение бесстрастия, по указанию «Лествицы» в слове 29-м.»

«Бесстрастие есть воскресение души прежде воскресения тела.»

«Воскресением души должно называть изшествие из ветхости, именно когда произойдет новый человек, в котором нет ничего от ветхого человека, по сказанному: и дам вам сердце ново и дух нов (Иезек. 36:26).»

«Это полное и между тем всегда возрастающее совершенство совершившихся о Господе так освящает ум и восхищает его от вещества, что часто от жизни в теле исступлением возносит на небо к видению.»

«Бесстрастие показал апостол, написав: ум Господень имамы (1Кор. 2:16). Бесстрастие показал и тот сирианин-подвижник, который взывал: «ослаби ми волны благодати Твоя!»

«Бесстрастный ко всем предметам, возбуждающим и питающим страсти, стал нечувствителен так, что они никакого действия на него не производят, хотя находятся пред очами его. Это оттого, что он весь соединен с Богом. Приходит он в бдудилище – и не только не чувствует движений страсти, но и блудницу приводит к чистому и подвижническому житию.»

«Кто сподобился быть в сем устроении, тот еще здесь, обложенный брэнною плотию, бывает храмом живого Бога, Который руководствует и наставляет его во всех словах, делах и помышлениях; и он, по причине внутреннего просвещения, познает волю Господню, как бы слышал некоторый глас, и, будучи выше всякого человеческого учения, говорит: когда прииду и явлюся лицу Божию, – ибо не могу более сносить действий Его вожделения, но ищу той бессмертной доброты, которую Ты даровал мне прежде, нежели я впал в тление. Но что много говорить!! Бесстрастный не к тому живет себе, но живет в нем Христос (Галат. 2:20), как сказал подвигом добрым подвизавшийся, течение скончавший и веру православную соблюдавший.»

«Бесстрастие есть небесная палата небесного Царя.»

«И вот, наконец, богообщение и боговселение – последняя цель искания духа человеческого, когда он бывает в Боге, и Бог в нем. Исполняется, наконец, благоволение Господа и молитва Его, чтобы как Он в Отце и Отец в нем, так и всякий верующий едино был с Ним (Иоан. 17:21). Исполняется утешительное уверение Его: кто слово Его соблюдает, того возлюбит Отец Его, и Они к тому приидут и обитель у него сотворят (Иоан. 14:23). Исполняется апостольское определение умерших бесстрастием, что живот их сокровен есть со Христом в Боге (Кол. 3:3). Таковые суть храм Божий (1Кор. 3:16), и дух Божий живет в них (Рим. 8:9).»

«Достигшие сего суть таинники Божии, и состояние их есть тоже, что состояние апостолов, потому что и они во всем познают волю Божию, слыша как бы некий глас, и они, совершенно соединив чувства свои с Богом, тайно научаются от Него словом Его. Знаменуется такое состояние пламенем любви, по коей они с дерзновением удостоверяют: кто ны разлучит? (Рим. 8:35). Любовь есть подательница пророчества, причина чудотворений, бездна просвещения, источник огня божественного, который чем более истекает, тем более раскаляет жаждущего.»

«Поелику такое состояние есть плод безмолвия, когда проходят его с разумом, то не все безмолвники оставляются

Богом в безмолвии навсегда. Достигающие чрез безмолвие бесстрастия и чрез то удостаивающиеся преискренного богообщения и боговселения изводятся оттуда на служение ищущим спасения и служат им, просвещая, руководя, чудодействуя. И Антонию Великому, как Иоанну в пустыне, глас был в его безмолвии, изведший его на труды руководства других на пути спасения, – и всем известны плоды трудов его. То же было и со многими другими.»

«Выше сего стояния апостольского мы не знаем на земле.»

«Воодушевляйтесь надеждою, что придет день, когда воссияет в сердце свет обрадования и возвратит ему свободу от всех уз, и доставит легкость движения и возношения туда, куда повлекут добрые начертания духа. Будете парить тогда в области духовной, как птичка, выпущенная на свободу из клетки.»

«Часто придется видеть, что прокрадываются и прорываются помехи. Ведайте наперед, что все это в порядке вещей. Встретится, – не ужасайтесь... Одним только запасайтесь – крепким мужеством, ни на что не смотря стоять в начатом деле. Это одно теперь на всю жизнь должно быть положено и запечатлено обетом и твердой решимостью!»

Мы позволили себе извлечь из творений почившего святителя все то, что могло бы познакомить нас с его сокровенной, незримой для очей мира, жизнью в глубине его затвора. Его вдохновенные речи – не сочинения на заданную тему, – нет они проникнуты скрытым огнем убеждения, они – плод пережитого великого духовного опыта. Он сам говорит нам:

«В духовной жизни книги только руководство. Само познание приобретается делом. Даже то, что познано бывает из чтения, будто ясно и обстоятельно, когда испытано бывает делом, представляется совсем в другом свете. Жизнь духовная – особый мир, в который не проникает мудрость человеческая.»

Читая проникновенные речи великого учителя, мы чувствуем, что не можем сказать ему: врачу, исцелился сам! Скорее – мы видим в нем архистратига, который, воодушевляя

воинов на священную брань, сам первый устремляется на врага и увлекает за собою других.

«Не попеняйте на меня, Господа ради, что оставляю вас, говорил приснопамятный святитель, прощаясь пред удалением в затворническую жизнь со своей Владимирской паствой. Спасайтесь и спаситесь о Господе! Лучшего пожелать вам не умею... Путь спасения вам ведом...» Более, чем когда-либо, слова эти получают все свое значение в настоящее время, когда окончился великий подвиг почившего.

Плоды этого великого подвига сведомы только Единому Богу, но по дивным творениям почившего мы и здесь на земле можем отчасти судить о них. Теперь нам легче, хотя и не легко, будет с возможной обстоятельностью начертать нравственный облик святителя.

Глава V. Общественное значение затворнического подвига преосвященного Феофана

«Люблю вас (братия), но не могу быть вместе с Богом и людьми», говорит святитель Феофан словами Арсения Великого, и его дивный подвиг является живым истолкованием этих слов. Но любовь к Богу не исключает, напротив требует и научает истинной любви и к людям. Любовь к Богу и любовь к людям дивно сочетались в жизни почившего святителя. Кажется, для того он и удалился от мира, чтобы с высоты своего подвига яснее видеть насущные нужды и недуги нашего времени и, по возможности, полнее оказать необходимую помощь. И эта помощь, эта заслуга святителя пред нашим обществом так необъятно велика, что мы едва в состоянии оценить ее...

В чем же дело? Что всего нужнее современному обществу и в чем состоит заслуга почившего святителя? Вопрос настолько важен, что мы должны подвергнуть его всестороннему обсуждению.

Давно известная истина, что все, что ни происходит в обществе – все светлые или темные стороны его жизни, благоустройство и неурядицы, благосостояние и бедствия – все зависит от внутренних духовных начал, которыми живет общество, от степени его умственного и нравственного развития. Только поверхностный наблюдатель может удовольствоваться ближайшими и иногда чисто случайными обстоятельствами, породившими то или другое общественное явление, и не искать позади их основных причин или начал.

В частности – ни про какое время нельзя с большим правом сказать, как именно про наше, что его главный, коренный недуг есть недуг духовный.

Не плоть, а дух растлился в ваши дни,
И человек отчаянно тоскует;
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит!,
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... Но о ней не просит.
(Тютчев).

«Современный образованный человек потерял свое равновесие. Нигде он не находит твердой точки опоры. Среди бесконечного множества частных, у него исчез всякий общий взгляд. Никогда еще не было такого всеобщего шатания, такого умственного мрака, как именно теперь. Сильная мысль, крепкие убеждения, высокие характеры становятся редкостью. Практические вопросы еще способны приковывать к себе людей; теоретические интересы отошли на задний план и возбуждают умы лишь настолько, насколько в них выражается та или другая практическая тенденция. Явным признаком этого низкого умственного состояния служит всеобщий упадок изящной литературы. В этом нельзя видеть случайное только явление; положительное знание всего менее допускает такого рода всеобщие случайности. Это – знак времени. В поэзии выражаются идеальные стремления человечества. Там, где иссяк ее источник, можно наверное сказать, что оскудела идеальная жизнь общества. Человек, вследствие господства реализма, превращается в исключительно вниз смотрящее существо. Откуда же взяться поэтическому вдохновению?»

«Душа убывает!» восклицает Дж. С. Милль.

«Пополнение жизни – теперь вопрос дня», говорит Друммонд.

«Современное русское общество превратилось в умственную пустыню, говорит Б. Н. Чичерин. Серьезное отношение к мысли, искреннее уважение к науке почти исчезли; всякий живой источник вдохновения иссяк. С падением философии, логика сделалась излишним бременем; умение связывать свои мысли отошло в область предрассудков; никогда еще русская литература не стояла так низко; никогда еще легкомыслие и невежество так беззастенчиво не выставлялись напоказ. Самые крайние выводы самых односторонних западных мыслителей, обыкновенно даже

непонятые и непереваренные, смело выдаются за последнее слово европейского просвещения... Западно-европейские общества, погрузившись в изучение частностей, сохранили по крайней мере одну облагораживающую черту: упадок мысли искупается до некоторой степени значительностью умственного труда, обращенного на исследование фактического материала. У нас, к сожалению, и этого нет. Если западного европейца можно сравнить с рудокопом, который неумоимо работает в рудниках, приготавливая себе богатства для будущего, то мы, при скудости нашего образования, довольствуемся ожиданием чужих благ, а пока питаемся кой-где подобранными крохами, которые доставляют посредники, слишком часто рассчитывающие на неразборчивость публики. Отсюда внутренний разлад и дикие фантазии, рождающиеся во мраке. Сколько среди нас людей, которые забыли даже, что существует свет Божий и готовы закидать камнями того, кто дерзает о нем помянуть! Выйти из этой удушливой атмосферы составляет насущную потребность всякого, в ком живы еще интересы мысли, кто не довольствуется житейской пошлостью или на веру принятым направлением. А выйти из нее можно только одним способом: поднявши глаза кверху, вместо того чтобы упорно держать их прикованными книзу, окинуть взором все необъятное пространство неба и уразуметь великую связь, соединяющую высшее с низшим, небесное и земное...» (Наука и религия. Б. Чичерина. Предисловие. VIII–XII).

Характеризуя современное духовное состояние нашего общества, наблюдатель проронил знаменательное слово: «в России понижение общего уровня должно было отразиться в явлениях, еще более печальных, нежели где-либо». Почему же? Да потому, что наше образованное общество, со времени Петра Великого, только повторяет зады европейской цивилизации. Никто в настоящее время не станет спорить против усвоения нами плодов европейской цивилизации, но нельзя же не замечать и горьких последствий нашего продолжительного подчинения западу. Древнее русское общество можно укорять в грубости, но нельзя в нем отрицать энергии и внутренней цельности народных творческих сил. Но с тех пор как высшие,

руководящие классы народа пошли в науку западу, эта духовная цельность народного организма нарушилась. «По ту сторону (то есть, в простом народе) продолжала пребывать «тьма невежества», то есть, сохранялись, вместе с внешним старинным обликом, старинный быт, дух, предания и заветы Руси старой... одним словом, самое зерно русской народной, исторической сути и мощи... По сию сторону (в образованном классе) – новый мир, новые люди, пестрый свет зачавшейся цивилизации, – одним словом – «образованность» (в переводе с немецкого Bildung), по преимуществу в наружных, внешних ее проявлениях и начиная с самых низших ее ступеней. По ту сторону – застой, крепость старине до суеверия; по сию – форсированный «прогресс» и также суеверная, но притом раболепная и подобоострастная духовная крепость европейскому западу». (И. С. Аксаков. IV. 753). К нашей современной интеллигенции смело можно приложить стих Шиллера:

Не наша их земля растила,
Не наше солнце грело их!

«Наше духовное бессилие есть плод отчужденности нашего образованного общества от основных духовных начал, которыми искони жив был русский народ. Сила общества только в том, чтобы быть верным носителем и выразителем народной мысли, совершать работу народного самосознания. Без этой силы – бессильны сами по себе и народные массы, которым не достает сознательности, и общество, которому не достает живого питания корней: обе среды останавливаются в своем развитии; цельность и правильность отправлений всего народного организма и кровообращения в нем – расстраиваются» (И. Аксаков т. II. 262).

Отсюда – с одной стороны бесплодность нашего образования, отсутствие в нем творчества, его отрешенность от насущных потребностей жизни. Отсюда то, что

Мы все речь умную, но праздную ведем,
О жизни мудрствуем, но жизнью не живем!

С другой стороны, сознавая свой долг перед народом, сознавая свою обязанность содействовать духовному развитию

своего народа, представители нашего образованного общества, сами повторяя заветы европейской цивилизации, хотели было навязать народу так называемые «последние слова науки», последние выводы европейской культуры. Но народ, верный святым заветам православной веры, не понимает и не принимает их, потому что эти результаты стоят в непримиримом противоречии с его духовными стремлениями. Не в науке – зло, но зло европейской цивилизации заключается в том превратном направлении, которое приняла европейская наука. «В основании, в глубине современных учений запада, не только революционных, но и философских, вообще «его последнего слова» лежит: отвержение Бога, следовательно отвержение всего, что святит человека и с ним всю природу, – отрицание свободного духа и всякого духовного в человеке начала, следовательно обездушение человека и порабощение его плоти, – отрицание высшей, предержащей мир, независимой от человека правды, высшего, нравственного, обязательного для нравственной человеческой природы закона, всей нравственной в человеке стихии и затем – поклонение обездушенной материи, обезбоженному, обездушенному, охолощенному духовно и нравственно, человеку как Богу, – горделивое превознесение выше всего бедного логического разума и «точного», стало быть, ограниченного разума... Гордая наука забыла, что не культура, не знание преобразили мир... Не в науке зло, конечно, и не в цивилизации, но в гордом самомнении науки и цивилизации, в той их вере в себя, которая отменяет веру в Бога и в божественный закон». (Там же, 717). Понятно, почему народ решительно отвергает навязываемые ему чуждые духовные начала. Народ готов искать, алчет и жаждет просвещения, но просвещения, озаряющего для него то, что составляет единое на потребу, не прочь получить и познания, но уже никак не идущие в разрез с его духовными стремлениями. «И если народ наконец подымет усталые от долгой дремоты очи и взглянет на наших литераторов и всякого рода художников, – прислушается к их оглушительным крикам, к треску и грому их вещаний, – что скажет он? «Куда девали вы порученные вам дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили ее

духовные сокровища? Что случилось с моим обычаем, верою, преданием, моею прожитою жизнью, моим долгим и горьким опытом? что совершили вы на досуге? Где цельность и единство жизни и духа? Где науки, вами взращенные?.. Какого хламу нанесли на мою почву?..» (Там же, 10). Благо нам, что нам народ сберег неприкосновенной святыню своей веры – в этот залог нашего будущего духовного роста. Твердо верим, никогда не иссякнет, не заглохнет, – напротив ярко разгорится всеозаряющим светом, на изумление и спасение миру, священное пламя живой сердечной веры, но представим на минуту, что «если б умер в нем (то есть в народе) живущий идеал,

И жгучим голодом духовным он взалкал,
И вдруг о помощи возопиял бы к вам,
Своим учителям, пророкам и вождям, –
Мы все – хранители огня на алтаре,
Вверху стоящие, что город на горе,
Дабы всем виден был и в ту светил бы тьму, –
Что дали б мы ему?..
(Майков).

Необходимо, чтобы наши образованные классы, наша общественная среда сделались верным выражением народного самосознания. Но что для этого нужно? Прекрасно отвечает на этот вопрос наш знаменитый писатель-художник: «народ русский в огромном большинстве своем православен и живет идеей православия, хотя и не понимает эту идею отчетливо и научно... В сущности в народе нашем все из нее одной и исходит, по крайней мере народ наш так хочет, всем сердцем хочет, чтобы все, что есть у него и что дают ему, из этой одной лишь идеи и исходило, несмотря на то, что многое у самого же народа является смрадного, варварского и греховного... Вся глубокая ошибка наших интеллигентных людей в том, что они не признают в русском народе церкви. Но кто не понимает в народе нашем его православия и окончательных целей его, тот никогда не поймет и самого народа нашего. Никогда и народ не примет такого русского европейца за своего человека; «полюби сперва святыню мою, почти ты то, что я чту, и тогда ты точно

таков, как я, мой брат, несмотря на то, что ты одет не так, что ты барин, что ты начальство»... вот что скажет народ, ибо народ наш широк и умен,» (Достоевский. Дневник, 1881).

Заметим при этом, что здесь дело идет не о том только, чтобы признать умом правду народной веры. Один путь отрицания лжи еще не ведет к живительному усвоению истины. Дело в том, что двум богам служить нельзя. Устраняясь от источника истинной жизни, человек начинает жить другой, ложной жизнью, которая порождает потребности и страсти, а вместе с ними и страдания. «Жизнь отвлеченная, призрачная, целиком занесенная из иноземщины, с ее историческими скорбями и чаяниями, становилась как бы и в самом деле нашей жизнью, несмотря на поразительное, ошеломляющее противоречие с окружающим, не отвлеченным, но действительным миром. Так наше общество, совершенно юное, еще не начинавшее жить, уже пережило, в сфере сознания, все нравственные старческие недуги ...обществ западной Европы, не изведав их жизненного опыта...» (И. Аксаков. VI. 422).

Новая жизнь должна пробудиться в нашем образованном обществе. Не перемена взглядов и убеждений, не умственный переворот, а духовное перерождение – вот что должно совершиться – внутренней деятельностью духа. Это перерождение должно обхватить собою, как воздух, и оживить все самые сокровенные углы и изгибы нашей духовной и нравственной области. Но жизнь порождается только жизнью. Болезнь в духе и может быть излечена только орудием духа. Самым ярким примером и подтверждением сказанного может служить попытка помочь исцелению современного общества от его недугов, сделанная знаменитым писателем, грустные речи которого мы привели в начале. Мы разумеем его книгу «Наука и Религия». Как и следовало ожидать, поклонник западного просвещения видит выход из печального положения в возвращении к широким философским обобщениям, к умозрению, возвышающемуся над данными опыта, в доверии к силам человеческого разума. Философия, по его словам, «это – тот мерцающий светоч, который непривычному глазу кажется неспособным рассеять окружающий нас мрак, но который в

действительности один (?) может вывести человека в высшую область всеозаряющей истины». (Предисловие. XIV). «Как скоро возбужден испытующий разум, так ему одному принадлежит верховное решение занимающих его задач. Если он подчиняется высшему авторитету, то он делает это не иначе, как на основании собственного убеждения, точно проверив все свои пути». (Там же. XIII). Не слышится ли фальшь в этих горделивых словах? Разум может преклониться пред высшим авторитетом веры, говорящей нам о тайнах высшего духовного порядка, совершенно недоступного научным исследованиям, и – тот же разум ставится верховным судьей, главным решающим началом... Разум подчиняется авторитету веры, но сама вера ставится пред трибуналом высшего судии... Странное недоразумение! И каким холодом веет от этих 500 страниц! Несмотря на всю серьезность и научную строгость рассуждений – сколько внутренних колебаний и противоречий! Несмотря на громадную ученость – как мало убедительности³)! Нет, не от научных или философских рассуждений загорится огонь новой жизни, –

И ты, когда на битву с ложью
Восстанет правда дум святых,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость лат земных.
Доспех Саула – ей окова,
Ей царский тягостен шлем,
Ее оружие – Божье слово,
А Божье Слово – Божий гром!
(Хомяков)

Бог и Божья сила не с теми, кто является проповедником высшей правды, вооружившись хотя бы философией Гегеля, да и вообще всех мудрецов мира сего,–

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия,..
(Хомяков)

Судьба указанного выше, хотя и добросовестного, труда еще раз приводит нас к памяти веское слово: «пора бы убедиться, что все сочиненное лишено внутренней, зиждущей силы, не пользуется ни авторитетом, ни доверием, предполагает возможность новых остроумнейших сочинений, – одним словом, осуждено на бесплодие и кратковечность. Как ни напрягайся, процесс сочинительства не заменит органического творчества; как ни сочиняй, не сочинишь жизни». (И. Аксаков. 426. VI). Тем более, это имеет значение относительно духовной жизни. «Жизнь духовная, говорит святитель Феофан, есть особый мир, в который не проникает мудрость человеческая.»

Только человек, сам переживший, перестрадавший многое, сам перегоревший в горниле духовного опыта, сам причастный духовной жизни, может заговорить с людьми о духовной жизни с всепобедной силой, возбуждающей духовную энергию и порождающей готовность на духовные подвиги. «Подобно тому как огонь, проникая железо, не внутри только железа держится, но выходит наружу и огненную свою силу являет ощутительно для всех; так и благодать, проникнув все естество наше, становится потом осязательно видима для всех. Все, приходящие в соприкосновение с таковым облагодатствованным, чувствуют присущую ему необыкновенную силу, проявляющуюся в нем разнообразно. Станет ли говорить о чем-либо духовном, все у него выходит ясно, как среди дня; и слово его идет прямо в душу, и там властно слагает соответственные себе чувства и расположения. Да хоть и не говорит, так веет от него теплота, все согревающая, и сила некая исходит, возбуждающая нравственную энергию и раздающая готовность на всякого рода духовные дела и подвиги.» (Еп. Феофан).

И вот, когда, по-видимому, среди нашего общества назрела настоятельная потребность именно в таком руководстве, – является пред ними поразительный пример строжайшего духовного подвига, соединенного с дивным, воистину благодатным словом наставления, является новое и высокое проявление духа православной Церкви в лице почившего святителя Феофана, – «являются пред нашими взорами, по

словам высоко-авторитетного почитателя почившего, прежде всего высоко-благочестивая личная жизнь святителя-подвижника, служащая живым, действенным, высоко-поучительным и нравственно-назидательным примером для христиан нынешнего времени, а потом – и его учено-литературные, религиозно-нравственного характера, сочинения, способные оказывать свое благотворное влияние не только на современников, но и на отдаленные поколения. Эти произведения великого подвижника веры и благочестия христианского, полные духовно-благодатного помазания, в возможной полноте и близости отражают в себе дух учения Христова и апостольского, мысли, характер и содержание творений богопросвещенных отцов и учителей Церкви, и все направлены к указанию высшего блага, вечных целей бытия человеческого... Архипастырь-учитель раскрыл духовную жизнь в своих сочинениях всем доступным образом, с неподражаемой ясностью и простотой, во всей ее глубине и широте, во всех ее мельчайших подробностях и проявлениях, в систематическом порядке и естественной последовательности ее развития...» Как произведения высокого подвижника, его творения обладают силой «пробуждать человека-христианина от духовного усыпления», «вызывать его из состояния религиозной апатии, равнодушия к вере, так называемой теплопрохладности, столь распространенной среди современных христиан». (Из слова преосвящен. Никандра). Читая творения святителя-подвижника, мы изумляемся его громадным познаниям, можно сказать, по всем отраслям наук, мы видим в нем человека, вооруженного всеми результатами вековой работы ума, но – над этим роскошным богатством светской учености возвышается и царит, все одухотворяя, божественная жизнь духа, жизнь высших стремлений, направленных в область вечности... Желаем ли мы избавиться от томящей всех мучительной пустоты, от духовной немощи, от недугов, которыми страдает современное общество, по-видимому утратившее самое понимание духовной жизни, – желаем ли наконец, сроднившись в духе с богатырским своим народом, послужить и помочь ему своими разумными силами в его стремлениях к высшей, Божией правде, желаем ли

возвратить столь давно утраченное нами единство и цельность народной жизни и тем возвратить ей силу творчества – мы можем смело идти навстречу ярко загоревшемуся свету в творениях почившего святителя, и этот свет всеозаряющей истины разгонит тьму вековых заблуждений, прояснит сознание, и зажжет новым пламенем потухающую искру высшей духовной жизни. Не мрачный пессимизм, которым собирается под конец наградить нас просвещенный Запад, – нет, творения почившего дадут нам иное; они окрылят наш дух, сообщив ему бодрое, жизнерадостное пробуждение к новой жизни: духовный подвиг не покажется тяжким бременем, возвратив человеку его истинное достоинство и надежду на вечное блаженство!

Заклучим настоящий очерк словами преосвященного Никандра: «В Бозе почивший святитель своей жизнью и своими трудами представляет то дивное, непонятное с точки зрения мира сего и сильнее всяких других доказательств и соображений обличающее мирские лжемудрования, – явление, которое с одной стороны служит к прославлению Бога в лице почитающих Его, а с другой – к оправданию великого значения и пользы для общества и общественной жизни монашества, даже являющегося в духе строгого аскетизма затворничества. В лице преосвященного Феофана мы имеем общего христианского учителя – при его безмолвии; общественного деятеля – в затворе; церковного проповедника, всюду слышимого, хотя и не являвшегося в последнее время на церковной кафедре; миссионера – обличителя сектантских заблуждений, хотя и не выступавшего на поприще открытой миссионерской деятельности; яркого светильника учения Христова для народа православного, хотя видимо для всех и не стоявшего в последнее время на свещнице церковном, хотя и укрывавшегося от взоров народных; никакого почти недостатка материального не имевшего, но всех богатившего и богатящего доселе духовным достоянием учения своего; не искавшего временной, земной славы, но прославляемого теперь и людьми, и наукой, и целыми учреждениями, и самыми своими творениями, в которых он поистине воздвиг себе «памятник нерукотворенный»... И исполняется над ним тут другое слово

Христово в Евангелии, вопреки ищущим мирской, земной славы: он работал Отцу небесному втайне, – и вот мы как бы слышим Спасителя, говорящего ему словами Евангелия: «и Отец твой видяй втайне, воздаст тебе яве!»

Глава VI. Одуховлена ли ваша душа?

«Не думаю, чтоб что либо из писаного затруднило вас; прошу однако ж не мимоходом пробежать писанное, а пообсудить хорошенько и к себе приложить».

Преосвященный Феофан.

В нашей ежедневной жизни нередко приходится наблюдать явление такого рода. Если юный питомец проникнут любовью и полным уважением к своим руководителям, то достаточно со стороны последних одного легкого замечания или указания для того, чтобы юноша немедленно исправил замеченное упущение или неправильность в своем поведении. Но вот у молодого человека с годами проявляются все сильнее и сильнее дурные наклонности, а вместе с тем и своеволие. Тогда со стороны старших уже требуются значительные усилия, чтобы направить его на путь истинный. Иногда дело доходит до того, что уже не помогают ни просьбы, ни увещания, ни угрозы... Все это принимается теперь за излишнее стеснение свободы, за тяжелое, извне навязываемое бремя. Приложим этот пример к занимающему нас вопросу.

В первые века христианства, при горячей любви первых христиан к своему Спасителю, при живом и искреннем религиозном одушевлении – для пастырей церкви достаточно было указать на слова Господа и апостолов или даже прославленных отцов и учителей церкви, чтобы вполне и с желаемым успехом воздействовать на души верующих. При таких обстоятельствах, в IV веке, наприм., св. Василий Великий счел полезным и совершенно достаточным «выбрать из Богодухновенного писания все, чем угождает и чем не угождает человек Богу, – и все, рассеянные по разным местам, запрещения и поведения, для легчайшего уразумения, представить совокупно в правилах, чтобы тем легче отучить людей поступать по навыку своей воли и по преданию человечеству.» (Творения св. Отцев, Т. IX, стр. 2, 20, 25, 37).

Но с течением времени обстоятельства изменились. С ослаблением веры и любви христианской, при всеобщем

огрубении нравов, требования христианской нравственности стали представляться уже как нечто, навязываемое извне, как неудобноносимое бремя, как что-то чуждое человеческой природе и ее живым стремлениям. Дело, под конец, дошло до того, что в XVII и XVIII столетиях явился ряд философов, которые, решительно отвергнув заповеди Божии, принялись, в противность им, выводить правила жизни и законы человеческого общежития из свойств человеческой природы, забывая, что бесконечное превосходство христианства над всеми религиями и человеческими учениями в том именно и состоит, что оно вполне отвечает коренным, истинным и глубочайшим стремлениям человеческой природы, что «душа человека по природе христианка.» Но так как наличная человеческая природа глубоко искажена грехом, то, отправляясь от нее, упомянутые мудрецы мира сего, естественно, и пришли к выводу, что homo homini lupus (человек для другого человека – волк), что будто бы в основе человеческой жизни, да и всей природы лежит закон борьбы за существование. Плоды таких учений всем хорошо известны. Борьба всех против всех (bellum omnium contra omnes), лишь умеряемая внешней силой, эгоизм отдельных личностей, борьба сословий, мятежи, убийства – все, что мы видим мрачного в истории европейских обществ за последние столетия... И вот, в виду ужасающих проявлений духа времени, раздается отчаянный вопль: «мир остановился в недоумении. В организации этого мира поколебалось что-то такое, что до сих пор считалось весьма прочным. Нужно обновить человека, ибо общественная совесть замирает...» Куда же идти далее?...

Величавую задачу разрешить для современного общества, да и на все времена, нравственный вопрос и истолковать возвышенные требования христианства в согласии с коренными, глубочайшими и истинными законами и стремлениями человеческой природы взял на себя великий святитель Феофан и отдал этой задаче всю свою жизнь, проверяя свои глубокие размышления опытом всей своей жизни.

«Дело спасения есть искусство искусств и наука наук: как же можно обойтись без учителя?»

Какие же качества потребны для учителя христианской нравственности?

«Чтобы вести, надобно видеть все распутия жизни, опытно знать их и знать, как они отклоняются, а для этого надобно стоять на некоторой высоте, с коей можно бы обозревать и все пути и всех идущих и того между ними, кто вверился. Словом своим, как рукою, он наставит его, как идти прямо, без уклонений, скоро, среди всех распутий без блуждания. Не очистившиеся от страстей все стоят на одной линии в уровень, ученый ли кто или неученый, читал ли кто пауку о подвижничестве или не читал. Толпу же составляющие люди не видят, куда и как пройти, а толкают только друг друга и идут, как идет, то туда, то сюда, не попадется ли им нужная тропинка, чтобы вывести на простор; между тем по голосу, который вне толпы, тотчас же выйти можно. Дело все в покорении страстей: не победивший страсти не может дать надлежащего правила на их покорение, потому что сам страстен и судит страстно. Затем-то умный, но сам не испытывавший руководитель никогда не поведет далеко, при всем своем желании. И сам он и руководимый будут говорить, рассуждать о путях Божиих и все толочься на одном месте.»

«Таких совершенств должен быть истинный руководитель и верный наставник!»

Личный великий подвиг жизни святителя Феофана и дает ему бесконечное превосходство, как учителю христианской нравственности, над всеми современными системами христианского вероучения, появляющимися у нас и на западе, – как в мире римско-католическом, так и в протестантском.

Посвятив всю свою жизнь «науке наук» и «искусству искусств», преосвященный Феофан с грустью говорит о том, как мало у него предшественников. За год до своей кончины, от 20 янв. 1893 года, в одном частном письме он писал: «пишу о своих книгах, потому что не знаю, где бы еще полнее было изложено все, касающееся жизни христианской. Другие писатели и лучше бы написали, но их занимали другие

предметы.» А в другом месте высказывает следующую жалобу: «самым пригодным пособием для начертания вероучения христианского могла бы служить христианская психология. За неимением ее приходилось довольствоваться своими о душевных явлениях понятиями, при указаниях отцов подвижников.»

Но нам лично нет оснований высказывать подобные сожаления. Личный труд целой жизни святителя с избытком восполнил все. «Что касается духовной жизни человека-христианина, которая, как и слово Божие, также почти совершенно неизвестна, темна и непонятна для большинства современного общества, не знающего часто даже азбуки духовной жизни, а не только высшей мудрости ее, и живущего большей частью лишь низшей, чувственно телесной жизнью, – говорит авторитетный ценитель святителя, – то... архипастырь-учитель раскрыл эту духовную жизнь в своих сочинениях всем доступным образом, с неподражаемой ясностью и простотой, во всей ее глубине и широте, во всех ее мельчайших подробностях и проявлениях, в систематическом порядке и естественной последовательности ее развития.» (Из слова преосв. Никандра). Везде указывая и выясняя, как высокие требования Евангелия глубоко соответствуют истинным и законным стремлениям души человеческой, святитель достигает того, что читатель «может видеть и понять, как представляющиеся на первый взгляд трудными и неудобноносимыми, по-видимому, правила и требования нравственного закона Христова, начиная от общеобязательных для всех заповедей и кончая евангельскими советами, предоставленными добровольному исполнению могущих вместить, – оказываются на самом деле удобоисполнимыми и осуществимыми в жизни теми же подобострастными нам людьми, – и когда читатель... попытается осуществить советы и наставления в своем собственном жизнеповедении, став бодрственно на страже сердца и помышлений ума своего, то он, при помощи благодати Божией, вскоре же собственным опытом дознает и убедится, всем своим существом восчувствует, как поистине и действительно иго Христово – благо и бремя Его легко есть (Матф. 11:30), – он не

только не будет тяготиться им, как чуждой и принудительно навязанной ему рабской ношей; нет, он напротив, вкусит духовную сладость несения его, испытает высшее духовное удовлетворение «и неземное наслаждение». (Там же).

Самое лучшее ознакомление с учением святителя Феофана об основах религиозной жизни читатель может почерпнуть всецело лишь из творений его. Мы же постараемся здесь ознакомить лишь с основными взглядами святителя, которые так или иначе отражаются во всех его творениях.

«Я имею намерение, говорил Святитель, приступая к изложению законов нравственного порядка, – все достодолжное выводить из устройства человеческого естества».

«Жить нам надобно так, как Бог создал нас».

«Уж как же иначе человеку и жить, как не так, как он устроен. Установив здравые понятия о том, как устроен человек, получим вернейшее указание на то, как ему следует жить. Мне думается что многие потому и не живут как должно, что думают будто правила о сей достодолжной жизни навязываются совне, а не исходят из самого естества человека и не им требуются».

Установив эти положения, святитель приступает к рассмотрению устройства духовно-физической природы человека, ее сил и стремлений, строго отделяя и очищая то, что законно, что вложено в нашу природу Самим Творцом, от того, что привнесено грехом, что им извращено, что, так сказать, нажито нашей греховной жизнью. Начиная с физической стороны, с телесной жизни, он переходит постепенно к устройству и проявлениям высшей духовной жизни⁴.

«Тело наше состоит из разных органов, из коих каждый совершает свое отправление, существенно необходимое для жизни телесной. Главных органов три: 1) желудок с легкими, сердцем, артериями и венами, лимфатическими сосудами и множеством других сосудов, сосудовцев и желез, служащих для разных отделений из крови и соков тела; отправление всех их – питание тела или плототворение; 2) система мускулов и костей, отправление коих есть движение внутри и вовне; и 3) система нервов, центр коих – голова, спинной мозг и система ганглий –

где-то под брюшной и грудной преградой, а разветвления проникают все тело; отправление ей – чувствительность. Когда ход этих отправлений и взаимное их отношение в порядке, тело здорово и жизнь – вне опасности; а когда этот порядок нарушается, тело заболевает и жизнь в опасности. Каждое отправление имеет свою потребность, которую дает живо чувствовать живущему, требуя удовлетворения. Потребности желудочной или питательной и плодотворной части суть – пища, питье, воздух, сон; потребность мускульно-костяной части есть потребность напрягать мускулы, которую всякий чувствует, долго засидевшись, и прямо потребность движения, заставляющая ходить, гулять, работать – что-нибудь; потребность нервной части – приятное раздражение нервов всего тела, как мерность тепла и холода и подоб., и особенно приятное раздражение пяти наших чувств, в которых нервная система вышла наружу для общения со внешним миром.

«Все это, как видите, телесно; душе какое бы до всего этого дело. Но как она, по теснейшему сочетанию с телом, приняла его в свою личность, то своими считает и все потребности телесные. От того говорим: я хочу есть, пить, спать, – хочу ходить, гулять, работать, хочу видеть разноцвета, слышать разноголосие, обонять разноухания и проч.. Усвоив себе все потребности телесные, душа своим делом считает и удовлетворение их, и хлопочет о пище, питье, еде, одежде, крове и всем прочем, всячески желая добиться того, чтобы тело было покойно и не тревожило ее своими докучливыми требованиями. Это отношение души к телу, которое она держит не учась, а сама собою, по внутреннему некоему понуждению, обнаруживается в ней, в роде некоего инстинкта, – животолубием, телолубием, желанием покоить тело и доставить все для того потребное.

«Совокупность всего этого и есть телесная сторона человеческой жизни. Но не все здесь одинаково телесно, или плотяно и чувственно. Крепко плотяна только питательная часть; но и она облагораживается приспособлением ее удовлетворения к потребностям и целям собственно душевным. Органы же движения и чувства служат более нуждам души, чем

тела. А один орган, стоящий будто вне системы прочих органов, именно орган слова – исключительно есть орган души, назначенный для служения ей одной.

«Телесная, плотская, чувственная, – неодобрительная в нравственном отношении жизнь есть та, когда человек, увлекаясь крайне животолюбием и телолубием, поставляет главной для себя целью и заботой покой тела, или всестороннее удовлетворение потребностей лишь телесных с забвением о душе и тем паче о духе. При этом каждая телесная потребность естественно-простая расплывается во множество прививных потребностей чрез привычку в пристрастие к разным способам ее удовлетворения. Возьмите пищу, или питье, или одежду. Что, кажется, проще всего сюда относящегося? А между тем сколько потребностей расплывается у иных по этой части, потребностей неотлучных: хоть умри, да подай! – От того видим, что иные минуты не имеют свободной, бегая за нужным для удовлетворения их, при всем том, что десятки других лиц заняты для них тем же. У таких неизбежно должны голодать душа и дух, если они еще не совсем заглушены, забыты и погружены в чувственность».

Рассмотрев низшую, плотскую сторону человеческой природы, святитель переходит к явлениям высшего порядка, к душевной жизни человека.

«Если мы станем смотреть в душу сообща, то ничего не разберем; надо действия ее распределить по родам и каждый потом – рассматривать особо. Да уж давно присмотрелись, и распределили все действия души на три разряда – мыслей, желаний и чувств, назвав каждый особой стороной души – мыслительной, желательной и чувствующей. Возьмем это разделение и начнем обозревать каждую сторону.

«Сторона мыслительная. Если внутри нас видится смятение, то оно наибольший простор имеет в мыслях; желания же и чувства мнутся уже под действием мыслей. Но в разряде мыслей не все есть беспорядочное движение; есть в среде их ряд серьезных занятий. Они-то собственно и составляют настоящее дело жизни душевной со стороны мыслей. Вот эти занятия:

«1) Как только заметили вы что-либо вовне посредством своих чувств, или выслушали рассказ других о том, что они заметили своими чувствами, тотчас все то воображение воображает и память запоминает; и в душу ничто не может войти помимо воображения и памяти. Затем и последующая деятельность мыслительная опирается на воображении и памяти. Чего не сохранила память, того не вообразить, о том и думать не станешь. Бывает, что мысли прямо рождаются из души; но и они тотчас одеваются в образ. Так что мысленная сторона души вся есть образная.

«2) Но воображение и память добывают и хранят только материал для мыслей. Само движение мыслей исходит из души, и ведется по законам ее. Воображение и память не мыслят. Они – чернорабочие силы, подъёмные. Способность души, из которой исходят такие вопросы и которой доискиваются и порождаются мысли в ответ на них, называется рассудком, которого дело рассуждать, обдумывать и находить требуемые решения. Понаблюдайте за собою и найдете, что ничего у вас не делается без обдумания соображения. Всякую малость приходится обсуждать.

«3) Когда вы обдумываете, то тут нет еще определенной мысли. Мысль определенная устанавливается, когда найдете решение какого-либо из вопросов. Рассудок ваш все роется, ища – что такое есть какая-либо вещь, откуда она и для чего она и проч.. Когда же найдете сами такое решение, или, выслушав его от других, согласитесь с ним, – обыкновенно говорите; теперь понимаю, толковать больше нечего, дело решенное. Это решение дает покой вашей мыслительности относительно занимавшего вас предмета. Тогда рассудок ваш обращается к другим предметам, а сложившаяся мысль сдается в архив душевный – память, откуда, по требованию нужды, берется как пособие к решению других вопросов, как средство к слаганию других мыслей. Совокупность всех сложившихся таким образом понятий составляет образ ваших мыслей, который вы и обнаруживаете при всяком случае в речах своих. Это есть область вашего знания, добытого вами трудом мысленным. Чем больше у вас решено вопросов, тем больше

определенных мыслей или понятий о вещах, чем больше таких понятий, тем шире круг вашего знания. Таким образом, как видите, выше памяти и воображения у вас стоит рассудок, который своим мыслительным трудом добывает для вас определенные о вещах понятия или познания.

«Не на всякий вопрос удастся нам добыть определенный ответ. Большая часть их остается нерешенными. Думают-думают, и ничего определенного не придумают. Почему говорят, может быть так, а может быть этак. Это дает мнения и предположения, которых в общей сложности у нас не больше ли, чем сколько есть определившихся познаний.»

«Когда кто, обсуждая известный класс предметов, добудет сам и от других позаимствует так много определенных о них мыслей и понятий, а не решенное в них успеет дополнить такими удачными мнениями и предположениями, что может счесть этот круг предметов достаточно познанным и уясненным, тогда приводит все добытое в порядок, излагает в связи и последовательности, и дает нам науку о тех предметах. Наука – венец мыслительной работы рассудка.»

«Все это я рассказываю вам затем, чтоб яснее вам было, в чем должна бы состоять естественная законная деятельность нашей мыслительной силы. Ей следовало бы трудолюбиво обсуждать незнаемое еще, чтоб познать то. Научниками быть дано очень немногим, не всем можно и проходить науки; но обсуждать окружающие нас вещи, чтоб добыть определенные о них понятия, всем и можно и должно. Вот этим и следовало быть у всех занятою мыслительной силе. Сколько она добудет, это – судя по своей крепости; но она должна быть всегда занята серьезным делом обдумывания и обсуждения действительностей. Между тем что видим в нашей мысленной области? – Непрерывное движение образов и представлений без всякой определенной цели и порядка. Помышление за помышлением восстают, и то идут в ряд, то поперечат друг другу, то забегают вперед, то возвращаются назад, то отбегают в стороны, ни на чем не останавливаясь. Это не рассуждение, а блуждание и рассеяние мыслей; след., состояние, совсем противоположное тому, чем бы следовало являться нашей

мыслительной силе, – болезнь ее, столь внедренная в нее и общая всем, что вы ни одного не найдете человека, который бы мог постоянно вести серьезный труд мышления, не подвергаясь рассеянию и блужданию мыслей, отрывающих его от дела и увлекающих в разные стороны. Часто мы задумываемся. Что это за состояние? – Вот что: мысль сходит в архив памяти и помощью воображения перебирает там весь собравшийся хлам, переходя от истории к истории, по известным законам сцепления представлений, приплетая к бывалому небывалое, а нередко даже невозможное, пока не придет в себя и не возвратится к действительности окружающей. Говорят: углубился. Углубился, но в пустоту, а не в серьезное обсуждение дела. Это есть тоже, что сонное мечтание, – праздномыслие и пустомыслие. Понаблюдайте за собою и увидите, что большая часть времени проходит у нас именно в таком пустомыслии и блуждании мыслей. Иной день, (и не больше ли таких) – ни одной серьезной мысли не попадет на ум. Прошу обратить на это внимание, и заняться решением вопроса: пристало ли так действовать разумной твари?

«Желательная сторона. Действующая здесь сила есть воля, которая «волит», желает приобрести, употребить или сделать, что находит полезным для себя, или нужным, или приятным, и не волит, – не желает противного тому. Воления воли требуют соответственного дела, потому воля прямее есть деятельная сила, которой существенная потребность – жить и действовать. Она держит в своем заведывании все силы души и тела и все подручные способы, которые все и пускает в ход, когда нужно. В основе ее лежит ревность или ретивость – жажда дела, а возбудителями стоят при ней – приятное, полезное и нужное, которых когда нет, ревность спит и деятельные силы теряют напряжение, опускаются. Они поддерживают желание, а желание разжигает ревность.

«Ход раскрытия сей стороны душевной таков. В душе и теле есть потребности, к которым привились и потребности житейские – семейные и общественные. Эти потребности сами по себе не дают определенного желания, а только нудят искать им удовлетворения. Когда удовлетворение потребности тем или

другим способом дано однажды, то после того, вместе с пробуждением потребности, рождается и желание того, чем удовлетворена уже была потребность. Желание всегда имеет определенный предмет, удовлетворяющий потребность. Иная потребность разнообразно была удовлетворена; потому с пробуждением ее, рождаются и разные желания, – то того, то другого, то третьего предмета, могущего удовлетворить потребность. В раскрывшейся жизни человека потребностей за желаниями и не видно. Роятся в душе только сии последние и требуют удовлетворения будто сами для себя.

«Что делать душе с сими желаниями? Ей предлежит выбор, какому предмету из возжеланных дать предпочтение. По выборе происходит решение, – сделать, или достать, или употребить избранное. По решении делается подбор средств и определяется способ и порядок исполнения. За этим следует наконец дело в свое время и в своем месте. Всякое, даже самое маленькое дельце, идет сим порядком. Это можете вы проверить на каком-либо своем деле. По навыку иногда все эти действия совершаются мгновенно, и за желанием тотчас следует дело. Выбор, решение и средства берутся тогда из прежних дел и особого производства не требуют.

«В пожившем человеке все почти делается по навыку. Редко случается какое-либо предприятие или начинание, выходящее из обычного порядка дел и занятий. Так уж бывает, что сложившаяся жизнь требует соответственных себе дел. Как они повторяются часто, то естественно обращаются в навык, нрав, правило жизни и характер. Из совокупности всех такого рода навыков, правил в порядков устанавливается образ жизни известного лица, как из совокупности установившихся понятий составляется образ его мыслей и воззрений. Зная чей-либо образ жизни, можно угадывать, что думает он в то или другое время и как поступит он в известных обстоятельствах.

«Заправителем деятельной жизни поставлено благоразумие, которое есть тот же рассудок, только состоящий на службе у воли. В мысленной области рассудок решает – как что есть из существующего, а в желательной и деятельной определяет – как что делать должно, чтобы верно было

достигаемо то, что законно возжелано. Когда навькнет он определять это как следует, так что человек дела свои ведет всегда или большей частью с успехом, тогда ему справедливо приписывается благоразумие – умение с успехом вести дела, верно соображая средства с целями и дела с внешними обстоятельствами.

«Из сказанного вам нетрудно будет вывести заключение о естественно-законной деятельности воли, которая, как видите, есть госпожа всех наших сил и всей жизни. Ее дело определять образ, способ и меру удовлетворения желаний, порождаемых потребностями, или их заменивших, чтобы жизнь текла достодолжно, доставляя покой и радость живущему. Есть у нас, как поминалось, потребности и желания – душевные, телесные, житейские и общественные. Не у всех они одинаково проявляются, потому что не у всех одинаково слагается жизнь, а у одного так, у другого иначе. Дело человека определить, как в своем положении может и должен он удовлетворять свои потребности и желания, приладить подходящие к тому способы и вести по тому свою жизнь. Вести здравомысленно по установившейся норме свою жизнь со всеми делами ее и начинаниями – се есть задача желательной или деятельной стороны нашей жизни. Так бы следовало. Но вникните и рассмотрите, что бывает?

«В мысленной стороне у нас бывает смятение, рассеяние и блуждание мыслей; а в желательной – непостоянство, беспорядочность и своенравие желаний, а за ними и дел. Сколько времени проходит у нас в безделии и пустоделии: шатаемся туда и сюда, сами не зная для чего, делаем и переделываем, не умея дать здравого в том отчета; идут у нас начинание за начинанием и дело за делом, но из всего выходит только толкотня-суета. Зарождаются желания, – и ничего с ними не поделаешь: давай и давай. И добро бы это однажды так, а то – почти что ни час. От чего это? – Расплылась госпожа наша – воля. Посмотрите еще, сколько у нас есть пришлых возбудителей желаний – гнев, ненависть, зависть, скупость, тщеславие, гордость и подобные? Источником желаний должны быть естественные потребности сложившейся жизни семейной и

общественной; а в этих всех что есть естественного? Они только расстраивают естество и все порядки жизни. Откуда же это варварское нашествие?

«Сторона чувства – сердце. – Кто не знает, сколь великое имеет значение в жизни наше сердце? В сердце осаждаются все, что входит в душу совне и что вырабатывается ее мыслительной и деятельной стороной; чрез сердце же проходит и то все, что обнаруживается душой вовне. Потому оно и называется центром жизни.

«Дело сердца – чувствовать все, касающееся нашего лица. И оно чувствует постоянно и неотступно состояние души и тела, а при этом и разнообразные впечатления от частных действий душевных и телесных, от окружающих и встречаемых предметов, от внешнего положения и вообще от течения жизни, понуждая и нудя человека доставлять ему во всем этом приятное и отвращать неприятное. Здоровье и нездоровье тела, живость его и вялость, утомление и крепость, бодрость и дремота, затем – что увидено, услышано, осязано, обоняно, вкушено, что вспомнуто, и воображено, что обдумано и обдумывается, что сделано, делается и предлежит сделать, что добыто и добывается, что может и не может быть добыто, что благоприятствует нам или не благоприятствует – лица ли то или стечение обстоятельств, – все это отражается в сердце, и раздражает его приятно или неприятно. Судя по сему, ему и минуты нельзя бы быть в покое, а быть в непрерывном волнении и тревоге, подобно барометру пред бурей. Но причувствовалось и многое проходит у него без следа, как можете проверить теми случаями, что когда в первый раз случится нам быть где, то все нас там занимает, а после второго и третьего раза – разве что!

«Всякое воздействие на сердце производит в нем особое чувство, но для различения их в нашем языке нет слов. Мы выражаем свои чувства общими терминами: – приятно – неприятно, нравится – не нравится, весело – скучно, радость – горе, скорбь – удовольствие, покой – беспокойство, досада – довольность, страх – надежда, антипатия – симпатия.

Понаблюдайте за собою и найдете, что на сердце бывает то одно, то другое.

«Но значение сердца в экономии нашей жизни не то только, чтоб страдательно состоять под впечатлениями и свидетельствовать об удовлетворительном или не удовлетворительном состоянии нашем; но и то, чтоб поддерживать энергию всех сил души и тела. Смотрите, как спешно делается дело, которое нравится, к которому лежит сердце! А пред тем, к которому не лежит сердце, руки опускаются и ноги не двигаются. От того умеющие собою править, встречая нужное дело, которое однакож не нравится сердцу, спешат найти в нем приятную сторону и тем, помилив с ним сердце, поддерживают в себе потребную для дела энергию. Ревность, – движущая сила воли, – из сердца исходит. То же и в умственной работе: предмет, павший на сердце, спешнее и всестороннее обсуждается. Мысли при этом роятся сами собою, и труд, как бы он ни был долог, бывает не в труд.

«Не все всем нравится, и не у всех ко всему одинаково лежит сердце; но у одних больше к одному, а у других больше к другому. Это выражается так: у всякого свой вкус. Зависит это частью от естественного предрасположения, частью, – и не большей ли? – от первых впечатлений, от впечатлений воспитания и случайностей жизни. Но как бы ни образовались вкусы, они заставляют человека так устроить свою жизнь, такими окружить себя предметами и, соотношениями, какие указывает его вкус и с какими мирен он бывает, удовлетворяясь ими. Удовлетворение вкусов сердечных дает ему покой – сладкий, который и составляет свою для всякого меру счастья. Ничто не тревожит: вот и счастье.

«Если б человек всегда в мысленной части держался здравомыслия, а в деятельности – благоразумия; то встречал бы в жизни наименьшую долю случайностей, неприятных его сердцу, и следовательно имел бы наибольшую долю счастья. Но, как указывалось, мысленная часть редко держит себя достоподобно, предаваясь мечтам и рассеянности, и деятельная уклоняется от своего нормального направления, увлекаясь непостоянными желаниями, возбуждаемыми не потребностью

естества, а пришлыми страстями. От того и сердце покоя не имеет, и, пока те стороны находятся в таком состоянии, иметь его не может. Больше всего тиранят сердце страсти. Не будь страстей, – встречались бы, конечно, неприятности, – но они никогда не мучили бы так сердца, как мучат страсти. Как жжет сердце гнев? Как терзает его ненависть? Как точит злая зависть? Сколько тревог и мук причиняет неудовлетворенное или посрамленное тщеславие? Как давит скорбь, когда гонор страдает?

«Да если построже рассмотреть, то найдем, что и все наши тревоги и боли сердца – от страстей. Эти злые страсти, когда удовлетворяемы бывают, – дают радость, но кратковременную, а когда не бывают удовлетворяемы, а напротив встречают противное, то причиняют скорбь продолжительную и несносную.

«Таким образом видно, что сердце наше точно есть корень и центр жизни. Оно, давая знать о хорошем или худом состоянии человека, возбуждает к деятельности прочие силы, и послед деятельности их опять принимает в себя, на усиление или ослабление того чувства, коим определяется состояние человека. Казалось бы, что ему следовало бы отдать полную власть и над управлением жизнью, как это и бывает у многих-многих вполне, а у всех прочих понемногу. Казалось бы так, – и, может быть, по естеству оно имело именно такое назначение, но привзошли страсти и все помutilи. При них и состояние наше указывается сердцем неверно, и впечатления бывают не таковы, каким следовало бы быть, и вкусы извращаются и возбуждения других сил направляются не в должную сторону. Потому теперь закон – держать сердце в руках и строгой подвергать критике его чувства, вкусы и влечения. Когда очистится кто от страстей, пусть дает волю сердцу; но пока страсти в силе, давать волю сердцу – значит явно обречь себя на всякие неверные шаги. Хуже всего поступают те, которые и целью жизни поставляют сласти сердца и наслаждения, как говорят, жизнью. Так как сласти и наслаждения, плотские и чувственные дают себя сильнее чувствовать, то такие лица всегда ниспадают в грубую чувственность и становятся ниже той черты, которая отделяет человека от прочих живых тварей.

«Так вот вам душа и душевная жизнь со всех ее сторон! Я указывал нарочно, чему естественно следует быть на каждой стороне и чему не следует.»

«Душа вся обращена исключительно на устройство нашего временного быта – земного. И познания ее все строятся только на основании того, что дает опыт, – и деятельность ее обращена на удовлетворение потребностей временной жизни, и чувства ее порождаются и держатся только из ее состояний и положений видимых. Что выше сего, то не ее дело. Хотя и бывает в ней нечто выше сказанного, но то гости суть, заходящие к ней из другой высшей области, именно области духа.

«Что же это за дух? – Это та сила, которую вдохнул Бог в лицо человека, завершая сотворение его. Все роды существ наземных изводила, по повелению Божию, земля. Из земли изошла и всякая душа живых тварей. Душа человеческая, хотя и сходна с душой животных в низшей своей части, но в высшей она несравненно превосходнее ее. Что она является такою в человеке, – это зависит от сочетания ее с духом. Дух, вдохнутый Богом, сочетавшись с нею, столько возвысил ее над всякою не-человеческой душой. Вот почему внутри себя мы замечаем, кроме того, что видится у животных, – и то, что свойственно душе человека, одуховленной, а выше еще то, что свойственно собственно духу.

«Дух, как сила, от Бога исшедшая, ведает Бога, ищет Бога и в Нем одном находит покой. Неким духовным сокровенным чутьем удостоверяясь в своем исхождении от Бога, он чувствует свою полную от Него зависимость и сознает себя обязанным всячески угождать Ему и жить только для Него и Им.

«Более осязательные проявления сих движений жизни духа суть: 1) Страх Божий. Все люди, на каких бы они степенях развития ни стояли, знают, что есть Верховное Существо, Бог, Который все сотворил, все содержит и всем управляет, что и они во всем от Него зависят, и Ему угождать должны, что Он есть Судия и Мздовоздатель всякому по делам его. Таков естественный символ веры, в духе написанный. Исповедуя его, дух благоговеинствует пред Богом и исполнен страха Божия. 2) Совесть. Сознывая себя обязанным угождать Богу, дух не знал

бы, как удовлетворить сей обязанности, если бы не руководила его в сем совесть. Сообщив духу частичку своего всеведения в указанном естественном символе веры, Бог начертал в нем и требования Своей святости, правды и благодати, поручив ему же самому наблюдать за исполнением их и судить себя в исправности или неисправности. Сия сторона духа и есть совесть, которая указывает что право и что неправо, что угодно Богу и что не угодно, что должно и что не должно делать, – указав, властно понуждает исполнить то, а потом за исполнение награждает утешением, а за неисполнение наказывает угрызением. Совесть есть законодатель, блюститель закона, судия и воздатель. Она есть – естественные скрижали завета Божия, простирающегося на всех людей. И видим у всех людей вместе со страхом Божиим и действия совести.

3) Жажда Бога. Она выражается во всеобщем стремлении ко все совершенному благу, и яснее видна тоже во всеобщем недовольстве ничем тварным. Что означает это недовольство? – То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не может. От Бога исшедши, Бога он ищет, Его вкусить желает и в живом с Ним пребывая союзе и сочетании, в Нем упокоивается. Когда достигает сего, покоен бывает, а пока не достигнет, покоя иметь не может. Сколько бы ни имел кто тварных вещей и благ, все ему мало. И все, как и вы уже замечали, ищут и ищут. Ищут и находят; но нашедши бросают, и снова начинают искать, чтобы и то, нашедши, так же бросить. Так без конца. Это значит, что не того и не там ищут, что и где искать следует. Не осязательно ли это показывает, что в нас есть сила, от земли и земного влекущая нас горе – к небесному!

«Не разъясняю вам подробно всех этих проявлений духа, навожу только мысль вашу на его присутствие в нас и прошу вас побольше подумать об этом и довести себя до полного убеждения, что точно есть в нас дух. Ибо в нем отличительная черта человека. Душа человеческая делает нас малым нечим выше животных, а дух являет нас малым нечим умаленными от ангелов. Вы, конечно, знаете смысл ходящих у нас фраз – дух писателя, дух народа. Это совокупность отличительных черт, – действительных, но некоторым образом идеальных, умом

дознаваемых, неуловимых и неосязаемых. То же самое есть и дух человека; только дух писателя, например, видится идеально, а дух человека присущ в нем, как живая сила, живыми и ощущаемыми движениями свидетельствующая о своем присутствии.

«Из сказанного, мне желательно было бы, чтобы вы вывели такое заключение: в ком нет движений и действий духа, тот не стоит в уровне с человеческим достоинством,

«Что привзошло в душу вследствие соединения ее с духом, иже от Бога? От этого вся душа преобразилась и из животной, какова она в природе, стала человеческой, с теми силами и действиями, какие указаны выше. Но не об этом теперь речь. Пребывая такой, как описано, она обнаруживает сверх того высшие стремления и восходит на одну степень выше, являясь душою одуховленной.

«Такие одуховления души видны во всех сторонах ее жизни – мысленной, деятельной и чувствующей.

«В мысленной части от действия духа является в душе стремление к идеальности. Собственно душевная мыслительность вся опирается на опыте и наблюдении. Из того, что узнается сим путем раздробленно и без связи, она строит обобщения, делает наведения, и добывает таким образом основные положения об известном круге вещей. На этом бы и стоять ей. Между тем, она никогда не бывает этим довольна, но стремится выше ища определить значение каждого круга вещей в общей совокупности творений. Например, что есть человек, это познается посредством наблюдений над ним, обобщений и наведений. Но не довольствуясь этим, мы задаемся вопросом: «что значит человек в общей совокупности творений»? Доискиваясь этого, иной решит: он есть возглавление и венец тварей; – иной: он есть жрец – в той мысли, что голоса всех тварей, хвалящих Бога бессознательно, он собирает и возносит хвалу всевышнему Творцу разумною песнью. Такого рода мысли и о всяком другом роде тварей и о всей их совокупности порождать имеет позыв душа. И порождает. Отвечают ли они делу или нет, это другой вопрос, но несомненно, что она имеет

позыв искать их, ищет и порождает. Это и есть стремление к идеальности: ибо значение вещи есть ее идея.

«Это стремление обще всем. И те, которые не дают цены никаким познаниям кроме опытных, – и они не могут удержаться от того, чтоб не поидеальничать, против воли, сами не замечая того. Языком отвергают идеи, на деле их строят. Догадки, какие они принимают, и без которых ни один круг познаний не обходится, суть низший класс идей.

«Образ воззрения идеальный есть метафизика и настоящая философия, которая как были всегда, так всегда и будут в области познаний человеческих. Дух, всегда нам присущий, как существенная сила, сам Бога созерцая, яко Творца и Промыслителя, и душу манит в ту невидимую и беспредельную область. Может быть, духу, по его богоподобию, предназначено было и все вещи созерцать в Боге; и он созерцал бы, если б не падение. Но всячески и теперь кто хочет созерцать все сущее идеально ему следует исходить от Бога, или от того символа, который Богом написан в духе. Мыслители, которые не так делают, уже по тому самому не суть философы. Не веря идеям, постраиваемым душой на основании внушений духа, они несправедливо поступают, когда не верят тому, что составляет содержание духа, ибо то есть человеческое произведение, а это – Божеское.

«В деятельной части от действия духа является желание и производство бескорыстных дел или добродетелей, или даже и выше – стремление стать добродетельной. Собственное дело души в этой ее части – воле – есть устройство временного быта человека, да благо будет ему. Исполняя это назначение, она все делает по тому убеждению, что делаемое или приятно, или полезно, или нужно для устрояемого ею быта. Между тем, она этим не довольствуется, но выходит из этого круга и совершает дела и начинания совсем не потому, что они нужны, полезны и приятны, но потому, что они хороши, добры и справедливы, стремясь к ним со всей ревностью, не смотря на то, что они ничего не дают для временного быта и даже неблагоприятны ему и ведены бывают на счет его. У иного такие стремления проявляются с такой силой, что он жертвует для них всем

своим бытом, чтоб жить отрешенно от всего. Проявления такого рода стремлений повсюдны, даже и вне христианства. Откуда они? Из духа. В совести начертана норма святой, доброй и праведной жизни. Получив ведение о ней чрез сочетание с духом, душа увлекается ее незримой красотой и величием и решается ввести ее в круг своих дел и своей жизни, преобразуя и ее до ее требованиям. И все сочувствуют такого рода стремлениям, хотя не все всецело предаются им; но ни одного нет человека, который бы по временам не посвящал своих трудов и своего достояния на дело в таком духе.

«В чувствующей части от действия духа является в душе стремление и любовь к красоте, или, как обычно говорят, к изящному. Собственное дело сей части в душе воспринимать чувством благоприятные или неблагоприятные свои состояния и воздействия совне, по мерке удовлетворения или неудовлетворения душевно-телесных потребностей. Но видим в кругу чувств вместе с этими корыстными, – назовем так, – чувствами, ряд чувств бескорыстных, возникающих совсем помимо удовлетворения, или неудовлетворения потребностей, – чувств от услаждения красотой. Глаз не хочется оторвать от цветка и слуха отвратить от пения, потому только, что то и другое прекрасно. Всякий упорядочивает и украшает свое жилище так или так, потому что так красивее. Идем в прогулку и избираем место для того по тому одному, что оно прекрасно. Выше всего этого – наслаждение, доставляемое картинами живописи, произведениями ваяния, музыкой и пением, а и этого всего выше – наслаждение творениями поэтическими. Изящные произведения искусства услаждают не одной красотой внешней формы, но особенно красотой внутреннего содержания, красотой умно-созерцаемой, идеальной. Откуда такие явления в душе? Это гости из другой области, из области духа. Дух, Бога ведущий, естественно постигает красоту Божию, и ею единою ищет наслаждаться. Хотя не может он определенно указать, что она есть, но предначертание ее нося сокровенно в себе, определенно указывает, что она не есть, выражая сие показание тем, что не довольствуется ничем тварным. Красоту Божию созерцать, вкушать и ею наслаждаться есть потребность

духа, есть его жизнь и жизнь райская. Получив ведение о ней чрез сочетание с духом, и душа увлекается вслед ее и постигая ее своим душевным образом, то в радости бросается на то, что в ее круге представляется ей отражениям ее (дилетанты), то сама придумывает и производит вещи, в которых чаёт отразить ее, как она ей представилась (художники и артисты). Вот откуда эти гости, – сладостные, отрешенные от всего чувственного чувства, возвышающие душу до духа и одуховляющие ее! Замечу, что из искусственных произведений я отношу к сему классу только те, которых содержанием служат божественная красота незримых божественных вещей, а не те, которые хоть и красивы, но представляют тот же обычный душевно-телесный быт, или те же наземные вещи, которые составляют всегдашнюю обстановку того быта. Не красоты только ищет душа, духом водимая, но выражения в прекрасных формах невидимого прекрасного мира, куда манит ее своим воздействием дух.

«Так вот что дал душе дух, сочетан будучи с нею, и вот как душа является одуховленною! – Не думаю, чтоб что либо из этого затруднило вас; прошу однакож не мимоходом пробежать писанное, а пообсудить хорошенько, и к себе приложить. Одуховлена ли ваша душа?!...

Глава VII. Се – норма! и се – рай!

«Во второй раз толкую все о том же, чтоб все это покрепче засело у вас в памяти».

Преосвященный Феофан.

Установив ясные понятия о природе человека и взаимном отношении между собою различных сил и сторон нашего существа, святитель делает вывод, что «по естественному назначению человек должен жить в духе, духу подчинять и духом проникать все душевное, а тем паче телесное, – а за ними и все свое внешнее, т.е. жизнь семейную и общественную. Се – норма!»

«Как быть, чтобы жить в духе и им одухотворять душу и тело и все свое внешнее?»

«Духовные потребности выше всех, и когда они удовлетворяются, то другие хоть и не будут удовлетворяемы, покой бывает; а когда они не удовлетворяются, то будь все другие удовлетворяемы богато, покоя не бывает. Почему удовлетворение их и называется единым на потребу.

«Когда удовлетворяются духовные потребности, то они научают человека поставлять в согласие с ними удовлетворение и прочих потребностей, так что ни то, чем удовлетворяется душа, ни то, чем удовлетворяется тело, не противоречит духовной жизни, а ей поспособствует, – и в человеке водворяется полная гармония всех движений и обнаружений его жизни, – гармония мыслей, чувств, желаний, предприятий, отношений, наслаждений. И се – рай! Напротив, когда дух не удовлетворяется и сие единое на потребу забыто, тогда все другие потребности разбегаются в разные стороны и каждая требует своего, и как их куча, то голоса их, как шум на базаре, оглушают бедного человека, и он мечется то туда, то сюда, как угорелый, за удовлетворением их. Но покоя никогда не имеет, потому что когда одна удовлетворяется, другие не довольствуются тем, и, не считая себя чем-либо ниже той, которая почтена удовлетворением, настойчиво требуют своего, как у матери, когда она накормит одного ребенка, другие пять

кричат. Оттого внутри у такого шум, гам, разволока во все стороны и во всем беспорядочность. Такой ничем не доволен, всегда в туге, то утомившись стоит, выпуча глаза и недоумевая, что бы начать, то кружится и кружится. И се есть суета и крушение духа!

«Вот откуда и рождается вопрос: так как же быть-то? Как сделать, чтобы, духовная сторона была в нас преобладающею и, заправляя всем, вносила строй в жизнь нашу?

«Скажу вам наперед, что этому вопросу не было бы места, если б жизнь, свойственная нам, развивалась, как следует. Ибо и телесные с душевными потребностями так же естественны нам, как и духовные, и удовлетворение им само по себе не может вносить беспорядка и смятения в жизнь, как и удовлетворение духовным. Развивайся они все в строе и естественном взаимоподчинении, – и жизнь человеческая текла бы прелесть как хорошо. Посадите семечко, поливайте, держите в должной теплоте, оно даст росток, ствол, лист и наконец цвет – прелестный. Так было бы и с человеком. Раскрывайся он в естественном чине, – будет всегда выходить прекрасный человек. Отчего же это мы ни себя, ни других не видим прекрасными? Отчего жизнь наша покривляется?

«Бог создал человека для блаженства и именно в Нем, чрез живое с Ним общение. Для сего вдунул в лице его дыхание своей жизни, что есть дух... Существенное свойство духа – сознание и свобода, а существенные движения его суть исповедание Бога, Творца, Промыслителя и Воздаятеля, с чувством полной от Него зависимости, – что все выражается в любительном к Богу воззревании, непрестанном к Нему внимании и благоговейном пред Ним страхе, с желанием творить всегда угодное пред Ним по указанию законоположницы – совести, и с отрешением от всего, чтоб Единого Бога вкушать и Им Единым жить и услаждаться. Человеку даны в духе сознание и свобода, но не затем, чтоб он зазнавался и своевольничал, а затем, чтоб сознав, что все имеет от Бога и для того, чтоб жить в Боге, все свободно и сознательно направлял к сей единой цели. Когда он так бывает настроен, то в Боге пребывает и Бог в нем пребывает. Бог, пребывающий в

человеке, дает духу его силу властвовать над душой и телом, а далее и над всем, что вне его. Таково и было первоначальное состояние человека. Бог являлся прародителям и подтвердил все сие Своим Божественным словом, наказав им Его Единого знать, Ему Единому служить, в воле Его Единого ходить. Чтоб они не запутались в соображениях, как все это выполнять, Он дал им небольшую заповедь – не вкушать плодов от одного Древа, названного Им древом познания добра и зла. Так и начали жить наши прародители и блаженствовали в раю...

«Позавидовал им падший прежде того по гордости дух и сбил их с пути, наустив их преступить данную им небольшую заповедь тем, что обольстителем представил, будто со вкушением от запрещенного плода они вкусят такого блага, которого без того и вообразить не могут, – станут как боги. Они поверили и – вкусили. Дело вкушения, может быть, и не велико, но худо, что поверили, не зная кому. Может быть, и это не так бы было важно, если б не те страшно преступные мысли и чувства к Богу, какие, как яд, влил в них злой дух. Он наговорил им, что Бог запретил им вкушать от древа затем, чтоб и они не сделались богами. Этому поверили. Но поверив так, они не могли не принять хульных о Боге помышлений, будто Он завидует им и неблагожелательно к Ним относится, а приняв такие помышления, не могли миновать и некоторых недобрых к Нему чувств и своевольных решений: так мы же сами возьмем то, до чего Ты не хочешь допустить нас. Так вот Он какой, – засело у них в сердце о Боге, а мы думали, что Он такой благой. Ну, – так мы сами себя устроим наперекор Ему. – Вот эти-то мысли и чувства били страшно преступны! Они-то и означают явное отступление от Бога и враждебное восстание против Него. У них внутри то же произошло, что приписывается злему духу: выше облак поставлю престол мой и буду подобен Вышнему, – и это не как летучая мысль, а как враждебное решение.

Так сознание зазналось и свобода воссвоевольничала, приняв на себя устройство своей участи. Отпадение от Бога совершилось полное с отвращением неким и враждебным восстанием против. За это и Бог отступил от таких

преступников, – и живой союз прервав. Бог везде есть и все содержит, но внутрь свободных тварей входит, когда они Ему себя предают. Когда же в себе самих заключаются, тогда Он не нарушает их самовластия, но храня их и содержа, внутрь не входит. Так и прародители наши оставлены одни. Если б покаялись поскорее, может быть, Бог возвратился бы к ним, но они упорничали и при явных обличениях ни Адам, ни Ева не сознались, что виноваты. Последовал суд и наказание изгнанием из рая. Тут опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказание, а за ними и всему роду нашему. Благодарение всемилостивому Богу, что Он хоть отступил от нас, но не бросил, устроив предивный способ к воссоединению нас с Собою.

«Дух был властен над душою и телом, потому что состоял в живом общении с Богом и от Него получал божескую силу. Когда пресеклось живое общение с Богом, пресекся приток и божеской силы. Дух, себе оставленный, не мог уже быть властителем души и тела, но был увлечен и сам завладен ими. Над человеком возобладала душевность, а через душевность – телесность, и стал он душевен и плотян. Дух хоть тут же, но без власти. Он заявляет свое существование то страхом Божиим, то тревогами совести, то недовольством ничем тварным; но его предъявлений не берут во внимание, а принимают только к сведению, всю заботу обращая на устройство своего быта здешнего, к чему и назначена душа, – и быта, более вещественного, потому что здешняя жизнь посредствуется телом и что все телесное осязательнее и кажется нужнее.

«Когда произошло такое возвращение порядка в соотношения частей естества нашего, человек не мог уже видеть вещи в настоящем виде, не мог держать в должном порядке свои потребности, желания и чувства. Они пришли в смятение, и беспорядочность стала характеристической их чертой. Но это недоброе, конечно, состояние было бы еще сносно, если б не страсти, а то страсти превзошли и тиранят человека. Смотрите, как рассердившего бьет гнев, как лихорадка? Как завистливого источила зависть, что посинел бедный? Как опечаленного иссушила скорбь, что Он – кости и

кожа? – Таковы и все страсти. Вошли же они вместе с самостью. Как только произнеслось внутри праотца: так – Я сам... так самость внедрилась в него – сей яд и сие семя сатанинское. Из ней потом развилось все полчище страстей: гордость, зависть, ненависть, скорбь, уныние, любоимание и чувственность, – со всеми их многочисленными и многообразными порождениями. Расплодившись внутри, они еще более возмущают и без них уже смятенное там состояние.

«Так вот в чем болезнь. Дух зазнался и засвоевольничал. За это потерял власть и подпал под владычество души и тела и всего внешнего. Отсюда смятение душевно-телесных потребностей и желаний, – и особенно их безмерность. Эту безмерность сообщает им от себя дух, ими поработанный. Сами по себе эти потребности мерны и небурливы. То, что они меры не имеют и бурлят, это от того, что дух бушует в них: ибо у него по природе энергия безгранична. Отсюда обжорство, пьянство, копление денег... и прочее многое, чему меры не думает давать человек...»

Происходя от общих прародителей, мы все рождаемся с зачатками зла, которые, раскрываясь вместе с раскрытием наших сил и потребностей, вносят в них смятение и полное расстройство.

Но осталась надежда на восстановление. Расстройство прирождено нам, но не природно. Придя в расстройство, наша природа в существе своем не изменилась после грехопадения: она только болеет и страдает от разрушенной грехом гармонии сил и способностей человека.

«Запомните и убеждение в том держите крепко. Убеждение это будет поддерживать у вас ревность к лечению сей болезни. Если она неприродна, то, значит, есть возможность вылечить ее. Имея же сию надежду, кто не воодушевится и самым делом вылечить себя? Естество наше в чистом виде достолюбезно. Сами Ангелы взирают на него с любовью и удивлением, когда оно является таковым. Нам ли не желать увидеть его таковым и при том не вне – в других, а в себе самих? Да ведь и все счастье наше и благобытие в том состоит, чтоб избавиться от сей болезни. Ибо, когда ее не будет, что

помешает нам быть в блаженном состоянии и чувствовать себя таковыми? Напротив, если эта болезнь природна, то ее уж не уврачуешь. Так и останется она навсегда, сколько ни трудись над изгнанием ее. Прими эту мысль, – и руки опустишь, говоря в себе: так верно уж быть. А это и есть то пагубное нечаяние, в которое вложившись, предают себя студодеянию в делание всякой нечистоты (Еф. 4:19).

«И еще повторю: держите убеждение, что не природна нам беспорядочность наша, и не слушайте тех, которые говорят: что тут толковать, так уж мы сотворены, ничего с собою не поделаешь. Не так мы сотворены, и если возьмемся за себя как следует, то что-нибудь и сделаем с собою.

«Так что же нужно для того, чтоб все в вас поставить в прежний – первоначальный чин?

«Как скатились мы под гору, обратно тому надо и восходить опять на гору. Как зашла болезнь, противоположно тому действуя, можно изгнать ее. Отпали от Бога, надобно воссоединиться с Ним. Отпали, усомнившись в слове Бога, надо восстановить полную веру сему слову. Потеряв веру Богу и в Бога, приняли мы пагубное решение: так я сам, – надо уничтожить это – я сам. Когда образовалось это пагубное – я сам, дух наш потерял свойственную ему силу властвовать над душой и телом, и напротив сам подпал под иго рабства им; надо восстановить сию власть духа. Когда власть духа пресеклась, потребности души и тела разбрелись в разные стороны и в желаниях наших произошло смятение; надо все эти потребности опять привести к единству и установить в их чине взаимоподчинение. Вместе с пагубным: я сам, втеснилась в круг жизни нашей стая страстей, подобно диким зверям, терзающих нас; надо изгнать сии страсти.

«Видите, сколько надо. Уже по одному множеству и важности сего надобного можете заключить, что самим нам не сладить с этим, единственно однакож надобным для нас, делом. Особенно же нельзя надеяться самим уладить это главнейшее наше дело потому, что первый пункт в нем, не установив которого за другие и браться нечего, именно – воссоединение с Богом, никак не может состоять в нашей

власти. Мы можем желать его и искать; но устроить его – дело не наших рук. Кто может втесниться в область Божию, или сам проложить дорогу к Нему? Кто силен взять у Бога, что желает, тем паче понудить Бога быть в нас, чтоб и мы были в Нем, и особенно после того, как все эго было уже дано нам, но презрено, и лице Божие умалено недоверием и власть Его поправа самоволием? Говоришь: покаюсь, и каюсь. Но не твое дело поставлять условия. Может и покаяние идти в дело; но когда Сам Бог его постановит и согласится принимать. А само по себе что оно?! Ушибся и больно: что тут?!

«Так воссоединение с Богом не в нашей власти; и условия его и образ совершения его и все, сюда относящееся, не в наших руках. Между тем вот как оно важно, – что совершится воссоединение, все прочее пойдет уже само собою. Тотчас возьмет силу дух, подчинит себе душу и тело, упорядочит потребности и желания и выгонит страсти. Но ему-то самому как состояться? Речь эту я веду к тому, чтоб дать вам разуместь, что нечего нам ломать своей головы над тем, как воссоединиться с Богом. Сколько ни ломай, ничего не придумаешь; а скорее, если Богу угодно было установить закон и порядок сего воссоединения, поспеши приять его полною верою и воспользоваться им с теплой благодарностью. И благодарение человеколюбивому Богу! Все уже для того совершено, установлено и растолковано. Принимай и пользуйся.

«Не буду излагать вам как все сие совершено; скажу главное. Для восстановления духа нашего и воссоединения его с Богом необходимо, чтобы Дух Божий нисходил в него и оживлял его. Чтобы открыть путь нисхождению Духа Божия, Сын Божий воплотился, пострадал плотию, умер на кресте, воскрес, вознесся на небеса и послал от Отца Духа Святаго, Который, приемлем бывая верующими в Сына, исполняет в них то, о чем молился сей Сын: якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут (Ин. 17:21).

«Как же Он совершает сие? Сочетаваается с духом тех, кои веруют в Сына Божия и, оживляя его, воссоединяет его с Богом. Сие именуется новым рождением от Бога, которое верующих делает чадами Божиими по благодати, как говорит ев. Иоанн

Евангелист: елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти верующим во имя Его: иже не от крови..., но от Бога родишася (Ин. 1:13). И стало законом духовной жизни о Христе Иисусе: аще кто не родится водою и Духом, не может внити в царствие Божие, ибо только рожденное от Духа дух есть (Ин. 3:5, 6).

«Не извольте пытаться, почему нужно все сие для восстановления в нас истинной жизни, а примите и содержите то с простотою и искренностью детской веры. Станете пытаться, подойдет враг, и, как некогда Еве, нашепчет вам соблазны и поколеблет веру, а чрез то лишит и плодов веры... Так не пытайтесь Божия устройства, и я вам ничего об этом не скажу, хоть обычно говорится кое-что в объяснение сего. Скажу только несколько слов о том, что производит в нас Дух Святой, восстанавливая дух наш.

«Производство Богообщения совершается благодатию Святого Духа. Он изготовляет в нас обитель, и вместе с Богом-Отцем и Богом-Сыном вселяется в вас. Как же изготовляется сия обитель?

«Дух Божий сокровенно действует на дух наш и приводит его в движение. Пришедший в движение дух, наш восстанавливает в себе естественное свое Боговедение, что Бог есть, все содержит и мздовоздаятель есть. Сознание сего восстанавливает чувство всесторонней зависимости от Бога и оживляет страх Божий. То и другое растревоживает совесть – свидетельницу и судию дел наших и чувств, между коими редко что встречается такое, на что бы благоволительно воззрел Бог. Встревоженная совесть, вместе со страхом Божиим и чувством всесторонней зависимости от Бога, поставляют человека в чувство безвыходности своего положения: камо пойду? камо бегу? Но бежать некуда: пойман и в руках Бога – Судии и Воздаятеля. Чувствуется гнев Божий с небесе на всякую неправду (Рим. 1:18).

«Но тут приходит благовестие Евангелия и выводит из беды. Без Евангелия такое пробуждение духа нашего было бы пагубно, ибо неизбежно ввергало бы в отчаяние. Но благодать Божия так устрояет, что истинное пробуждение духа и

совершается и сопутствуется Евангелием. Тому, у кого внутри образовалось, вследствие пробуждения духа: камо пойду? камо бегу? Евангелие возвещает: куда и зачем бежать? Иди под сень креста и спасешься. Сын Божий, воплотившись, умер на кресте во очищение грехов наших. Веруй в сие и получишь отпущение грехов, и милость Божию сретить. Апостолы всегда так и делали, проповедуя Евангелие. Растревожат, а потом говорят: веруй в распятого Господа и спасен будешь.

«Не все совершает один Дух Божий. Требуется нечто и от нас, и это нечто – немаловажно. Дух Божий возбуждает, благовестие указывает, за что взяться. Сие от Бога. Но сделав сие, Бог останавливается, – и ждет нашего произволения. Первыми действиями своими Бог как бы спрашивает: хочешь выйти из беды? Вот что сделай. Момент сей самый важный. Склонится кто на указание, – открывает вход дальнейшим действиям благодати, которая и вводит его потом в область спасенных. Не склонится, – пресекает дальнейшие действия благодати, и остается в среде погибающих. Апостол Павел проповедует в Ареопаге. После проповеди св. Дионисий и еще кто-то идут вслед его и крестятся; а из прочих кто говорит: «чему это учит суесловивый сей?» а кто: «приходи в другой раз, послушаем тебя». Бог никого не неволит спастись, а предлагает на выбор, и только того, кто изберет спасение, спасает. Если б не требовалось наше произволение, Бог всех в одно мгновение сделал бы спасенными: ибо всем хочет спастись. Но тогда и совсем не было бы погибающих. А произволение наше не всегда разумно бывает, упорничает и Самому Богу не внимает. Вот и гибнет.

«Так извольте заметить сей момент. Он всегда во всяком духе должен быть присущ, когда кто стоит на стороне спасаемых. Слагается он из следующих действий: после того, как благодать возбudit чувство крайности положения, а благовестие укажет исход из него, к чувству беды приложить надо сознание, что сам во всем виноват и раскаяться в том; уверовать в действенность предлагаемого образа спасения, возжелать сим именно образом спастись и благонадежие в том возыметь; изъявить полную готовность всеусердно делать все,

что указано будет, как условие спасения. Когда все сие произойдет в духе нашем, останется только к таинствам приступить и Богообщение совершится. Сведем итог: раскаялся, возжелал спасения в Господе и благонадежие в том возымел; – эти действия суть действия покоящиеся, внутри происходящие и тамошним проявлением довольствующиеся. А последнее действие – готовность делать все, что потребуется, есть настоящая деятельная сила во спасение, поскольку оно от нас зависит, – источник спасительной деятельности и жизни спасенной. Эта готовность, пока нами одними изъясляется, слаба бывает: а когда благодать Божия внутрь вселится, тогда становится всесильной, не знающей препон, все преодолевающей. Она есть ненасытимая ревность о Богоугождении и всеусердном исполнении воли Божией, при всей вере в Господа и благонадежии спасения в Нем Едином. Она исполняет предвечное определение Божие – быти нам святым и непорочным пред Ним в любви (Еф. 1:4), для чего и делает нас Господь ревнителями добрых дел (Тит. 2:14).

«Расскажу вам одно предание, и вам будет яснее, в чем тут дело. Некто жил где-то далеко в пустыни. Заболели у него внутренности: легкие ли, или сердце, или печень, или все вместе. Боль, хоть умирай. Людской помощи неоткуда ожидать: прибег к Богу со всеусильной молитвой. Услышал Господь. В одну ночь, заснувши, видит он такое видение. Пришли два Ангела с ножами, разрезали его, вынули больные части, вычистили их, вымыли и чем-то смазали. Затем все положили на свое место, sprysнули чем-то, и – все срослось, как будто и разрезов не было. Проснувшись, старец встал совсем здоровым, как будто никогда не болел, новеньким, будто юноша во цвете сил. – Видите, чего вам желаю? Чтоб в вашей душе все было перечищено, больное и старое повыброшено, все оздоровленное и обновленное постановлено на свое место и вспрыснуто живою водою.

«Рассказывал я эту историйку одному из трудящихся над собою. Выслушав ее, он нехладно воззвал: о, когда бы пришли ангелы и сделали с душой моей то же что сделали с телом того старца! В этом воззвании слышалась и молитва и желание

свалить на других то, что должно быть сделано своими трудами. Ибо и такое лукавство не чуждо нашему сердцу, что хорошими быть мы не прочь, но потрудиться ради того, руки опускаются. Душу перечищать и исцелять не придут Ангелы. Бывают при этом и их указания и вразумления; но делать все надо самим. Бери сам и режь себя, где нужно, без всякого жаления себя. Другой никто этого не может сделать. Сам Бог не входит во святилище души могуществом Своим, а благоволительно просит входа.

«У тех, которые, получив благодать, не дали ей действовать в себе, а заморили, на суде Божиим сначала отнимут дар благодати, а потом ввергнут их во тьму кромешную. Это Спаситель открыл в притче о мнасах (Лук. 19:11 и д.). Всем рабам дано по мнасу: благодать всем равно дается. Но один на этот мнас приобрел других десять, другой – пять, третий – ничего: завернул, говорит, в платок и положил. Это значит, что первый больше всех потрудился над тем, чтобы проникнуться благодатию, второй – в половину против него, а третий пренебрег даром, нисколько не позаботился возгреть в себе благодать. Награда потом воздана соответственно трудам по облагодатствованию или внутреннему просветлению себя под действием благодати. Последний ничего не сделал по сей части: у него взяли и то, что так щедродательно вручено было в начале.

«Видите, как дело-то идет, и чем кончается?! Мы – крещенные – все получили мнас, – благодать Св. Духа. Сия благодать, как я уже поминал, сначала одна действует в нас, пока мы еще не пришли в возраст. Когда же приходим в возраст, то она, хотя также во всякое время готова действовать в нас, но не действует, а ожидает, пока мы свободно и самоохотно склонимся к ней, сами восхощем ее вседействия в нас и взыщем его. Как только взыщем, она тотчас начинает опять свое в нас дело, возбуждая, направляя и укрепляя пас. Проникновение нас благодатию, спеется по мере взыскания нашего и труда по сему взысканию. А если не взыщем и не станем трудиться именно для сей цели и в сем смысле; то она не станет одна действовать в нас против воли нашей, как бы

насиловать. Бог дал человеку свободу, и не хочет нарушать ее, не хочет против воли входить в него и действовать в нем. Захочет человек сам себя предать действию Божию – самоохотно, тогда и Бог благодатью Своей начинает действовать в нем. Если бы все зависело от Бога, то в одно мгновение все стали бы святы. Одно мановение Божие и все бы изменились. Но таков уже закон, что человеку надо самому восхотеть и взыскать, – и тогда благодать уж не бросит его, лишь бы только он пребыл верен ей.

«Припомните притчу Спасителя о сокровище, сокрытом на поле, и о человеке, ищущем драгоценных бисеров (Мф. 13:44–46). Один увидел в поле десятину, на коей зарыто сокровище; пошел, все свое продал и купил десятину ту. Конечно, он вырыл потом сокровище и разбогател, хоть об этом не помянуто. Это поле или десятина, – есть душа наша; сокровище, сокрытое в ней, есть благодать, чрез святое крещение в нее вложенная. Что увидел сокровище человек притчи, этим означает момент, когда сознает христианин, что в нем сокрыта такая драгоценность, ни с чем несравнимая – благодать Св. Духа. Продал все, – это значит, всем пожертвовал, что имел, что дорого было для него, чтобы только достать то сокровище – возбудить и привести в явь сокрытую в нем благодать.

«Другой купец был, торговавший драгоценными камнями. Узнал он, что где-то есть алмаз, которому равного ничего нет, но которому цены в том месте, где он находился, не знали (это я от себя дополняю). Желая его приобрести, и этот тоже все свое продал и купил его. И, конечно, разбогател. – И этот драгоценный бисер есть образ благодати Божией, в нас сокрытой и неведомой нам, пока не сознаем того. Кто сознает, тот вместе убеждается, что ничего нет драгоценнее ее. Потому с полным самоотвержением все бросает и устремляется на возгревание и воспламенение в себе благодати.

«Из этих притчей вы видите, что именно ожидается от нас. Ожидается, чтобы мы 1) сознали присутствие в себе дары благодати; 2) уразумели драгоценность ее для нас столь великую, что она дороже жизни, так что без нее и жизнь не жизнь; 3) возделали всем желанием усвоить себе сию

благодать, а себя – ей, или что то же – проникнуться ею во всем своем естестве, просветиться и освятиться; 4) решились самым делом достигнуть сего; и затем 5) привели сию решимость в исполнение, оставя все, или отрешив сердце свое от всего и все его предав вседействию Божией благодати. Когда совершатся в нас сии пять актов, тогда полагается начало внутреннему перерождению нашему, после которого, если неослабно будем продолжать действовать в том же духе, внутреннее перерождение и озарение будет возрастать, – быстро или медленно, судя во нашему труду, а главное, по самозабвению и самоотвержению.

Таковы основные воззрения преосвящен. Феофана, которые лежат в основе всех его творений. Усвоив их, можно приступить к более обширному знакомству со всем, что осталось для нас от вдохновенного наставника. Эти воззрения в то же время – истинно христианские и православные.

Святитель недаром советует настойчиво покрепче запомнить и поглубже понять его размышления. В них – ключ к разрешению всех загадок и противоречий нашей жизни, они дают стройное и всеобъемлющее мирозерцание. Они должны лечь в основу всех убеждений и взглядов православного христианина – дело неизмеримой важности...

Приложение к жизни, практическая, так сказать, польза скажется сама собою. В наше время любят, особенно в молодости, задаваться обширными планами – служить человечеству, обществу, народу... Превосходные наставления внушает святитель, одновременно с раскрытием своих основных взглядов.

Спрашиваете:

– Надо же что-нибудь делать?

– Конечно, надобно.

И делайте, что попадется под руки, в вашем кругу и в вашей обстановке, – и верьте, что это есть и будет ваше настоящее дело, больше которого от вас и не требуется. Большое заблуждение в том, когда думают, будто для Неба, – или по-прогрессистки для того, чтобы сделать и свой вклад в недра человечества – надо предпринимать большие и громкие

дела. Совсем нет. Надобно только делать все по заповедям Господним. Что же именно? Ничего особенного, как только то, что всякому представляется по обстоятельствам его жизни, чего требуют частные случаи, с каждым из нас встречающиеся. Это вот как. Участь каждого Бог устрояет, и все течение жизни каждого – тоже дело Его всеблагого промысления, следовательно, и каждый момент и каждая встреча. Возьмем пример: к вам приходит бедный; это Бог его привел. Что вам-сделать надо? Помочь. Бог, приведший к вам бедного, конечно, с желанием, чтобы вы поступили в отношения к сему бедному, как Ему угодно, смотрит на вас, как вы в самом деле поступите. Ему угодно, чтобы вы помогли. Поможете? Угодное Богу сделаете, – и сделаете шаг к последней цели–наследию Неба. Обобщите этот случай, – выйдет: во всяком случае и при всякой встрече надобно делать то, что хочет Бог, чтобы мы сделали. А чего Он хочет, это мы верно знаем из предписанных нам заповедей.

Помощи кто ищет? – Помоги!

Обидел кто? – Прости!

Сами обидели кого? – Спешите испросить прощение и примириться!

Похвалил кто? – Не гордитесь!

Побранил? – Не сердитесь!

Пришло время молитвы? – Молитесь!

Работать? – Работайте! И проч. и проч. и проч.

Если, все это обсудивши, положите вы во всех случаях так действовать, чтобы дела ваши угодны были Богу, быв совершаемы неуклонно по заповедям, то все задачи относительно вашей жизни решатся этим полно и удовлетворительно. Цель – блаженная жизнь за гробом; средства – дела по заповедям, исполнения которых требуют все случаи жизни. Мне кажется, тут все ясно и просто; – и нечего вам томить себя мудреными задачами.

Надо выбросить из головы все планы о многополезной, многообъятной, общечеловеческой деятельности, и жизнь ваша будет созерцаться вложенною в покойные рамки, и без шума ведущей к главной цели. Помните, что Господь и стакана

холодной воды, поданного томимому жаждой, не забывает. Благодарение Господу, что Ему угодно было ценность дел наших определять не их широтой и величиной, а внутренним нашим расположением при делании их, окружив между тем нас премножеством случаев к деланию дел по воле Его, так что, если внимаем себе, можем поминутно делать дела Богоугодные. Для этого нет нужды ходить за море, а смотри около всякий день и час, на чем видишь печать заповеди, исполняй то неотложно, в том убеждении, что такого, а не другого дела требует от тебя в этот час Сам Бог.

Потрудитесь и еще крепче установиться в такой мысли.

Как только установитесь, начнет покой приливать к вашему сердцу, от уверенности, что всякую минуту вы работаете Господу. Это начало все обнимает. Даже когда вам велят заштопать чулок меньшому брату, и вы сделаете это ради заповеди Господней – слушаться и помогать, это будет причтено к сумме дел, Богу угодных. Так всякий шаг, всякое слово, даже движение и взгляд – все можно обратить в средство ходить в воле Божией, и следовательно поминутно двигаться к последней цели.

«Прогрессистки (и прогрессисты) имеют в виду все человечество, и по меньшей мере весь свой народ огулом. Но ведь человечество или народ не существует, как одно лицо, чтобы можно было что-нибудь для него сделать сейчас. Оно состоит из частных лиц: делая для одного, делаем в общую массу человечества. Если б каждый, не пуча глаз на общность человечества, делал возможное для того, кто у него пред глазами, то все люди в совокупности в каждый момент делали бы то, в чем нуждаются все нуждающиеся и, удовлетворяя их нуждам, устроили бы благо всего человечества, сложенного из достаточных и недостаточных, из немощных и сильных. А то, – в мыслях держат благо всего человечества, а что пред глазами, то пропускают без внимания, и выходит, что они, – того общего не имея возможности делать, а это частное пропуская, ничего не делают для главной цели жизни.

«В С.-Петербурге мне рассказывали такой случай. Один джентльмен в каком-то собрании юных болетелей о всеобщем

благе, – это было в самый разгар прогрессистского бреда, – держал сильную речь о любви к человечеству и народу. Все восхищались. Но ворочается он домой; человек, служивший у него, как-то не скоро отворил дверь, – это ему уже не показалось; – потом свечу не скоро подал, потом с трубкой что-то сделалось, да холодно было в комнате... Не выдержал наконец наш филантроп и разбранил своего слугу. Тот – какое-то возражение, – а этот его в грудь. И вот наш парень, – там распарился от любви к человечеству, а тут и с одним человеком не мог поступить, как следует. И в тот у нас первый разгар прогрессистского бреда красавицы, бросаясь в переплетные заведения, нередко матерей своих оставляли без куска хлеба; а все же мечтали, что они каким-то образом идут вперед и благо человечества устроят.

«Вся беда от слишком широких кругозоров. А лучше глядеть под ноги и разбирать, какой где сделать следует шаг. Это самый верный путь.»

«Се норма! И се – рай»

Глава VIII. Творения Преосвященного Феофана Затворника

Святитель Феофан по справедливости может, быть назван величайшим учителем христианской нравственности за последние столетия. Его сочинения должны быть в руках всякого христианина, который бы пожелал прожить свою земную жизнь согласно своему назначению. Передать их содержание почти невозможно, да и мало полезно: не пересказать чужими словами того, что носит печать глубоко пережитого духовного опыта, не выразить всей искренности, сердечности и жизненности никакими описаниями... По необходимости мы должны ограничиться лишь перечислением его творений и краткой их характеристикой.

Все труды преосвященного Феофана можно разделить на три рода: 1. нравоучительные; 2. истолковательные и 3. переводные.

I. Между трудами первого рода можно различать в строгом смысле нравственно-назидательные, затем – излагающие глубокие опыты и наблюдения над явлениями духовной жизни, и наконец представляющие по возможности всю совокупность христианского нравоучения в стройной системе и в неразрывной связи с основоположными христианскими догматами.

К нравственно-назидательным следует отнести:

1) Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни⁵. 2) О покаянии, причащении св. Христовых Таин и исправлении жизни. Слова в св. Четыредесятницу и приговорительные к ней недели. 3) Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. 4) Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения. 5) Краткие мысли на каждый день года, расположенные по числам месяцев. 6) Пять поучений о пути к спасению. 7) Восстани спяй. Собрание святоотеческих писаний, направленных к пробуждению человека от сна греховного для бодрствования о Христе. 8) Небесный над нами покров святых и уроки от лица их во дни празднственного чествования их. 9) На разные случаи.

10) О православии, с предостережением от погрешений против него. 11) Внутренняя жизнь. 12) Богоугодная жизнь вообще. 13) Девять слов по случаю пожаров в Тамбове и губерний Тамбовской. 14) Святоотеческие наставления о молитве и трезвении, или внимании в сердце к Богу и истолкование молитвы Господней словами св. отцев. 15) О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха. 16) Три слова о несении креста. 17) Четыре беседы по руководству книги «Пастырь» св. Ермы. 18) Четыре слова о молитве. 19) Напоминание всечестным инокиням о том, чего требует от них иночество. 20) Сборник аскетических писаний, извлеченных из патериков обители св. Саввы освященного, что близ Иерусалима. Митерикон, собрание наставлений Аввы Исаия всечестной инокине Феодоре.

Глубокая назидательность и особенная сила благодатию помазанного слова, искренность, теплота и задушевность, иногда в соединении с изумительной простотой и в то же время художественностью изложения – вот общие черты нравоучительных трудов святителя. Главная задача, раскрывающаяся во всех их, это – указание на небо, на высший смысл и цель человеческой жизни, возбуждение к искреннему покаянию и живому обращению к Богу, к поддержанию в себе или возгреванию благодатной жизни. «Эти произведения великого подвижника веры и благочестия христианского, говорит преосвященный Никандр, полные духовно-благодатного помазания, в возможной полноте и близости отражают в себе дух учения Христова и апостольского – и все направлены к указанию высшего блага, вечных целей бытия человеческого... Они не только способны пробуждать человека-христианина от духовного усыпления, не только вызывать его из состояния религиозной апатии, равнодушия к вере, так называемой теплопрохладности, столь распространенной ныне среди современных христиан, не только побуждают христианина грешника к покаянию, исправлению и благодатному обновлению жизни во Христе, но и указывают ему самые надежные средства к достижению всего этого...»

Сочинения, в которых излагаются истины христианского нравоучения на основе глубокого духовного опыта и внимательного наблюдения над явлениями духовной жизни:

1) Письма о духовной жизни. 2) Письма о христианской жизни, в 4 частях. 3) Письма, к разным лицам о разных предметах веры и жизни. 4) Что есть духовная жизнь, и как на нее настроиться. 5) Душа и ангел не тело, а дух. (Против брошюр – слово о смерти и прибавление к сему слову).

В первых двух частях «Писем о христианской жизни» и во второй части «прибавлений» к ним, в письмах «о духовной жизни», в замечательном труде: «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться» и в некоторых отделах «Писем к разным лицам о разных предметах веры и жизни», равно как отчасти и в мыслях на каждый день года, мы находим громадное собрание и глубоко осмысленное изложение явлений и фактов духовной жизни, начиная с первых благодатных движений христианского сердца к богообщению. Борьба со грехом, падения и восстания, благодатная помощь Св. Духа, все, что переживает христианин, деятельно вступивший на путь благочестия, – все это находит живое выражение в указанных сочинениях, все изображено с неподражаемым совершенством, в связи со знаменательными советами и указаниями.

Три последние части писем о христианской жизни, со включением первой и третьей части «Прибавлений» к ним, «Начертание христианского нравоучения» (то же, что письма о христианской жизни, с небольшими переделками и несколькими прибавлениями каких потребовала система нравоучения), «Путь ко спасению» (краткий очерк аскетики), заключительное прибавление к письмам о христианской жизни», – равно как отчасти и «Письма к одному лицу в С.-Петербурге по поводу появления там нового учителя веры», из «Писем к разным лицам и о разных предметах веры и жизни» – представляют уже опыты систематического изложения христианского нравоучения и имеют поэтому наибольшую важность. В трех последних частях «Писем о христианской жизни» с «Прибавлениями к ним», равно как и в «Начертании христианского нравоучения» в строгой связи и последовательном развитии излагаются мысли

об исправлении греховного сердца, о христианском самосознании в отличие от нравственного самосознания вообще, – учение об обязанностях христианина, о советах христианину, о безразличных действиях, о грехе и добродетели, о семейных, церковных, служебных и гражданских обязанностях и т.д. Основная мысль всего нравоучения – идея богообщения, составляющая начало, средину и конец христианской нравственной жизни. Жизнь христианина должна быть всецело посвящена Богу. Все твори во славу Божию, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, в надежде бесконечной жизни – такова главная цель жизни христианина! «Что касается до других целей, то они, хотя и могут быть допускаемы, но никогда не должны быть поставлены главными: от них всегда должно восходить к Богу. Здесь особенно важны цели самих дел. Каждое дело способно иметь свою цель: например, цель милостыни – помочь бедному, цель чтения – просветить ум. Но на них не должно останавливаться: ибо иначе дело будет вне главного значения христианина. Вообще, если позволить останавливаться на таких целях, то в жизнь христианина войдет бесконечное разнообразие, между тем как она вся должна иметь один тон. Тон сей сообщается ей единством цели, по коей она вся есть жертва Богу всецелая... Иным кажется очень строгим – все творить во славу Божию, они потому и полагают, что при делах можно иметь и другие цели, вне Бога, только бы сии цели не исключали Бога, и вообще, говорят, можно ограничиваться тем, чтобы только чаще относить к Богу дела. Все же дела посвящать Богу – есть удел совершеннейших, что можно советовать, но к чему всех обязывать не должно. Как унижена тут светлая христианская жизнь! Как видимо тут нехотение и леность сделать напряжение, чтобы возноситься к Богу! Но, во-первых, все посвящать Богу не есть совет, а цель необходимая, обязательная: Прославите Бога в душах ваших и телах ваших; вся во славу Божию творите... Что яснее и определеннее сего? И зачем относить сию цель к совершеннейшим только, когда такое направление действия не требует особого напряжения: кто творит уже добро, скажи ему только, чтобы он мысленно и сердечно посвятил его Богу. Какой

здесь труд? Другое дело пробудить грешника от сна греховного или оживить ослабевающего. Здесь надобно устрашать его, потрясать – представлять пагубные следствия греха и благие плоды добродетели и проч.; но это не цели, а возбудители воли... Во-вторых, говорить: позволительны и другие цели, лишь бы они не исключали Бога, значит, что мы делами своими как будто милость какую оказываем Богу; а говорить: довольно сколько-нибудь дел посвятить Богу, значит, будто Бог есть нечто стороннее в нравственной жизни. Такими мыслями порядок извращается. Христианин от Бога рожден есть и к Богу должен относить дела свои все до одного и всю свою жизнь освятить одною сею целью. Если мы станем рассматривать языческую нравственность, то есть, как там действовали добрые люди, то найдем точное приложение сих правил; равно и у христиан, оставленных без назидания. Но те и другие не знают существа дела. Теперь из жаления их дел не следует извращать истинного смысла и порядка жизни чистой и святой, а скорее следует вразумлять всех и всюду, в чем истина. Христианин не есть лицо, преданное влечению случайностей, а лицо самоуправительное. Скажи ему, как собою править, и он будет править. Нет, доброе дело, не для Бога и не по вере в Господа совершенное, не есть христианское, а есть простое добро естественное: следует теперь заключить, что все другие цели, кроме показанной, не суть цели истинные, и дела, по ним совершаемые, в той мере теряют свою цену, в какой удаляются от нее. О худых же Целях, вытекающих из эгоизма, и не говорится. Да слышит сие всяк, и да направляет так сердце свое всякий раз, как делает какое дело!»

Что касается до источников христианского вероучения, то, по словам преосвященного, «они одни и те же с источниками вероучения. Довольно помянуть, что здесь, кроме Слова Божия и согласного учения св. отцов Церкви, должно руководствоваться особенно аскетическими писаниями отцов подвижников, житиями святых и церковными песнопениями».

Замечательной особенностью нравоучений преосвященного служит углубление в душевную жизнь человека. «Сознание, самосознание, свободная самодеятельность, совесть, разум с

идеями его, рассудок с его понятиями, суждениями и умозаключениями, наблюдение, память, воспоминание, воображение, фантазия, воля с ее желаниями, склонностями и моментами процесса поступания, сердце с его чувствованиями духовными, рассудочными, волевыми, эстетическими, аффекты – все эти разнообразные силы и явления человеческого духа нарочито рассматриваются преосвященным автором со стороны нравственно-доброй и нравственно-злой. Это рассмотрение отличается большой остротой самонаблюдения. Автор как бы спускается в темные переплетающиеся лабиринты духа и, несмотря на слабый свет лампы, везде успевает отмечать в них очень тонкие проявления нравственного начала». (Отзыв комиссии профессоров С.-Петербургской Духовной Академии о творениях святителя). Отсюда – жизненность, теплота и многоплодность нравоучения, отсутствие отвлеченности, – напротив все насквозь проникнуто глубокой человечностью, внутренней правдой, с которой невольно соглашаешься в душе...

В 3 и 4-м выпусках «Писем о христианской жизни», равно как и в «Начертании христианского нравоучения» указаны и раскрыты с возможной полнотой и во внутренней связи нормы и правила христианской жизни. Требовалось далее указать жизненный путь к их применению, возможность и удобоисполнимость их. Этому требованию вполне удовлетворяет творение архипастыря: «Путь ко спасению». Это творение, как и следовало, ожидать, имело наибольший успех, в короткое время выдержав несколько изданий. Вот как сам автор раскрывает задачу своего труда:

«В письмах о христианской жизни изображены обязательные для нас чувства и расположения; но этим сказано далеко не все, потребное к устройению своего спасения. Главное дело у нас действительная жизнь в духе Христовом. А этого только коснись, сколько откроется недоумений и сколько, поэтому, потребно указаний, и притом, почти на каждом шагу!

Правда, там последняя цель человека – в общении с Богом – и путь к ней изображен: это – вера с хождением в заповедях,

при помощи благодати Божией. Приложить бы только слово: вот путь! – Иди.

Легко сказать: вот путь, иди! – Но как сделать это? Большей частью недостает желания идти. Упорно отрывает душа, увлеченная какой-либо страстью, всякое понуждение и всякий позыв; очи от Бога отвращает и смотреть на Него не хочет. Закон Христов не по сердцу; ей и слушать о нем нет расположения: душа, как говорят, не лежит. Спрашивается, как же дойти до того, чтобы родилось желание идти к Богу путем Христовым; как сделать, чтобы закон напечатлелся в сердце, и человек, действуя по этому закону, действовал как бы от себя, непринужденно, чтобы закон сей не лежал на нем, а как бы исходил от него.

Но пусть обратился кто к Богу, пусть возлюбил закон Его: самое шествие к Богу, самое хождение путем закона Христова необходимо ли уже и будет успешно, потому только, что мы возжелали сего? Нет. Кроме желания необходимо еще иметь силы и умение действовать: нужна мудрость деятельная. Кто вступит на истинный путь богоугождения, или начнет при благодатной помощи стремиться к Богу, путем предначертанного закона Христова, тому неминуемо будут угрожать опасности сбиться на распутии, заблудиться и погибать, воображая себя спасаемым. Сии распутия неизбежны по остающемуся, даже и в обращенном, греховному позыву и расстройству сил, которые и в сем состоянии способны представлять вещи в превратном виде – прельщать и губить человека. К сему присоединяется лесь от сатаны, который неохотно расстается со своими жертвами, и когда кто в области его пойдет к свету Христову, гонится вслед его и всякия расставляет сети, чтобы снова уловить; и нередко действительно уловляет. Следовательно, и тому, кто имеет уже желание идти указанным путем к Господу, необходимо еще указать все уклонения, возможные на сем пути, чтобы шествующий наперед был предварен о сем, видел имеющие встретиться опасности и знал, как избежать их.

Эти общие всем неизбежности на пути спасения делают необходимыми особые руководительные в христианской жизни

правила, коими должно быть определено; как дойти до спасительного желания богообщения и ревности пребывать в нем, и как безбедно пройти к Богу, среди всех распутий, возможных на сем пути по всем степеням, – иначе как начать жить по-христиански и как, начавши, усовершиться в этом. Сие руководство должно взять человека вне Бога, обратиться к Нему и потом привести пред лице Его; должно проследить жизнь христианскую в ее явлениях, на деле, от начала до конца, то есть как она засеменяется, развивается, зреет и приходит в полноту, или – что то же – написать историю действительной жизни каждого христианина, с показанием того, как в каком случае должен он действовать, чтобы устоять в своем чине.

Засеменение и развитие жизни христианской существенно различно от засеменения и развития жизни естественной. Это зависит от особенного характера христианской жизни и отношения его к нашей природе. Человек не рождается христианином, а становится таковым после рождения, Семя Христово падает на землю сердца уже быющего. Но как естественно рожденный человек поврежден и противоположен требованиям христианства, то, – тогда как, например, в растении начало жизни есть возбуждение ростка в семени, пробуждение как бы спящих сил, – начало истинно-христианской жизни в человеке есть некоторое воссотворение, дарование новых сил, новой жизни. Далее, пусть воспринято христианство, как закон, то есть положена решимость жить по-христиански: это семя жизни (решимость) не бывает окружено в человеке благоприятствующими ему стихиями; и при этом весь человек, его тело и душа остаются неприспособленными к новой жизни, непокорными игу Христову; потому с сей минуты начинается у человека потовой труд – образовать всего себя, все свои силы по-христиански. Вот почему, тогда как возрастание, например, у растений, есть постепенное развитие сил, легкое, непринужденное, у христианина оно есть многотрудная борьба с самим собой – напряженная и скорбная, и ему надо настраивать свои силы на то, к чему у них нет расположения: он, как воин, каждый шаг земли, хотя своей же, должен отнимать у врагов войной – обоюдоострым мечом самопринуждения и

самопротивления. Наконец, уже после долгих трудов и усилий, начала христианские являются победоносными, господствующими без сопротивления, проникают весь состав естества человеческого, вытеснив из него враждебные себе требования и стремления, и ставят его в состояние бесстрастия и чистоты, сподобляя блаженства чистых сердцем – зреть Бога в себе в преискреннем с Ним общении.

Таково положение в нас жизни христианской. Она имеет три степени, которые, по свойству их, можно назвать так: 1-ю – обращением к Богу, 2-ю – очищением или самонаправлением, 3-ю – освящением. На первой – человек обращается от тьмы к свету, от области сатанины к Богу; на второй – очищает храмину сердца своего от всех нечистот, чтобы принять грядущего к нему Христа Господа; на третьей – Господь приходит, вселяется в сердце и вечеряет с ним. Это состояние блаженного богообщения – цель всех трудов и подвигов!

Изобразить все сие и определить правилами и будет значить – указать путь ко спасению. Полное в сем деле руководство берет человека на распутьях греха, проводит огненным путем очищения и возводит до возможной для него степени совершенства, в меру возраста исполнения Христова. Иначе, оно должно показать:

- 1) как начинается в нас христианская жизнь;
- 2) как совершенствуется – зреет и крепнет, и
- 3) какую является в полном своем совершенстве».

Хотя между сочинениями преосвященного автора мы почти не встречаем трудов специально-догматического характера, тем не менее, так как нравственное чтение христианства стоит в неразрывной связи с христианскими догматами, то и в трудах преосвященного Феофана в разных местах мы находим раскрытие и догматического учения, притом, по свидетельству комиссии профессоров С.-Петербургской Духовной Академии, – «некоторые пункты догматического учения нашли не только полное и основательное раскрытие, но и такие точные формулы, каких православная отечественная догматика доселе не имела». Важность догматического элемента в творениях святителя особенно возвышается потому, что его разъяснения

касаются высочайших и труднейших пунктов христианской догматики. «В особенности это нужно сказать относительно истин: участия всех Лиц Св. Троицы в различных моментах нашего спасения с преимущественным преобладанием участия одного из Лиц Св. Троицы в том или другом моменте нашего спасения, именно – Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия в первом моменте, в «устроении всего потребного для спасения», и Св. Духа Утешителя – во втором моменте, в «содействии спасения каждого лица». Последний пункт раскрыт с такой основательностью, полнотой и ясностью, что едва ли остается желать чего лучшего. Большую цену для догматиста представляет и предложенный в «письмах» опыт последовательного изображения совместного действия благодати Божией и человеческой воли во всем процессе «содействия спасения каждого отдельного лица». К этому нужно прибавить, что здесь же дано глубокое разъяснение связи церковной обрядности и внешности с внутренним духом христианской жизни». (Отзыв комиссии проф. СПб. Д. Ак.).

Величайшую оригинальность нашего автора, резко отличающую его не только от иностранных, но и отечественных ученых богословов, составляет то, что он отводит формальному, рассудочному (дискурсивному) знанию весьма незначительное место. Для него религия, христианство прежде всего живая, действенная сила, – сама жизнь; – высшее духовное бытие – предмет непосредственного сознания. «Человек, вкусивший сладкого, не пожелает вкушать горечи», говорили наши предки, познакомившись с красотой христианского Богослужения в Царь-Граде. Так и преосвященный как бы так говорит каждому, желающему убедиться в истинах веры: «попробуй – начни жить воистину по-христиански, вкуси истинной жизни – и тогда тебе не нужно будет ни доказательств, ни рассуждений». – «Как увериться и каким путем испытать? – спрашивает он. К сему два способа: один внешний, научный, а другой внутренний, путь веры. Первый предлагается обыкновенно в систематическом изложении Богословия. Он действителен и для ученых существенно необходим; но, очевидно, не всеобщ, ибо в

основании своем содержит знания, не для всех доступные. При всем том надлежало бы сии научные доводы со всей широтой, и ясностью, и убедительностью изложить и отдать во всеобщее употребление, с ручательством за силу их непреложного авторитета, чтобы всякий, способный разуметь, уразумевал сим путем истину. Нельзя впрочем не видеть, что сей путь очень, очень долог и труден, и, что особенно замечательно, помещаясь в голове, оставляет сердце самому себе, своему своеванию и свободе. Путь веры искреннее, внутреннее, живее, многоплоднее и общедоступнее. Это молитва к единому истинному Богу о вразумлении. Есть Бог истинный. Он сказал Свою волю нам в наше спасение, с желанием, чтоб она была понята и выполнена. Теперь мудрованиями людскими она скрыта или запутана до того, что тот или другой не имеет достаточно сил найти исход из сего лабиринта. Когда, в чувстве сей кровной нужды, с воплем, стенанием, болезнью сердечной, обратится кто к Богу, истинному Отцу всех человеков, Богу, желающему, чтобы вера Его была действительною, – может ли быть, чтоб Он не дал такого решительного указания к убеждению в истине ее? Он вранов кричащих питает, по молитве посылает дождь в жажду плоти нашей... а человеку, и еще духу его, Своему образу, томящемуся, ищущему узнать, как прославлять Бога, будто Он не укажет источника для утоления сей жажды духовной? Такая молитва нисколько не есть искушение Бога, хотя может быть превращена в него, когда кто неискренно, из одного любопытства, желал бы таких знаков. Примеры убеждения в вере сим путем почти повсюдны. Корнилий сотник испросил себе веру... Множество было таких, кои приходили к пустынникам вопрошать о вере, а они, вместо всех доводов, заставляли их молиться.... Блаженнее из всех тот, кто, вместе с Иеронимом Греческим, может сказать: «истинна вера, исповедуемая мною, ибо ею я сподобился приять Божественную некоторую силу, действующую во мне ощутительно. И язычники имеют писания, и храмы, и жертвы, и учителей, и книги, и отчасти Боговедение, и некоторые добрые дела, и праздники, и пременение одежд, и молитвы, и всенощные бдения, и священников, и много другого; но сей

сокровенной в сердце христианина благодати и действия Святого Духа никто в целом свете не получает, а получают верою одни правильно крестившиеся в Отца, Сына и Св. Духа» (Хр. Чт. 1821; 11, 129). Так вот прямейший путь к открытию истинной веры, именно; вера же, молитва, непрерывность чудодейственности в Церкви, и особенно, внутренняя сила, доставляемая в вере. Посмотри всяк вокруг себя и увидишь, что все искренно верующие веруют по сим основаниям, а не по научным... Почитай, если хочешь, и научные основания веры в каком-либо Православном Богословии. Но сердечные сильнее и сподручнее».

II. Труды преосвящен. Феофана экзегетического (истолковательного) характера

Толкования посланий св. Апостола Павла к Римлянам в 2-х книгах, к Коринфянам 1-е послание, к Коринфянам 2-е послание, к Галатам, к Ефессянам, к Колоссянам и к Филимону, к Солунянам 1-е и 2-е послания и Филиппийцам, к Титу и Тимофею (пастырские послания), Псалом сто семнадцатый, истолкованный Епископом Феофаном, с портретом автора, Тридцать третий псалом, истолкованный им же, Разрешение недоумений при чтении притчи о неправедном приставнике и обетование тем, кои все оставляют ради царствия Христова. (Толкование Евангельской притчи). Евангельская история о Боге Сыне, – воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложенная словами св. Евангелистов!..

Особенность истолковательных трудов преосвященного Феофана состоит в том, что они, служа опорой и подтверждением его нравственно-богословских взглядов, в то же время сами представляют собою живую проповедь. Не то, чтобы автор не заботился о научной стороне дела при выяснении смысла священного текста – нет, всюду он стоит на высоте современной науки, но чисто ученая работа не заслоняет другой, важнейшей стороны дела: автор при выяснении священного текста ни на минуту не упускает из вида того, чтобы живое и действенное слово Божие проникало до сердца читателя и возбуждало в нем искру Божественной

ревности служить Богу. Высокий прообраз истолковательных трудов такого рода мы находим разве только у древних отцов Церкви, особенно во вдохновенных толкованиях св. Иоанна Златоуста. Для характеристики экзегетических трудов преосвященного мы воспользуемся тем же отзывом комиссии профессоров СПб. Д. Академии, о котором мы уже упоминали.

«Все эти труды имеют высокое достоинство и значение в нашей литературе по изъяснению священного писания. Отличаясь самостоятельностью в смысле независимости от западных ученых пособий и отечественных опытов, затем глубиной, основательностью, полнотой, замечательной ясностью и точностью изложения, они вполне удовлетворяют насущнейшим нуждам и целям богословской и именно православной экзегетики. Характерная их черта состоит в том, что главнейшими руководителями преосв. автора в его истолковательных трудах были св. отцы и учителя церкви.

Вот почему при объяснении 118 псалма преосв. автор, несомненно знакомый с еврейским текстом, держится однако исключительно греко-славянского текста. По греческому тексту читали и толковали этот замечательный псалом древние толкователи: св. Амвросий, блаж. Августин, блаж. Феодорит, св. Иларий и др. По их следам идет неуклонно и преосв. Феофан и частью при помощи своих руководителей, частью чрез собственные глубокие и всесторонние размышления и наблюдения дает такое превосходное толкование названного псалма, что, смеем думать, и самый взыскательный образованный православный читатель ни мало не посетует на автора за отсутствие в его толковании разного рода филологических замечаний, по сравнению греческого переводного текста псалма, а вместе в славянского, с подлинным еврейским. Что касается, впрочем, греческого текста, то как здесь – в толковании псалма, так и в толковании посланий ап. Павла преосв. автор, хотя и не выписывает его целиком, постоянно однако держит его, так сказать, в своей памяти, при объяснении каждого славянского слова или выражения делая неопустительно, во всех сколько-нибудь важных случаях, необходимые филологические сравнения и

разъяснения двух текстов, так что и для филологически образованного читателя толкования его представляют несомненное значение и интерес.

Нельзя не отметить другой важной в богословском отношении черты в толкованиях преосвященного Феофана. Внимательный читатель находит в них не только все нужное для полного и ясного понимания священного текста, но вместе с тем и глубоко продуманное и прочувствованное разъяснение множества разного рода догматических, в особенности же нравственных христианских истин, понятий, вопросов, – каковы, например, понятия и вопросы о грехе и зле, о нашем искуплении и оправдании во Христе Иисусе, об отношении благодати Божией и нашей человеческой свободы, о предопределении и т.п. И в толковании посланий апостола Павла автор видимо был озабочен тем же, – на что он сам ясно указывает, как на главную свою заботу при толковании 118-го псалма (стр. 458), – именно тем, чтобы дать читателю сколько необходимое для него объяснение истинного смысла слов апостольских, столько же и разъяснение того, как, в какой связи стоит та или другая высказанная апостолом догматическая или нравственная истина, то или другое указываемое им дело, явление домостроительства нашего спасения в ряду или цепи других истин, других подобных же дел и явлений. И все это излагается у преосвященного автора, как и самые толкования, в самой простой общедоступной форме, языком, напоминающим более живую, разговорную, чем книжную речь.

На всяком серьезном, понимающим высокую важность своего дела, толкователе св. Писания лежит между прочим обязанность уметь не только передать смысл открываемого в слове Божиим, но и дать по возможности понять и почувствовать читателю сокрытую для него в этом слове божественную духовную силу и жизнь. И в этом отношении толкования преосвященного Феофана справедливо можно назвать образцовыми. Толкования его читаются с глубоким назиданием. Подобно своим неизменным руководителям св. отцам и учителям церкви и по большей части их же словами, автор постоянно преподает читателю то одни, то другие

нравственные уроки, вводит его в созерцание и оценку, на основании указаний слова Божия, различных положений и состояний сокровенной внутренней духовной жизни человека-христианина. Толкование 118-го псалма ведется сплошь в таком именно нравоучительном духе, как это вполне отвечает и самому содержанию этого высокопоучительного псалма; таким же характером запечатлены и все толкования его на послания апостола Павла.

Не останавливаемся особо на оценке предпосланных у преосвященного Феофана толкованию каждого из посланий апостола Павла так называемых «введений», в которых излагаются обычные исторические сведения: о их происхождении, поводе к написанию, времени и месте написания и т.п. Подобные «введения» во всех комментариях предпосылаются обыкновенно в кратком виде, с точным изложением сведений, существенно необходимых читателю главным образом для правильного исторического понимания изъясняемого Писания. И этой практической цели вполне удовлетворяют толкования преосвященного автора; он умеет в немногом, – как всегда, так и в данном случае, – сказать многое, с полным научным авторитетом и основательностью. Таким же глубоким знатоком св. Писания и вместе высокопросвещенным богословом является преосвященный Феофан и в последнем изданном им труде, – в книге под заглавием: «Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложенная словами св. евангелистов, с указанием оснований, почему именно такой, а не другой избран порядок последования евангельских событий одних за другими». Здесь автор представил не единственный, правда, в нашей отечественной литературе, но во всяком случае единственно законченный и более совершенный опыт решения одной из труднейших задач экзегетики по отношению к Четвероевангелию, именно опыт сведения воедино, соглашения сказаний всех четырех евангелистов и изложения событий евангельской истории в последовательном их порядке. Для решения этой нелегкой задачи издавна предлагались, как показывает история так

называемой гармонистики евангелий, самые разнообразные правила и способы. Их отлично знает, очевидно, преосвященный автор, хотя по обыкновению и не входит в ученую критику их, устанавливая взамен того свой способ для достижения означенной цели. И нельзя не согласиться, что указываемый им путь последовательного построения евангельской истории есть наиболее надежный путь из доселе указываемых; наиболее надежный уже потому, что он вставляет в определенные рамки разного рода ученые соображения и предположения, основанные «на каких-либо указаниях в свойстве событий или в соотношениях или в сказаниях о них». «Без соображений, справедливо замечает преосвященный автор, конечно, нельзя обойтись; но их надо вставить в определенную рамку, иначе, они, как вольные птички, будут разлетаться в разные стороны» (стр. 7). Такою рамкой и служат четыре правила, из которых главное и основное следующее: «должно держаться того порядка евангельских событий, которого держатся два евангелиста; ибо коль скоро два согласны, то на другой стороне остается только один, который должен уступить двоим» (стр. 3). Все это излагается в обширном предисловии к читателям. В этом предисловии, имеющем бесспорно немалое научное значение, преосвященный автор делает вместе с тем и предварительный пересмотр всех евангельских сказаний с целию установления, по изложенным им правилам, течения евангельских событий (стр. 7 и дал.); предлагает за сим соответственный тому конспект евангельской истории, с обозначением главных ее частей и всех подразделений; далее – подробное оглавление содержания евангелий и наконец после такого введения – самую историю евангельских событий, последовательно изложенную словами св. евангелистов. В самом изложении св. истории автор делает все возможное для представления в ясном виде последовательного течения евангельских событий. О большой практической пользе этого труда преосвященного Феофана, как пособия при чтении и изучении евангельской истории, едва ли нужно говорить что-либо. Научного же значения нельзя не признать даже строгому критику. Хотя

преосвященный автор и говорит в предисловии что устанавливаемое им, на основании известных правил соглашения евангелий, течение евангельских событий «определяют главным образом глаза» и следовательно «сочетание их во едино есть труд преимущественно механический», но на самом деле, как нетрудно понять, в основе его лежит глубокое и основательное изучение текста св. евангелий, без чего немыслимо даже и приступить к подобному труду, не говоря уже об его выполнении и таком предисловии, какое предпослал своему труду автор.

Таким образом в обоих вышеуказанных родах богословских произведений преосвященный Феофан является выдающимся, оригинальным, русским православным богословом, своими трудами сильно возбуждающим нашу отечественную богословскую мысль, внесшим немало в наше научное богословское сознание, обогатившим нашу богословскую литературу многочисленными, самостоятельными и высокоценными трудами, а потому вполне справедливо пользующимся почетной известностью.

В виду всего вышеизложенного комиссия мнением своим полагает, что совет академии, присудив преосвященному Феофану степень доктора богословия, исполнит только долг, давно лежащий на высшей духовной школе».

III. Переводные труды

Переходя к переводам свято-отеческих творений преосвященного Феофана, мы ограничимся лишь указанием на громадность его трудов и в этой области. Это – благодатное море, достаточное для утоления душ, жаждущих духовного просвещения и руководства. Нельзя не выразить пожелания, чтобы издан был по возможности в скорейшем времени указатель к этому сокровищу духовного назидания...

Добротолюбие, в русском переводе, дополненное. Том первый (667 стран.) (В состав сего тома вошли писания св. отцев: Антония Великого, Макария Великого, аввы Исаии отшельника, Марка подвижника и аввы Евагрия).

Добротолюбие, в русском переводе, дополненное. Том второй (810 стран.) (В состав сего тома вошли писания св.

отцев: Иоанна Кассиана Римлянина, Исихия пресвитера Иерусалимского, Нила Синайского, Ефрема Сирианина, Иоанна Лествичника, Варсануфия и Иоанна, аввы Дорофея и Исаака Сирианина).

Добротолюбие, в русском переводе, дополненное. Том третий (488 стр.) (В состав сего тома вошли писания св. отцев: Диадоба, Иоанна Карпафского, аввы Зосимы, Максима Исповедника, Фалассия, Феодора, Феогноста, Филофея Синайского, Илии пресвитера, сказание об авве Филимоне).

Добротолюбие, в русском переводе, дополненное. Том четвертый (около 690 стран.) (Том сей составляет извлечения из всех известных теперь, и в печати и в рукописях, поучений преподобного и богоносного отца нашего Феодора Студита. Книга эта, по словам преосвященного переводчика, для монастырских братий неоцененная, но и для мирян найдется в ней немало полезного. См. предисловие к сему тому).

Добротолюбие, в русском переводе, дополненное. Том пятый (528 стр.) (В состав сего тома вошли писания св. отцев: св. Симеона нового Богослова, старца Симеона благоговейного, Никиты Стифата, Григория Синаита, Никифора уединенника, Григория Паламы, Каллиста Патриарха и сподвижника его Игнатия Ксанфопулов, Каллиста Тиликуды, Симеона Архиепископа Солунского и друг.).

Древние иноческие уставы: пр. Пахомия Великого, св. Василия Великого, пр. Иоанна Кассиана и пр. Венедикта, собранные Епископом Феофаном (около 660 стран, большого формата).

«Древность передала нам четыре иноческих устава, говорит святитель, появившихся не в одно время и не в одних местах, но в совершенно одинаковом духе, и даже в одинаковых выражении и очертании. Предлагая их вниманию иноков и всех благочестивых христиан, надеемся доставить им чрез то немалое духовное утешение, давая им возможность удостовериться, что иночество так же древне, как само христианство, и требуется самым духом христианства, и что наш образ иночества согласен с первоначальным и с тем,

в каком оно было держимо в Церкви во все время – от начала до нас»... (Предислов. к уставам).

Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима святогорца.

В предисловии к сей книге старец Никодим говорит: Настоящая душеполезная книжица справедливо носит данное ей наименование: «Невидимая Брань». Ибо она поучает о брани мысленной и невидимой, какую каждый христианин восприимлет с того часа, как окрестится и даст пред Богом обет воевать за Него даже до смерти, и о врагах бестелесных и не явных, кои суть различные страсти и нехотения плоти, и демоны злые и человеконенавистные, день и ночь не перестающие воевать против нас... Здесь – здесь, в этой Невидимой брани (то есть в книге), или лучше сказать в этой Брани Господней, воины Христовы поучаются познанию различных прелестей, многообразных козней, недомыслимых лукавств и хитростей воинских, которые употребляют против них мысленные супостаты... Научаясь же распознавать все сие, они и сами при этом умудряются, как разрушать такие козни врагов и противоборствовать им... И коротко скажу, этой книгой всякий человек, желающий спасения, научается, как побеждать невидимых врагов своих, чтобы стяжать сокровища истинных и божественных добродетелей, и за то получить нетленный венец и залог вечный, который есть единение с Богом, и в нынешнем веке и в будущем.

Слова преподобного Симеона нового Богослова. Перевод епископа Феофана с новогреческого языка.

Слова преподобного Симеона нового Богослова. Выпуск второй.

Главный предмет наставлений св. Симеона – делание во Христе сокровенное. Он объясняет пути внутренней брани; обучает мерам совершенствования наипаче духовным; заставляет подвизаться преимущественно против духовных страстей, против помыслов и движений греховных... Не отвергая внешних подвигов, ни чина их, но уча блюсти их, он требовал борьбы с грехолюбивой душой и проходя сам, при содействии благодати, путь скорбей внутренних, требовал того

же и от других... Сочинение его – богатейшая сокровищница мыслей о жизни духовной, с силою действующих на душу, жаждущую благочестия. Св. Симеон назван Новым Богословом потому, что он преподавал такие глубокие тайны внутреннего подвижничества, о каких давно не слышали. Он образовал новых учеников, – ревнителей созерцательной жизни: впоследствии еще более, чем при жизни, наставления его получили силу в общем мнении. Скончался в 1032 году. (Историч. учение об отцах церкви Филарета А. Черниговского, Том 3-й, стр. 305).

Обозревая это неизмеримое духовное наследие, оставленное преосвященным Феофаном, соображая его многоценность, невольно приходишь к заключению, что труды святителя составят эпоху не только в развитии православной богословской науки, но и в нашем общественном развитии, невольно согласишься с тем, что «имя его, можно быть уверенным, не угаснет с его кончиной, а, напротив, с поднятием духовного самознания в обществе будет приобретать все больше известности и славы, как имя великого духовного просветителя, умевшего давать ответы на самые насущные вопросы духовной жизни». (Церк. Вестник 1894 г. № 4).

Многие из вышепоименованных трудов святителя печатались на страницах Душеполезного Чтения и издавались при посредстве редакции этого журнала, к которой святитель относился всегда, до конца дней с неизменным и трогательным доверием, как можно видеть это из «Писем к близкому родственнику» и из его совета: «Для чтения выписывайте журнал «Душеполезное Чтение». Очень пригодный журнал и дешевый – 4 р. с пересылкой». Затем труды святителя печатались и издавались стараниями и издержками его племянника А. Г. Говорова и русского Афонского Пантелеймонова монастыря. Сам святитель ничего не получал за свои труды, кроме нескольких десятков экземпляров, предназначенных для бесплатной раздачи. Он заботился лишь о том, чтобы издание его трудов являлось необременительным для покупателей и хотя отчасти вознаграждало труды и хлопоты издателей. Об этом

свидетельствует его обильная переписка со своим родственником и со старцами Афонского монастыря, печатающаяся на страницах Душеполезного Чтения. Эта переписка, можно сказать, была единственным «деловым» отношением к внешнему миру за все время его затворнической жизни... Здесь мы не говорим конечно о трогательно-нежной заботливости, с какой он относился к судьбе своего родственника-питомца, равно как и об его многообильной переписке со всеми, кто жаждал его духовных советов. Можно лишь изумляться громадности труда, который уходил на эту переписку, судя по тому, что уже напечатано в Душеполезном Чтении за 1894 год и печатается доселе. Здесь мы ограничимся пожеланием, чтобы вся переписка святителя была потом собрана в отдельные сборники, чтобы ни одна отрока почившего архипастыря не пропала для будущего биографа и историка и для руководства всех православных христиан.

Глава IX. Нравственный облик святителя Феофана

С незапамятных времен, среди многообразных проявлений человеческого духа, мы различаем в истории двоякого рода деятелей. Одни при первых проблесках духовной самостоятельности бросаются в водоворот жизни и, входя в многообразные сферы деятельности, везде быстро осваиваются и энергической рукой направляют течение событий к намеченной цели; верным глазом различают отношения между людьми, умеют подчинять их своей воле и заставить следовать за собою. Жизненная борьба, с ее тревожностями, победами и поражениями, – вообще чисто практические интересы – вот сфера их деятельности, без которой они и жить не могут, как рыба без воды. Если сюда присоединяются богатые природные дарования, из таких людей вырабатываются великие правители, полководцы, замечательные практические деятели. Но есть характеры иного рода... Внутренняя, сокровенная жизнь сердца, со всей его чуткостью ко всему истинно-прекрасному, возвышенному, идеальному, со всей его задушевностью, со всей поэзией богатого внутреннего содержания, с глубоко-развитым нравственным чувством, способным различать тончайшие оттенки нравственного настроения, со всей способностью постигать гармоническое или негармоническое свойство соотношения впечатлений – вот главная характеристическая черта этих людей иного рода. Нет особенных волнений от притока внешних впечатлений, не спеша собираются они, зато тем глубже ложатся на душу – до наступления великого и энергического движения в каком-нибудь подвиге высокого нравственного совершенства. Самые мирные, часто эстетические наклонности; кротость и ласковое простодушие в обращении; ясность души; иногда – легкая, невинная шутка в разговоре – все это признаки душевного равновесия. И тем не менее чувствуется ежеминутно, что еще выше этой ясности, этого гармонического равновесия, у этих личностей лежит малодоступная для постороннего взора и

лишь только непосредственно ощущаемая сфера глубочайшей внутренней жизни, куда они охотно удаляются, подобно Моисею, восходившему на высоты Синая, чтобы затем явиться еще светлее, еще чище, еще прекраснее... И ничья нечистая рука не дерзнет коснуться этого заветного мира их бесконечно богатой внутренней жизни и замутиль ее светлую красоту. Тем не менее люди подобного рода очень отзывчивы на все, вследствие нежности и чуткости сердца; с благодушной и всегда свежей восприимчивостью обнимают они и великое, и всякую малость; ни один элемент чувства не проходит без соответствующих впечатлений, но ни один и не собьет их с прямого пути... Не выходит из таких натур великих практических деятелей, но они поражают мир чудной красотой своего духовного содержания. Скрытый огонь не вырывается наружу, не производит пожаров, но проникает своей всеочищающей силой до последних тайников сосредоточенного в себе самом духа. С ясным, возвышенным взглядом на вещи, осторожно, терпеливой рукой любят они трудиться в тиши для окончательного достижения неуклонно-преследуемой цели, трудятся без той ретивой и часто неразборчивой в целях суровости, которая не переносит препятствий, и без надменного пренебрежения ко всем другим путям. Не громят имена их в истории, – нет – пред нами они проходят, как живой идеал – тихо, почти безмолвно... Им-то суждено развивать красоту человеческого духа до возможного на земле совершенства. Они бы стремились еще выше, еще к большему совершенству, как бы отдаляясь от земли, если бы узы земного существования не преграждали им путь к небесам... Отсюда – отпечаток какой-то нежной грусти озаряет их облик, – грусти, которая, как сероватый грунт, стелется под радужным блеском отдельных проявлений радостного настроения... К числу таких глубоко-художественных натур принадлежал преосвященный Феофан. Но как бы ни были богаты и прекрасны природные душевные свойства человека, они в силу естественной человеческой ограниченности часто перерождаются в соответствующие им недостатки... Только действительный идеал совершенства, только Божественное начало христианства может окончательно

укрепить на духовной высоте и развить до всей полноты заложенные природные богатые дары и возвести человека до богоподобного совершенства, дивно затем воздействующего на души других своей благодатной силой... Все это соединилось в почившем святителе, чтобы, в лице его в конце нашего, столь практического, века открылась воочию всех вечно живая и неиссякаемая сила христианства. Говоря словами прекрасной характеристики почившего святителя он был «ученый муж, постигший всю мудрость академического знания; был архиерей, которому вверена была широкая власть и предоставлены высокие почести. Но не в этой учености и не в этой власти и чести полагал он смысл и назначение жизни. Свою ученую мудрость и архиерейскую честь он сменял на смиренную долю отшельника, удалился в пустынь, чтобы там похоронить все, что было в нем мирского, похоронить и ученость и архиерейство, похоронить наконец самого себя – для здешней мирской жизни. Но как нельзя сокрыть от мира солнца, так не могла и пустынь сокрыть от св. Руси истинного светильника православной жизни, и если он стал безвестен для большинства тех, которые живут лишь миром и суетой его, то тем более близок стал он к тем, кто живут истинной духовной жизнью и стремятся к ней.

Вышенская пустынь, куда удалился на покой преосвящ. Феофан, сделалась источником высокого духовного просвещения, – просвещения, которое неизмеримо выше того, какое дается высшими школами, потому что это просвещение исходило не только от ученого ума, но и от глубоко чувствующего сердца. Из этой пустыни, где смолк живой голос Феофана, по всей России стали распространяться книги и письма, в которых говорила сама духовная мудрость и любовь, говорила от глубины духовно-просвещенного ума и от чистоты истинно христианского сердца. В его замечательной личности поразительно сочетались те элементы, которые делают в полном смысле православного человека, – человека с такой цельностью нравственного бытия, при которой все противоречия, неразлучные с земной жизнью, уступают место дивной гармонии, и бранный, немощный и грешный человек становится существом, истинно воплощающим в себе образ и

подобие Божие. О нем с правом можно сказать, что он действительно воплотил в себе весь смысл православной Церкви, и потому-то каждое его слово находило такой живой отголосок в сердце православных людей и каждое его письмо проливалось в сердца истинную сладость. Недаром со всех концов России в Вышенскую пустынь летели письма – с выражением духовных и телесных скорбей, с жалобами на душевное томление и на торжество суеты мирской, и многие получали целительный бальзам для своих настрадавшихся душ, когда преосв. Феофан отвечал им письменно же. Каждое его письмо было достаточно глубоким источником, чтобы назидание и утешение в нем могли почерпнуть не только те, к кому оно было направлено, но и множество других, испытывавших тоже томление духа. В нем Православная Церковь нашла себе высокого выразителя духа жизни, который составляет ее собственную сущность и который служит изобличением лжи и неправды, распространяемой невегласами и злонамеренными людьми, будто Православная Церковь безжизненна и скована узами бездушной обрядности. Церковь, способная производить таких личностей, какой был преосв. Феофан, очевидно имеет в себе достаточно жизненности и силы, чтобы совершать свою святую миссию на земле...» (Ц. В. 1894. № 3).

Пройдут века, и люди забудут своих благодетелей, гениальных людей, способствовавших внешним успехам жизни, и все славные имена «великих людей» станут достоянием истории, но не забудут, пока будет теплиться в душе человека Божья искра, пока человек останется человеком, – не забудут тех, кто в брэнном земном сосуде сумел отразить нетленную красоту нашего рода, кто умел увлекать и уносить души, – умы и сердца людей в высшую духовную сферу, в область вечных стремлений, чьи дела носят печать истинной духовности, небесного царства...

О, если бы всеозаряющий свет, что обильной струей изливается из творений и жизни почившего, открывался взору все более и более обширных кругов и классов общества и, как ночные тени пред восходящим солнцем, исчезли бы пред его

лучами заблуждения, предрассудки и все то, что искажает жизнь человеческую...

Глава X. Келлия Затворника, его кончина и «последнее завещание»

С епископской кафедры во Владимире, святитель Феофан просил Св. Синод уволить его «на покой»... Из перечисленного множества творений святителя мы видели, каков был его «покой». Не менее многого множества творений святителя, говорит об этом «покое» и его келлия.

Теперь, когда раскрылись бывшие столь долго замкнутыми двери этой келлии, – как много, много найдется на Руси людей, которые желали бы посетить жилище, где обитал на земле человек, всю жизнь стремившийся своими помыслами к вечным обителям Отца небесного, подышать воздухом, который потрясался его молитвенными воздыханиями, обвести взором все, что находится в келлии, и уловить по этим безмолвным свидетелям великого подвига черты его внутренней жизни, посетить малую церковь, где изо дня в день совершалось священное «действие» молитвы и возносилась бескровная жертва...

Близ монастырской ограды Вышенской обители находится двухэтажный флигель. В нижнем каменном этаже помещается монастырская просфорня и две братских келлии. В верхнем деревянном – келлия затворника. Войдем в нее...

Стены деревянные, без обой, несколько потемневшие от времени. Мебель и вся обстановка до последней крайности простые и ветхие. Шкаф с угольником из простого дерева, оцененный в один рубль... Комод – в два рубля... Простой стол, ветхий... Складной аналой, ветхий... Железная кровать, складная, ценою в один рубль... Диваны березового дерева, с жестяными сиденьями – все ценою три рубля сер... Все остальное в таком же роде... Все такое ветхое, простое и до крайности недорогое, а то так и самодельное...

Но вот два ящика, с инструментами, токарными, столярными, переплетными, ценою все... три рубля. Палитра для красок и кисти... Фотографический аппарат; станок для выпиливания из дерева, верстак, токарные станки – все ценою в

несколько рублей... Как-то странно читать обозначенные в описании цены, в один, в два рубля... А между тем сколько лиц желали бы приобрести и хранить, как драгоценность, малейшую вещь на память о подвижнике!.. Но зачем все это у отшельника, отрешившегося от мира? «Без дела как быть? Будет грешная праздность... Нельзя все духовным заниматься; надо какое-либо нехлопотливое рукоделие иметь. Только браться за него надо, когда душа утомлена, и ни читать, ни думать, ни Богу молиться неспособна. А если те духовные занятия идут хорошо, то рукоделия можно не касаться. Оно назначается для наполнения времени, которое без него придется проводить в праздности» – припоминаются нам слова почившего святителя. Или вот этот серый ситцевый подризник, по-видимому, сшитый самим святителем, напоминает вам рассказ о том, как некогда, сшив сам себе платье, он говорил своему любимому племяннику: «Смотри, старайся как можно менее утруждать услугами себе других и учись как можно больше исправлять для себя сам... Все подризники оценены в четыре рубля. Что поценнее из одежды – вероятно, приношения благочестивых почитателей подвижника. Сам же он готовил одеяние схимника...»

Вот деревянная резная панагия, с деревянной цепью; вот деревянный резной крест для ношения на груди. Это – также плоды рукоделия, во избежание грешной праздности.

А это что? Телескоп, два микроскопа, анатомический атлас, шесть атласов географии общей, церковной и библейской...

А какое громадное собрание книг! Всюду книги, книги, целые груды книг... Вот история России Соловьева, всемирная история Шлоссера, сочинения Гегеля, Фихте, Якоби... Но подавляющее большинство книг духовного содержания; почти все духовные журналы, творения великих отцов и учителей Церкви: св. Григория Богослова, св. Василия Великого, св. Иоанна Златоустого, Исаака Сирианова, св. Нила Сорского, св. Тихона Задонского, св. Димитрия Ростовского и многих, многих других великих наставников и подвижников... Четьи-Минеи и прологи на греческом языке, Четьи-Минеи св. Димитрия Ростовского... Много книг богословского и церковно-исторического содержания

на французском, немецком и английском языках, например, Богословская энциклопедия на французском языке в 150 томах.

Видно, недаром говорил почивший: «и книги с человеческими мудростями могут питать дух. Это те, которые в природе и в истории указывают нам следы премудрости, благодати, правды и многопопечительного о нас промысления Божия... Бог открывает Себя в природе и истории так же, как и в слове Своем. И они суть книги Божии для тех, кто умеет читать». Но, бесспорно, вся душа святителя прилежала к изучению слова Божия и святоотеческих творений, о чем выразительно свидетельствует каждая страница его многочисленных творений. Кстати: для всех, кто с любовью изучает творения почившего святителя, мы можем сообщить, что в келлии покойного найдены в рукописи: «Толкование на послание Апостола Павла к Евреям», «пасхальное Евангелие», «Ответ штундистам», «О страданиях и крестной смерти Спасителя», а, может быть, найдется и еще что-нибудь. Всего в рукописи от 4 до 5 стоп бумаги.

Святитель любил священное искусство иконописания и сам был хороший художник. Нося в душе образы иного, высшего небесного мира, он, видимо, желал окружить себя и на земле их светлыми отражениями. Какое изобилие икон и картин священного содержания! Большинство, если не все, из них, вероятно, писаны его святительской рукой. «Распятие», «Воскресение Христово», «Снятие со креста», «Спаситель в терновом венце» – на полотне, Образ Спасителя во весь рост, Божией Матери – во весь рост на досках, «Богоявление» – на полотне, Образ святителя Тихона во весь рост – неоконченный немного, иконы св. Митрофания Воронежского, свв. Антония и Феодосия, св. Александра Невского... и много других картин и икон на полотне и досках. Есть и портреты, например, Серафима Саровского... К двум предметам особенно часто возвращалось художественное творчество почившего: к изображению св. Тихона Задонского и Богоявления. И имя преосвященного, указывающее на Богоявление, и его картины Богоявления, и самый храм домовый в честь Богоявления, и его блаженная кончина в день Богоявления – случайно ли все это?..

Но особенно трогательно – это то, что в алтаре близ жертвенника, на стене можно видеть висящий мешочек, весь наполненный записочками к преосвященному с просьбами помянуть в своих молитвах у престола Божия...

Глубокое умиление проникает в душу при обзоре келлии почившего святителя, не без тихой грусти об отсутствии того, кто оживлял ее своим присутствием...

Мы слышали, что келлию святителя и его домовую церковь предполагается оставить в том виде, как все было найдено в день его кончины. Мысль прекрасная!

Мы слышали также, что митры, панагии, кресты, облачения, священные сосуды и другие священные предметы останутся в Вышенской обители и будут храниться в особом шкафе близ его гробницы, которую изготавливает один из благочестивых почитателей почившего...

Что ж? Пред нами только и есть, что одни безмолвные свидетели великого подвига? И никто не взойдет из близких лиц, чтобы поведать хотя несколько назидательных подробностей из жизни затворника? К сожалению, так. По кончине святителя произошло трогательное событие: служивший ему двадцать семь лет келейник Евлампий в течение, сколько мы знаем, девяти дней со дня кончины не принимал никакой пищи. Чрез две недели его не стало... Как давно и как верно сказано: «человек может оставить отца, а доброго господина нельзя оставить, с ним бы и в гроб лег, если б можно было!»

Но кто ж теперь расскажет нам что-нибудь в назидание наше о чертах жизни почившего святителя?!. Видно, так Богу угодно... Запишем, по крайней мере, то, что удалось нам узнать об его последних днях жизни и о блаженной кончине. У почившего был заведен строгий порядок жизни. С вечера готовил служитель просфоры и вино, равно как и облачения для ежегодного богослужения. По окончании литургии святитель легким стуком давал знать о времени утреннего чая. В час – «обед», за которым в последние годы святитель, не в постные дни, вкушал только по одному яйцу и по стакану молока. В четыре часа чай. Ужина не было. С первого января 1894 года обычный порядок жизни несколько расстроился... Не всегда в

определенное время святитель давал знак о времени чая или обеда... Накануне кончины, 5 января, владыка, чувствуя слабость, попросил помочь ему пройти. Келейник провел несколько раз его по комнате, но владыка, утомившись, отослал его и лег в постель. В самый день кончины келейник, не слыша условного знака, заглянул в час дня в рабочий кабинет святителя. Сидит что-то пишет... Через полчаса – условный знак... За обедом святитель скушал половину яйца и полстакана молока. Не слыша знака к чаю, слуга в половине пятого снова заглянул: святитель лежал на кровати. Не прилег ли отдохнуть!? Но что-то в сердце сказало о другом... Подойдя к святителю, слуга увидел, что он уже скончался. Левая рука лежала на груди, правая была сложена как для архиерейского благословения... На столике, подле кровати, лежала раскрытая январская книжка Душеполезного Чтения...

При облачении в святительские ризы, на лице почившего явно для всех просияла блаженная улыбка... Был ли то прощальный привет людям, или отражение небесной радости духа – одному Богу ведомо!..

Три дня стоял покойный в своей маленькой церкви и три дня в соборе – и тление не коснулось его: почивший имел вид спокойно спящего человека.

Родившись 10 января⁶ 1815 года, Святитель скончался семидесятидевятилетним старцем, не дожив четырех дней до дня рождения.

Для совершения чина погребения 11 января прибыл из Тамбова преосвященный епископ Иероним, в сопровождении высшего духовенства. К этому времени тело в Бозе почившего святителя уже было перенесено в теплый собор, где 12 января совершена преосвященным Иеронимом соборне Божественная литургия. Во время причастного стиха ректором Тамб. Семинарии произнесено было надгробное слово. После литургии началось погребение. Храм далеко не мог вместить всех желавших присутствовать при погребении. Во время отпевания слышались вопли и рыдания. Около 3½ часов пополудни, гроб с останками почившего святителя был

перенесен в Казанский собор и погребен в склепе в правом Владимирском приделе этого собора.

При приезде на похороны и при отъезде можно было встретить группы богомольцев с котомками за плечами: иные шли 200, иные – 300 верст, чтобы поклониться почившему и проститься с ним, помолиться об упокоении души его и испросить, как при жизни, у него молитв пред престолом Божиим...

В заключение всего считаем своим долгом привести «последнее Завещание», какое сам Святитель оставил нам еще 24 июля 1866 г., при прощании с Владимирской паствой, перед отправлением на «покой».

«Не попеняйте на меня, Господа ради, что оставляю вас. Отхожу не ради того, чтобы вынужден был вас оставить. Ваша доброта не допустила бы меня переменить вас на другую паству. Но, как ведомый, ведусь на свободное от забот пребывание, ища и чая лучшего, – как это сродно естеству нашему. Как это могло образоваться, не берусь объяснять. Одно скажу, что кроме внешнего течения событий, определяющих на дела, есть внутренние изменения расположений, доводящие до известных решимостей, есть кроме внешней необходимости, необходимость внутренняя, которой внемлет совесть и которой не сильно противоречит сердце. Находясь в таком положении, об одном прошу любовь вашу, – оставя суждения и осуждения сделанного уже мною шага, усугубьте молитву вашу, да не отщетит Господь чаяния моего и дарует мне, хоть не без трудов, обрести искомое мною. И я буду молиться о вас, – буду молиться, чтоб Господь всегда ниспосылал вам всякое благо, – улучшал благосостояние и отвращал всякую беду; паче же чтоб устроил ваше спасение. Спасайтесь, и спаситесь о Господе. Лучшего пожелать вам не умею. Все будет, когда спасены будете. Путь спасения вам ведом, ведомо и все спасительное устройство Божие! В сем отношении довольно вам напомнить слова Апостола Павла: о Тимофее! предание сохрани. Сохраните, что Господом и св. его апостолами предано церкви и что одно поколение христиан передает другому. Напомнить о сем вам понуждаюсь того ради,

что ныне много лживых учений ходит между нами, учений растлительных, подрывающих основы веры, расстраивающих семейное счастье и разрушающих благосостояние государства. Поберегитесь, ради Господа, от сих учений. Есть камень, коим испытывают золото. Испытательным камнем да будет для вас св. учение, издревле проповедуемое в церкви. Все несогласное с сим учением отвергайте, как зло, каким бы титулом благовидным оно ни прикрывалось... Вы только это соблюдайте, а все прочее уже само собою приложится вам. За чистотою веры последует осенение благодати. Благодать с верою созиждут святыми и непорочными сердца ваши. Чистые же сердцем Бога начинают зреть еще здесь, – узрят Его несомненно там, и будут вечно зреть и блаженствовать в сем зрении. – Это небольшое напоминание прошу принять, как «последнее завещание»; и большим чем обременять внимания вашего не буду. Все знаете сами. Поревнуйте только стать в ряд тех ублажаемых, коих указал Господь в слове Своем: сия весте; но блаженны есте, аще творите я. Затем – простите! простите, если кого оскорбил, обидел, онеправдовал, или чем соблазнил.

Господь Бог благодатию Своею да простит и помилует всех нас! И еще прошу не забывают меня в молитвах ваших.»

Исполним же просьбу Архипастыря: не забудем его в молитвах наших. Со святыми упокой, Христе, душу усопшего раба твоего преосвященного епископа Феофана и сотвори ему вечную память!

Помолися и о вас, святителю Христов, «чтобы Господь всегда ниспосылал нам всякое благо, – улучшал благосостояние и отвращал всякую беду, паче же чтобы устраивал наше спасение»!

Примечания

¹ - В предыдущей, мартовской, книжке был помещен портрет преосвященного Феофана, относящийся к началу его жизни в Вышенской обители. Теперь прилагаем его же портрет в преклонном возрасте. Предполагаем, что он обязан своим происхождением поездке Затворника на два дня в Москву по случаю болезни глаз. Дозволяя снять с себя портрет, почивший Владыка без сомнения удовлетворил горячим просьбам многих.

² - Сравн. о. Иоанна И. С. Кронштадтского «Моя жизнь во Христе»: молитва есть дыхание души, как воздух – дыхание естественное тела. Ч. II. 352.

³ - О книге Б.Н. Чичерина отзыв профессора протоиерея А.М. Иванцова-Платонова

⁴ - В своих воззрениях на природу человека святитель придерживается трихотомического учения. По этому учению мы должны признавать в человеке не два, а три элемента: тело, душу и дух. Это различие сознавалось уже Платоном и Аристотелем. Слово Божие осватило его – в лице ап. Павла, который также в природе человека различает тело, душу и дух: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа вашего И. Христа» (1Сол. 5:23). Древние учителя церкви также разделяли это воззрение. Климент Александрийский называет душу «αλοῦον μεροζ», а дух «πνευματικόν». Пр. Феофан занимается этим вопросом в своем «Толковании посланий св. ап. Павла к филиппийцам и солунянам», Стр. 383–386. Против этого воззрения существует, как известно, много возражений. «Не есть ли такое разделение излишнее осложнение и без того уже сложного существа? И не вдаемся ли мы здесь в такие умствования, которые теряют уже всякую точку опоры и не в состоянии дать на малейшего представления о предмете?.. На эти вопросы следует отвечать прежде всего, что так как человек есть венец творения, то он естественно является сложным существом». 13. Б. Чичерин. Наука и религия. Стр. 187. Интересующихся вопросом отсылаем

к этому сочинению, где они найдут полнейшее раскрытие и твердое философское обоснование вышеуказанному воззрению.

⁵ - Изд. Афонского Пантелеймонова монастыря. С требованием можно обращаться в часовню св. Пантелеймона на Никольской. Москва.

⁶ - По более точным сведениям, днем рождения святителя следует считать именно 10 января 1815 года.